

САМСОН ЧАНБА

ИЗБРАННОЕ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
1 9 6 0

К. С (АБх
218

САМСОН ЧАНБА

ИЗБРАННОЕ

АБГОСИЗДАТ
Сухуми — 1960

3

*Авторизованный
перевод с абхазского*

1994 г.
15.4.94

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самсон Яковлевич Чанба является выдающимся абхазским писателем и общественным деятелем.

Родился он 18 июня 1886 года в крестьянской семье, в селе Ата-ра, Очамчирского района. Сначала учился в драндской церковно-приходской школе, затем — в Сухумской горской школе, после окончания которой поступил в Кутаисскую сельскохозяйственную школу. В 1904—1905 гг., как он сообщает в автобиографии, еще учеником в Кутаисе, участвовал с товарищами в демонстрациях против царского самодержавия и подвергался преследованию со стороны полиции. Революция 1905 года приобщила его к социалистическому движению.

После окончания сельскохозяйственной школы С. Чанба некоторое время работал сельским учителем. Не имея специального педагогического образования, он вынужден был оставить школьную работу. Он поступает в Хонскую учительскую семинарию, которую оканчивает в 1914 году и получает звание педагога. Возвратившись в Абхазию, С. Чанба несколько лет работает учителем в селах Кутол и Адзюбжа; ведет среди крестьян культурно-просветительную работу.

В 1916 году С. Чанба переезжает в г. Сухуми, где преподает абхазский язык и географию в Сухумской учительской семинарии. В эти годы начинается его революционная и литературная деятельность.

Как указывается в автобиографии, писатель «с 1915 года до раскола социал-демократической партии в Абхазии состоял членом в ее рядах и работал с тов. С. Кухалейшвили и другими большевиками».

В 1918—1920 гг. С. Чанба был членом Народного совета Абхазии, организованного меньшевиками. Он вместе с Д. Аланиа, М. Цагуриа и И. Марганиа составил группу четырех, именовавших себя «независимыми социалистами». «В своих работах, — писал С. Чанба, — мы вели большевистскую линию. Наша работа в На-

родном совете была направлена к тому, чтобы подрывать авторитет меньшевиков в народных массах Абхазии и тем подготовить почву для восприятия большевизма». Одновременно С. Чанба помещает в абхазской газете «Агсны» острые публицистические статьи, направленные против политики антинародного меньшевистского правительства и высказывает свое сочувствие идеям большевиков.

В 1919 году С. Чанба публикует в той же газете свое первое художественное произведение — романтическую поэму «Дева гор» и издает отдельной книгой пьесу «Амхаджир» (1920 г.), являющуюся первенцем абхазской драматургии.

После установления Советской власти в Абхазии (4 марта 1921 года) С. Чанба вступает в Коммунистическую партию и активно включается в строительство новой жизни. Он занимает ответственные посты: работает народным комиссаром просвещения, председателем ЦИК Абхазской АССР; избирается членом ЦИК СССР и Грузинской ССР; несколько лет редактирует абхазскую газету «Апсны Капш». Принимает активное участие в создании и укреплении абхазской писательской организации. В 30-е годы он — председатель правления Союза писателей Абхазии, редактор абхазского литературно-художественного журнала и научный сотрудник Абхазского института краеведения.

Наиболее ярко проявляется творчество С. Чанба в годы советской власти.

Жизнь Самсона Яковлевича Чанба трагически оборвалась в 1937 году. Некоторые неопубликованные рукописи писателя не сохранились. Его литературное наследие почти целиком издано на абхазском языке.

С. Чанба был тесно связан с абхазским народом, хорошо знал абхазскую деревню, был одним из активных организаторов колхозного строительства. Писатель принимал деятельное участие в собирании и изучении абхазского фольклора.

Многообразно литературное творчество Самсона Яковлевича Чанба. Ему принадлежат рассказы, очерки, драматические и поэтические произведения, путевые заметки и многочисленные публицистические статьи.

Произведения С. Чанба сыграли видную роль в развитии абхазской художественной литературы, особенно в области прозы и драматургии. Его драматические произведения — пьесы и комедии — легли в основу абхазской национальной драматургии. Они сразу вошли в оригинальный репертуар абхазского театра. По своему идей-

но-тематическому содержанию драмы и комедии С. Чанба охватывают историко-революционные события («Амхаджир», «Апсны Ханым», «Кераз», «Из прошедших дней»), бичуют отсталые взгляды и привычки. В этом отношении заслуживают внимания острые, одноактные комедии («Пьяный оплакивает своих покойников», «Ы-ы, аллах, аллах!»), где автор осмеивает пьянство и суеверия.

В 30-х годах, наряду с историко-революционной тематикой, С. Чанба все больше стал тяготеть к современной тематике, к показу жизни с ее основными тенденциями, борьбой старого с новым. С молодым талантливым писателем Вл. Агрба, он пишет пьесу «Победа», рисующую первый этап колхозного строительства в абхазской деревне.

О переломе в творчестве С. Чанба, наступившем в начале 30-х годов, ярко свидетельствуют рассказы и особенно повесть «Сейдык». Они, наряду с рассказами М. Хашба и Вл. Агрба, говорили об успехах формирующейся абхазской прозы.

В абхазской прозе 30-х годов обратили на себя внимание новеллы С. Чанба и его повесть «Сейдык» (1934 г.), в них ярко выявлены мастерство и идейно-художественные принципы писателя. В этих произведениях он смело трактует тему, дает искусный психологический анализ создаваемых художественных образов.

Повесть «Сейдык» — одно из наиболее значительных реалистических произведений абхазской литературы. Описываемые события относятся к началу тридцатых годов, к эпохе коллективизации сельского хозяйства. Материалом для идейного конфликта служит сама жизнь, острая классовая борьба в деревне. С. Чанба, пользуясь реалистическим методом и будучи знатоком народной жизни, наглядно демонстрирует утверждение социалистических форм жизни, показывая, как постепенно, в условиях классовой борьбы, рушится частнособственнический уклад жизни в деревне, сменяясь новыми взаимоотношениями, основанными на началах коллективизма. Этот великий перелом в абхазской деревне, движение людей к социализму автору удалось передать в выразительных, впечатляющих образах. В повести показано, как постепенно уничтожаются порожденные эксплуататорским строем бытовые и социальные пережитки. Терпят полный крах сейдыки, казылбаки и другие последыши старого мира, потерявшие привилегии и экономическую власть. В правде — сила строителей новой жизни: коммунистов, комсомольцев, трудовых крестьян, таких как Темыр, Хабаш, Хикуч, Кубрыц, Коблук. Однако партийцы, комсомольцы, советские работники села у автора

не всегда достаточно индивидуализированы, порой они несколько схематичны.

С. Чанба известен своими новеллами. Они отличаются тонкой психологической характеристикой действующих лиц. Наиболее значительна по своему идейному звучанию новелла «Камень с очага дедушки», в которой ярко обрисован конфликт, возникший между соседями из-за земельного участка.

Как в драматургии, так и в прозе С. Чанба чувствуется живость и лаконичность диалога, в котором отражаются характеры персонажей. Язык писателя насыщен афоризмами, прост и образен. С. Чанба — прекрасный стилист и вместе с Д. Гулна является одним из создателей абхазского литературного языка.

Самсон Яковлевич Чанба — выдающийся абхазский прозаик и основоположник абхазской драматургии. Имея в основе революционный романтизм, творчество его развивалось на путях социалистического реализма. Лучшие его произведения вошли в золотой фонд абхазской художественной литературы.

В эту книгу вошли наиболее значительные произаические произведения писателя в авторском переводе. Литературная редакция — П. Слетова.

Х. БГАЖБА

СЕЙДЫК

(ПОВЕСТЬ)

Глава первая

Зацвела алыча. Она покрылась цветами, похожими на белые мотыльки.

Завязь яблонь набухла, готовая распуститься молочно-розовыми лепестками.

Гудели и жужжали пчелы, садясь на первые цветы. Где-то заливался соловей. Соревнуясь с ним, пел в орешнике черный, как уголь, дрозд.

Над равниной тянулись к небу голубые дымки. Готовя поля к пахоте, крестьяне жгли остатки прошлогодних стеблей кукурузы и табачных бодылей.

Любительница зерна пестрокрылая сойка, чувствуя, что скоро начнется посев, радостно горланила, перелетая с ольхи на землю и с земли на ветки.

Весна была теплой, яркой.

Во дворе Темыра девочка и кудрявый, голопузый малыш гонялись за белой бабочкой, когда что-то зазвенело. Дети остановились и обернулись к калитке, через которую Темыр тащил плуг.

Они удивленно вытаращили глаза на диковинку, забыв о бабочке, которая скрылась в бурьяне. Потом девочка стремглав побежала к пацхе*, зовя мать. За нею, что-то лепеча, пустился и малыш.

Молодой, сильный Темыр поставил плуг посреди двора и, радостно посвистывая, залюбовался им. Отточенный лемех сверкал, солнце ярко горело на нем, отражение лучей играло на лице Темыра.

Молодая Асия вышла с детьми из пацхи и поспешила навстречу мужу.

Дети, подбежав к плугу, ухватились за цепь. Ее звон

* Хижина с плетеными стенами.

смешался с веселым смехом детей. Эти звуки песней отзывались в сердце отца.

Темыр был бедняком. Его конусообразная пацха, крытая почерневшей от дыма и копоти соломой, опиралась на столб, словно сгорбленный Базала* на свою палку. С крыши тянулась к небу полоса дыма.

Дальше, на косогоре, виднелась акуаска** богатея Сейдыка. Крыльцо ее украшали резные перила, карнизы были с причудливыми узорами. Над крышей торчала высокая беленая печная труба. Из тщеславия Сейдык заставил печников удлинить ее, чтобы она издали бросалась в глаза. Со стороны проезжей дороги он вырубил заслонявшие акуаску ольховые деревья, обвитые виноградными лозами. И лестницу приделал к крыльцу не так, как обычно ставили в селе, а по-новому — зигзагами. Все это он соорудил еще при старом режиме. Но пришла советская власть, и Сейдыку захотелось быть незаметным. Он подумывал теперь о том, не укоротить ли ему слишком высокую трубу и не засадить ли акуаску со стороны проезжей дороги быстро растущей ольхой...

Темыр долго любовался плугом, полученным в сельсовете, и строил разные хозяйственные планы. Вспоминал свою прошлую жизнь. С той поры, как он был в силах держать ручки сохи (Темыр осиротел еще ребенком), он попал в руки Сейдыка, и тот выжимал из своего работника все соки.

Однажды Темыр чуть не ударил Сейдыка корзиной. Это было при дележе кукурузы. Посреди поля лежали горой зрелые початки. Четверть собранного урожая должен был по уговору получить Темыр, остальное брал Сейдык. Но и эту долю бедняка жадный Сейдык старался уменьшить. Корзину Темыра он наполнял едва до краев, а свою — с верхом. Это возмутило Темыра, и он с трудом сдержал себя.

Воспоминания о прошлом кольнули Темыра, он трях-

* Имя, ставшее почти нарицательным и служащее характеристикой дореволюционного, изнуренного трудом абхазского крестьянина.

** Деревянный дом.

нул головой, словно отгоняя их. Взгляд его опять упал на плуг и загорелся радостью.

— Ну, что ты скажешь на это? — обратился Темыр к жене. — Видишь, какое время настало? Для нас, бедняков, советская власть — крепкая опора. Для себя ведь будем пахать! А? — сказал Темыр и похлопал по спине свою молодую жену.

Асия улыбнулась. Радость мужа передалась и ей. — Нет! Никогда! Что бы ни посулил Сейдык, к нему пахать больше не пойду! — сказал решительно Темыр.

Он посмотрел в сторону усадьбы Сейдыка, но тотчас же презрительно отвернулся и взглянул на свою пацху, похожую на опрокинутую вверх дном конусообразную корзину для сбора винограда. Конечно, она казалась жалкой в сравнении с домом Сейдыка, но сегодня и она как будто прониклась гордостью Темеыра: дым, столбом стоявший над ней, изогнулся и тянул в сторону дома Сейдыка, словно наступая и грозя: «Подожди, я тебе покажу!».

Глядя на закоптелую пацху, Темыр подумал, что неплохо было бы заменить ее небольшим домиком.

— Если будем живы, тоже отстроимся, — сказала Асия, как бы отвечая на его мысль.

Сынишка Темеыра, привлеченный блеском лемеха, усевшись возле плуга, стал водить ручонками по острию.

— Не трогай! Руку порежешь! — прикрикнула на него мать.

— Не... я хочу потлогать... — запротестовал непослушный карапуз.

— Асия, возьмись за ручки плуга, — попросил жену Темеыр.

Сам он взялся за цепь и потянул.

Плуг глубоко врезался в почву и вывернул черную ленту жирной земли.

Дети звонко засмеялись.

— Видишь, как он режет! — радостно сказал Темеыр и выдернул плуг из проложенной борозды.

— Вот только кого впрягать в него? На себе что ли пахать будем? — задумчиво отозвалась Асия.

— Не печалься! Плуг — не соха. Одолжу его, например, Коблуху или Куначу, взамен они дадут буйволов,

или сообща обрабатываем поля... — Смотри! Вон валяется наша соха... — Темыр подтащил ее к плугу.

— У тебя длинное прошлое, старушка! — обратился он к ней. — Я, мой отец, дед, прадед, прапрадеды ковыряли тобой землю. Видишь этот железный плуг? Какой у него лемех! Как солнце на нем играет! Ты только царапала землю, а он режет ее пластами. Это — твоя смена. Останься же здесь на память о старине!.. — сказал Темыр, поднял соху и повесил на сук граба. — Сегодня же начну снимать ожинки с нашего участка!

Выдернув воткнутую в плетеную стену пацхи ачакугу*, Темыр побежал к ограде и перепрыгнул через нее.

Засверкала ачакуга. Темыр, не отдыхая, очистил получастка. Жена и дети собрали в кучи скошенные стебли. Темыр сел под ольхой и закурил самокрутку. Тонкий, сизый дымок папиросы тянулся спиралью вверх и растворялся в воздухе.

Темыр задумался и живо представил себе, как он новым плугом режет землю на ленты, разбрасывает горстями золотые зерна кукурузы, как затем боронит. И вот уже показываются острые, зеленые, свернутые в трубочки листочки кукурузы, поле покрывается зеленым щетинистым ковром... Растут, вытягиваются стебли... Над ними — раскидистые метелки цветов, из пазух листьев свисают золотые нити, пухнут початки, одеваются в шершавый, как чесуча, зеленый покров. Перешептываются сухие, желтеющие листья, гуляет ветер по кукурузному полю. И вот, наконец, — гора наломанной кукурузы.

И Сейдыка нет!

Рядом с кукурузой жирными, клейкими листьями зеленеет табак... Спеет, желтеет, его ломают, нанизывают на шнуры... Сушат, связывают в тюки... И Сейдыка нет!

Режущий крик оборвал размышления Темыра — над головой его заорала сойка.

Темыр улыбнулся, встал и поджег собранную кучу. Сухие стебли затрещали, взвились языки пламени.

* Род косы, предназначенной для срезания ожинков и папоротника.

— Барбанджиа*! Барбанджиа! Спали старую жизнь! — шутливо сказал Темыр. — Да здравствует советская власть! — он отошел от костра, разбежался и прыгнул через огонь.

К нему подбежали дети.

— Отойдите! Обожжетесь! — крикнула мать. — Чего только ты им не покажешь...

Но Темыр, не обращая внимания на слова жены, схватил подмышку голопузого сына и прыгнул с ним через огонь.

— И меня! И меня! — закричала дочь, подбежав к отцу.

Темыр перепрыгнул и с нею.

Пламя жадно пожирало груды стеблей. Она медленно оседала, превращаясь в мягкий, серый пепел.

— Жги и остальные кучи, — сказал Темыр, протягивая жене пучок горящих стеблей.

И снова засверкала в его руках ачакуга.

К забору подошел сосед Коблукх и хотел окликнуть Темыра, но вместо того облокотился о балясину и, улыбаясь, залюбовался его работой.

От сильных ударов ачакугой остатки стеблей, подрезанные у корня, взлетали вверх и легко падали на землю.

Темыр остановился, пройдя до конца ряда. В этот момент Коблукх крикнул:

— Да спорится твоя работа, дад Темыр!

— Да будет тебе добро! — откликнулся тот, опустив занесенную ачакугу. — Отчего не идешь сюда?

Коблукх перелез через забор.

— Хай, дад Темыр, я видел у тебя плуг. — Как я рад за тебя!

— Пусть к тебе придет радость и в твоих собственных делах! — ответил Темыр. — Сядем в тени, — пригласил он соседа.

Оба сели под ольхой. Подбежали дети. Коблукх слегка ткнул пальцем голопузого малыша в самый пупок. Маль-

* Старый обычай. В начале августа зажигают костры и прыгают через пламя, очищаясь от грехов, с возгласом «барбанджиа!»

чик отскочил и залился смехом. Засмеялась и девочка. Малыш, которому понравилась игра, снова двинулся к Коблуху.

— Не шали! — прикрикнула на ребенка мать. — Не хотел рубашонку одеть, чучелко... — проговорила она, как бы извиняясь за сына.

— Ничего, пусть играет так, — ответил Коблух и обратился к Темыру: — У тебя есть теперь плуг, Темыр... Будешь пахать у Сейдыка или на своем участке?

— Работать к нему я больше не пойду! — ответил твердо Темыр.

— Хорошо сделаешь, дад. Если есть у тебя такая возможность, конечно, работай на себя, — согласился Коблух.

— А вот пахать-то не на чем, скотины нет, — с огорчением сказала Асия.

— Живы были бы соседи, от них и получим подмогу.

— Верно, дад, верно. Я тебе дам моих буйволов. Да, кстати, вот о чем я вспомнил... — Коблух сел поудобнее, достал кисет с табаком, стал высекать огонь. — Я, дад Темыр, крепко стал задумываться...

— О чем? — заинтересовался Темыр.

— О том, дад, о чем говорят наши коммунисты и комсомольцы.

— О чем же все-таки?

— О колхозе, дад, о колхозе. — Коблух исподлобья посмотрел на Темыра и Асию, боясь, не поднимут ли они его насмех. Он никого еще не посвящал в свои думы.

— Колхоз, говоришь ты? Слышал и я об этом.

— Не говорите! Не говорите о колхозе, — вмешалась Асия, — Кеймытхан бранила колхозы!

— Молния ей в морду, этой длинной палке с птичьей головой. Что она понимает!

— Не говори! Не говори так о ней! — воскликнула Асия. — Накличешь на себя беду! Она все знает, она гадает на фасоли.

— Брось! Ничего она не знает! — прервал жену Темыр.

— Не верю я знахарям, дад Асия, и этой старой ведьме Кеймытхан. — сказал Коблух. — Намучился я, когда

заболел мой сын. Обращался я и к Кеймытхан и к другим знахарям, и чего только они ни советовали. И петуху гребень отрезал, и зарезал барашка белого, без единой отметины. Целую неделю искал такого. Три раза обвел вокруг больного телку, отрезал у нее кончик левого уха, завернул в кусок вощенной материи и спрятал в сундук... Повесил над больным медный таз с заговорами... Но ничто не помогло. Наконец позвал доктора, и тот вылечил сына. Теперь я верю, дад, только докторам. А знахари — один расход, пользы никакой! — Коблук махнул рукой. Однако вот что, Темыр, я много спорил о колхозе с нашими коммунистами и комсомолом. Кучир, сын мой, настоящий комсомолец. Спорил я и с ним. Говорит он, как взрослый. Он там в комсомоле старший, — сказал Коблук с отцовской гордостью.

Он вынул изо рта потухшую трубку, вытряхнул ее, ударив о ладонь, набил табаком и продолжал:

— Вот спорил я с ними. Долго спорил. Как будто они правы и вместе с тем неправы. Камень, долго лежащий без движения, покрывается мохом. Так, дад, и мы. Подумай сам! Мой отец, дед, прадеды, прапрадеды все жили там, где и я теперь живу. Ковыряли всю жизнь землю, а жили бедно. Роюсь и я на этой земле моих отцов. Мне уже пятьдесят лет стукнуло, а я остался при том же... Придавлен к земле, крепко придавлен и подняться не могу...

— Верно, Коблук, — подтвердил Темыр, — вот и мой отец, Хабжкут, строил эту пацху, жил в ней, мечтал заменить ее лучшим домом, работал, как буйвол, и умер в этой же самой пацхе.

— Джанат* ему, — сказал с уважением Коблук. — Хороший, честный был человек.

— И вот, — продолжал Темыр, — хочу, как и отец, вместо этой пацхи, выстроить домик... Но не могу — где возьмешь денег?!

— Не умеем жить, Темыр, не умеем. И если есть среди нас несколько крестьян-богатеев, то свое добро они нажили нечестным трудом... А кому доставались плоды

* Рай.

наших трудов? Тем, кто сидел у нас на шее... Пожелаем же многих лет советской власти. — Хорошо она с ними раздалась!

Темыр вспомнил о своем плуге.

— Много лет советской власти! Крепкая она опора для нас.

— Верно, дад. Крепко нужно держаться за нее, и не будем падать. — Коблук вынул изо рта трубку, сплюнул и продолжал: — Наши кровные, отнятые у нас земли она вернула нам, вместо сохи дает плуг. Будем живы, и не то еще увидим.

— А вот, говорят, Коблук, есть такой плуг, что не успеешь оглянуться, как все поле вспахано. Ты слышал об этом? — спросил Темыр.

— Это трактор.

— Видел ты его?

— Нет, только слышал.

— А кого запрягают? Буйволов? — спросила Асия.

— Сам работает, дад, сам.

— Сам? Без буйволов? — Асия всплеснула руками.

— Да, я и забыла — и Кеймытхан о нем говорила. В нем дьявол сидит.

— Какой там дьявол! Огонь горит внутри, он его и двигает, — прервал ее Коблук. — Так вот, Темыр, как ты насчет колхоза? Почему бы нам, живущим в одном поселке, не объединиться? Помнишь, в прошлом году мы пошли к вдове Селымхан и помогли ей? Как тогда работалось легко и дружно! А-а, дад?

Это пришлось по душе Темыру. Тем более, что у него самого не было рабочего скота.

— Умные слова ты говоришь. Давай, соберем соседей и потолкуем. Так, что ли, Коблук?..

— Соберемся на поляне, у кривого ореха, поговорим, обсудим, — ответил Коблук и посмотрел на солнце. — Ну, мне пора, — сказал он, поднимаясь.

Окрыленный новой надеждой, Темыр, опять заработал ачакугой бодро и уверенно.

Глава вторая

Дверь акуаски распахнулась, и на балкон вышел Сейдык. Он был в расстегнутом архалуке, в чувяках со стоптанными задниками.

Яркое солнце ударило ему в лицо. Он прищурил глаза и осмотрелся: перед ним внизу виднелась убогая пацха Темыра, дым от нее, развертываясь в воздухе, густыми клубами плыл на Сейдыка. Вдали курились поля. Крестьяне вышли на работу.

— Машаллах*! Какая погода!.. Весна пришла! — сказал Сейдык.

Взгляд его упал на козу, которая, став на задние ноги и упершись в забор, жевала виноградную лозу, свисавшую с ольхи.

— Ррах**, ррах! Чтоб тебя волки задрали! — заорал на нее Сейдык.

Коза, не обращая внимания на окрик, продолжала жевать лозу. — Чтоб тебя повесили на суку вниз головой и содрали шкуру! Ррах! Ррах! — снова крикнул Сейдык и, вложив в рот два пальца, свистнул. Словно дразня Сейдыка, коза прыгнула на забор и еще быстрее заработала челюстями.

— Еще и на забор полезла! Чтоб тебе колом брюхо распорол! — закричал Сейдык и крикнул изо всех сил: — Уаа, Хабаш!

Резкий голос его разнесся по селу. Воробьи, дремавшие в гуще кипариса, выпорхнули и, недовольно чирикавая, улетели.

Хабаш в амацурте*** в это время передавал Хикуч, дочери Сейдыка, подойник, полный козьего молока. Услышав крик Сейдыка, он вздрогнул, как ужаленный, и выбежал во двор. Хикуч припала к щели амацурты и стала наблюдать за отцом и Хабашем. Её огорчило, что отец, как это часто бывало, без всякого повода начал разносить Хабаша.

Хабашу было десять лет, когда умерли его родители.

* Благословен аллах.

** Окрик.

*** Кухня.

Сейдык взял сироту себе в пастухи на десять лет, с условием, что треть от козьего приплода будет принадлежать Хабашу. Когда Сейдык нанимал мальчика, он пригласил в свидетели самого престарелого старика в деревне — Чахмата. Приглашая старика, он соображал, что десять лет — срок большой... за это время тот несомненно умрет, и он, Сейдык, сможет не выполнить своего обязательства, а просто скажет Хабашу: «Я воспитывал тебя, сироту, десять лет и хватит. Ничего тебе с меня не причитается».

Но Сейдык просчитался. Срок окончания договора приближался, а старик Чахмат не умирал. Это бесило жадного паука, он становился все злее, ворчливей и придирчивей.

У Сейдыка было больше тысячи коз, но хитрый плут, чтобы его не считали кулаком, после установления советской власти, роздал коз дальним родственникам, а себе оставил штук тридцать.

— Не видишь ты, что делает коза! — набросился Сейдык на Хабаша, как только тот показался. — Где ты был? Почему не погнал стадо?

— Доил коз...

— Молчать! Еще рассуждает!.. Убирайся! Хабаш побежал, крича:

— Ррах! Ррах, чтоб тебя собаки разорвали!

Он свистнул. Коза спрыгнула с забора.

«Хоть бы когда-нибудь отец сказал ему доброе слово», — подумала Хикуч, взяла веник и стала подметать пол.

Сейдык обернулся к дверям акуаски и позвал жену:

— Эй, ты!

В дверях показалась старуха. Голова ее была повязана белой косынкой. На морщинистом лице выделялись ласковые голубые глаза.

— Машаллах! Видишь какая погода? Пора пахать. Пойду к Темыру, — пусть пашет. — Дым над полями, люди вышли на работу... В этом году я хочу, кроме кукурузы, посадить много табака. Думаешь, не осилим? Темыр

вспашет, как всегда, наши земли. Наймем батраков и заставим их работать на табаке... Были б деньги! Хи, хи, хи! — он подмигнул жене, оглядываясь по сторонам, и шепнул ей на ухо:

— Знаешь о кувшинчике, что зарыт под тахтой в ама-цурте?.. Золото в нем, как жар, горит! Следи, чтобы собака не лазила под тахту. Она любит туда забираться в холодильник... Чего доброго, еще выроет... Эх, доброе старое время, как тебя не вспомнить! А эта советская власть не для нас. Но... хи, хи, хи! Сумеем ее обойти... ведь я — член сельсовета, сын и дочь — в комсомоле... хи, хи, хи! Будем тянуть так, пока не повернется все по-старому... Да, да! Так говорят умные люди...

— Пусть так, — прервала его жена, — но чего ты орал на все село? Зачем обижаешь Хабаша?

— Работников нужно заставлять вертеться в собственной шкуре, и тогда они будут послушны, как собаки, и будут лучше работать. Понимаешь, ты, глупая? Вечно ты со мной споришь. Молнией тебе по лицу! — сказал Сейдык и сердито взглянул на старуху.

— Ни капли жалости не дал тебе бог! Ну чего ты поедом ешь Хабаша? Жалко его. Ведь сирота он. И как работает. Тебе говори, не говори, все равно без толку. Не сердце у тебя, а камень. — Старуха плюнула и ушла.

Сейдык увидел проходившего по двору сына.

— Куда, дад? — ласково окликнул он его.

— На комсомольское собрание.

— Иди, дад, иди! Пригодится и это... Мы, твои родители, уже постарели, не сегодня, завтра умрем. Все наше добро тебе останется. Хикуч — твоя сестра. Она — как птица. Сегодня здесь, завтра улетит. Все это тебе принадлежит. Не расточай имущества. Живи так, как твой и отец, и деды прожили. Поступай так, чтобы говорили, что Сейдык оставил после себя достойного сына. А теперь иди, прислушайся к тому, что в комсомоле вам говорят и помни все, что я тебе сказал. Будь умным.

Кончив подметать, Хикуч взяла кувшин и пошла за водой. Это была чуткая, добрая девушка, характером она напоминала мать. Хикуч кончила сельскую школу,

вступила в комсомол. Она живо воспринимала все, чему ее учили в школе и что давал ей комсомол. Не таков был ее брат: в его характере было больше отцовского. Сейдык благоволил к сыну, называл его «продолжателем рода». Тому это льстило, поднимало его в собственных глазах.

Зеленый, росистый двор сверкал под лучами солнца. Капли росы прозрачным бисером унизывали траву, крупными слезами блестели на листьях. Хотелось наклониться и собрать на ладонь эту алмазную россыпь.

Приятный холодок от росы словно смыл дурное настроение, навеянное грубостью отца. Хикуч шаловливо скользила босыми ступнями по влажной траве, перелезла через плетень. Остановилась у края ложбины, поросшей лесом. Внизу журчал родник.

В лесу раздался стук топора.

Хикуч прислушалась. Потом, прыгая, как коза, она спустилась к роднику. Скользя по желобку, сделанному из свежей коры, падала холодная прозрачная, как слеза, струя воды.

Хикуч обмыла под ней ноги. Откинула за спину свисавшую на грудь косу. Затем поставила кувшин под струю.

В это время Хабаш, пасший в лесу коз, влез с ловкостью белки на вершину граба. Достал из-за пояса цалду* и стал рубить ветку. Сырые щепки полетели вниз.

Хикуч, стоявшая у родника, услышала стук цалды. Приставив ладонь трубкой к губам, крикнула:

— Хабаш! О-о-о, Хабаш!

— Эй! — откликнулся Хабаш, перестал рубить и прислушался.

Лес молчал. Хикуч не отозвалась, решил подразнить парня.

Хабаш подумал, что слух его обманул, и снова стал рубить. Срезанная ветка полетела вниз и воткнулась острием в землю. Козы подбежали к ней и стали обрывать свежую листву.

* Род топора.

Снова слышался зов.

— Кто это? Эй! — крикнул Хабаш.

Молчание.

— Кто там кричит! Эй! — повторил Хабаш и поднял цалду, собираясь срубить другую ветку.

Послышался знакомый звенящий смех. Хабаш узнал голос Хикуч. Сердце его забилося.

— Это ты, Хикуч! — крикнул он, швырнул вниз цалду и, быстро цепляясь за ветки, спустился на землю. Поднял цалду, перепрыгнул через козу, загородившую ему дорогу и помчался вниз, к роднику, уклоняясь от цепких колючек.

«Чего я так бежал?» — подумал Хабаш, очутившись возле Хикуч, и опустил голову.

— Хабаш, кончил ты рубить? — спросила Хикуч, улыбаясь, и стала накручивать кончик косы на указательный палец.

— Да... Нет... Кончил, — ответил он невпопад.

Заметив торчавшую ветку, машинально поднял цалду, взмахнул ею. Ветка упала между ними. Снова подумал: «Зачем я это сделал?»

Хикуч засмеялась.

Хабаш, не поднимая головы, посмотрел на девушку из под полей нахлобученной войлочной шляпы.

Взгляды их встретились. Оба опустили глаза. Большой палец правой его ноги, высунулся, как черепашня голова, из порванного чувяка. Ему стало стыдно, и он закрыл его левой ногой.

— Ну и летел же ты сюда! — Хикуч снова засмеялась.

— Разве меня что-нибудь здесь может удержать. Лес, кусты, колючки, все это — мои друзья, — ответил Хабаш и уже смелее продолжал: — Лес меня воспитал, Хикуч, свыкся я с ним с детства. Мальчишкой еще пас там буйволов и забирался в самую гущу. Мать тогда была еще жива... — прибавил Хабаш, понизив голос.

Хикуч взглянула на него, и ее охватила жалость. Только теперь ей бросилось в глаза, как мало заботились о нем она и ее мать. Короткая чоха была изодрана и, казалось, держится только поясом, войлочная шля-

па — дырявая. Но и в этих лохмотьях он был сильным, красивым...

«И мать и я — ничего для него не делаем...» — подумала Хикуч и, стыдясь своих слов, сказала:

— Дал бы ты мне, Хабаш, чоху починить. Я бы ее залатала.

Слова Хикуч тронули его.

— Опять изорвут колючки. Не стоит! Я сам справлюсь. Сдеру кожицу с шелковицы и ею скреплю рваные места.

— Кожицей? В самом деле?

— Нет, пошутил. Дашь когда-нибудь иголку с ниткой, я и зашью.

— Сам зашьешь? Не хочешь, чтобы я починила?

— Зачем тебя утруждать. Да и вообще охота тебе думать о моих нуждах...

— Молчи! — оборвала его Хикуч. — Я и так себя упрекаю, что до сих пор мало о тебе заботилась.

«Какая она милая, — подумал он, — счастлив тот, за кого она выйдет замуж. Вот если бы она была моей женой».

Он испугался этой мысли. Отогнал ее. Но она опять вспыхнула в его сознании: «Моей женой... Моей?.. Женой сироты? Пастуха, у которого ни кола, ни двора?.. Дочь Сейдыка? Нет! Нет!».

Кувшин давно был полон. Струя воды клокотала в его горлышке, стекала по бокам, бежала дальше по каменистому ложу и исчезала где-то внизу, в зарослях.

Хабаш молча смотрел на ручеек, отделявший его от Хикуч. В его воображении он все увеличивался, расширялся и превращался в огромную, буйную реку. Он на этом берегу, а Хикуч на том. И она для него недоступна...

— Хабаш! — прервала молчание Хикуч.

— Что, Хикуч?

— Почему ты не в комсомоле?

Неожиданный вопрос ошеломил Хабаша, он вытаращил на нее глаза.

— Почему не в комсомоле? — переспросил он.

— Да! Чего так смотришь? Что может быть лучше

для молодежи, — там всему учат. Вот уже год, как я в комсомоле. Всему учат, хорошо, — проговорила Хикуч и откинула за спину косу.

Хабаш потер пробивавшиеся усики и улыбнулся.

— Быть в комсомоле, конечно, дело хорошее. Если бы он был плох, ты не была бы в комсомоле. Но... козы, Сейдык... — пробормотал он, и лицо его омрачилось.

Хикуч задумалась.

— Да, отец не разрешит, — с грустью сказала она. Может быть, в ликбез пойдешь?

— А это что?

— Школа для неграмотных взрослых. Вчера в комсомоле объявили, что будут учить грамоте взрослых, тех, что не были в школе.

— И таких, как я?

— Да. Через три-четыре месяца сможешь читать книгу, газету.

— Эх! Я тогда не знал бы, что такое скука! — воскликнул Хабаш и от удовольствия потер руки. — Подумай, Хикуч: целые дни, целые годы я один в лесу с бессловесными козами... Эх! Если бы умел я читать, вот что сделал бы: вложил пальцы в рот, свистнул, потом крикнул: — Ррыт! Ррыт! Шит! Шит! Собрались бы все козы. А я сижу на ветке с газетой в руках. И я читаю им новости...

— Как оратор на собрании!

— Да!

Оба залились смехом. Хикуч снова задумалась.

— Хикуч, ты о чем думаешь?

— Отец не позволит тебе ходить в ликбез.

Оба примолкли.

— Я нашла выход! — воскликнула вдруг Хикуч.

— Какой?

— Я сама буду учить тебя читать!

— Ты?

— Да! Не веришь?

— А Сейдык?

— Мы ему не скажем. Тайком от него. Согласен?

— Согласен.

— Дай руку! — она протянула ему ладонь.

Хабаш перепрыгнул ручеек и крепко пожал протянутую руку. В это время Хикуч заметила на ветке красношейку. Она смотрела на них, не мигая, черными, живыми точками зрачков.

— Видишь эту птичку? Она — свидетельница нашего уговора, — Хикуч улыбнулась.

Словно поддакнув ей, птичка пискнула и подпрыгнула на ветке.

Хикуч подняла кувшин на плечо. Но Хабаш отнял его и побежал вверх по тропе, держа тяжелый кувшин одной рукой.

Девушка посмотрела ему вслед, подумала: «Какой он сильный», — и, побежав, напала его.

Он передал кувшин и проводил ее долгим взглядом. Потом повернулся и исчез в ложбине.

Глава третья

Сейдык подошел к воротам Темыра. Голову его обвивал серый башлык. Угол башлыка торчал над головой. Издали он походил на рог. Острые глаза Сейдыка обшарили весь двор. Он шел медленно, ко всему приглядываясь.

Посредине двора что-то сверкнуло. Сейдык заморгал и, прищурившись, впился глазами в блеснувший предмет.

Это был плуг.

Сейдык вплотную подошел к нему и потрогал.

Железный плуг.

Косясь на плуг, Сейдык обошел его и остановился. Ему стало неприятно. Он не ожидал увидеть у Темыра плуг. Заметил соху, висевшую на грабе. Взгляд его беспокойно перебежал с сохи на плуг.

Долго стоял Сейдык в раздумьи, поглаживая клинышек бороды. Поднял голову. За оградой сверкала под солнцем ачакуга. Он направился в ту сторону.

— Пусть спорится твоя работа, дад Темыр! — приветствовал Сейдык.

— Добро тебе! Что-нибудь нужно тебе от меня, Сейдык? — спросил Темыр, опершись об ачакугу.

— Нет, просто так зашел... Машаллах! Какая хорошая погода! Самая подходящая для работы! — сказал он, оглядываясь по сторонам. Потом исподлобья посмотрел на Темыра.

— Поэтому-то я и взялся за работу! — ответил Темыр, догадываясь, куда клонит Сейдык.

— Хорошо, дад, работать, хорошо... — сказал Сейдык и стал ждать, не заговорит ли Темыр о плуге.

Темыр молчал. Тогда Сейдык сам завел разговор.

— Дад Темыр, что это у тебя там, во дворе?

— А ты разве сам не знаешь? Зачем спрашиваешь?

— Да..., но... Где ты его достал?

— Сельсовет дал.

— Сельсовет?

— Да.

— Так, так. Но плуг-то большой, очень большой. Для него нужны сильные буйволы. Слабые его не потянут, — хитрил Сейдык и, прищурив глаз, взглянул на Темыра.

— Ну, что ж, Сейдык! Одолжи мне своих сильных буйволов.

— Одолжить?!

— Да.

— Не понимаю тебя, Темыр! Все мое — твое, запряги в плуг лучших буйволов и паши жирные поля, которые ты всегда пахал. Кто тебе в этом мешает? — сказал Сейдык и посмотрел испытующе на Темыра.

— Вот куда ты гнешь! Зачем мне пахать твои поля моим плугом? Им я вспашу свои поля.

— Твой?

— Да. Что ты удивляешься?

— Хи, хи, хи! — ехидно засмеялся Сейдык. — Поверь опыту Сейдыка. Твои поля тебе не вспахать. Это целина. Твердая, как камень. Их не касалась никогда соха.

— Плуг возьмет!

— Плуг... Да. Но, если ты надеешься на буйволов Базала и Коблуха, то им не потянуть твоего огромного плуга: слишком они слабосильны.

— Ничего, потянут! У меня — плуг, у них — рабочий скот. Объединимся и вспашем свои поля! Довольно, не

о чем мне больше с тобой говорить. Только мешаешь работать. — Темыр повернулся к нему спиной и взялся за ачакугу.

Но Сейдык не уходил.

— Значит, нет? — начал снова Сейдык.

Темыр не отвечал и продолжал работать.

— Так... так.. гм... даже не хочешь со мной разговаривать? Говорят, медведь укусил своего воспитателя, — так и ты меня. И это — достойное отношение к старику, тебя воспитавшему...

Темыр вспыхнул.

— Ты меня воспитал? Чтоб ты свою голову так воспитал! Знай, Сейдык, больше я у тебя не буду работать! Не пойду к тебе в рабство.

— Рабство, говоришь ты?

— Да!

— Хи, хи, хи! — снова захихикал Сейдык. — Рабство! Когда же ты был у меня в рабстве? Большую долю урожая ты брал себе...

— Врешь! — не вытерпел Темыр.

— Охота тебе с ним препираться, — вмешалась Асия.

— Ты — женщина, не лезь в мужские дела! — бросил ей Сейдык и снова обратился к Темыру. Э-э-э, дад, плюнул ты на мою хлеб-соль...

Но Темыр прервал его.

— Не знаю, чьи хлеб и соль я ел, но знаю, что ты от моего труда богател.

— Да услышит бог, который пребывает там, наверху, твои слова, — сказал Сейдык, обратив глаза к небу.

— Убирайся ты со своим богом, слышишь? Иначе тебе будет худо! — вскипел Темыр.

— Аллах, аллах! Еще пугаешь! И чего кичишься. Как бы хорош ни был, все же ты — сын Хабжкута*, да, Хабжкута!..

Это взорвало Темыра.

— Аайт, выживший из ума старик! Отец мой не был богат, как ты, но зато он был честный бедняк! — закричал Темыр и с поднятой ачакугой двинулся на Сейдыка.

* Имя. В переводе — паршивый Кут.

Тот, видя, что дело принимает серьезный оборот, повернулся и быстро засеменял к забору. Уже выскочив за забор, он обернулся и пригрозил Темуру.

— Знай, Сейдык, больше работать на тебя я не буду! Я, Базала, Кунача, Коблук и другие вместе вспашем наши поля! — крикнул Темир, и ачакуга снова взметнулась, сверкнув на солнце.

В это время вдоль ограды Темыра проходил со стадом Хабаш. Его внимание привлек поднимавшийся клубами дым. Густо заросшая цепкой зеленою ограда мешала ему видеть, что происходит за нею.

Хабаш вскочил на ограду и, увидев работающего Темыра, крикнул.

— Пусть спорится твоя работа, Темир!

Темир оглянулся и, увидев Хабаша, как кол торчавшего над оградой, улыбнулся.

— Иди сюда!

— Что ты делаешь, Темир? — спросил, подойдя, Хабаш.

— Как видишь! Работаю.

— Да... но... — замялся Хабаш.

— Что удивило тебя, Хабаш? Ты думал, что Темир никогда не будет работать для своего хозяйства?

— Да... но как же ты вспашешь поле? У тебя ведь ничего нет!

— Нет?.. Идем!

Во дворе прежде всего Хабашу бросился в глаза плуг. Хабаш снял дырявую шляпу, зажал ее крепко в кулаке и с любопытством уставился на блестящий лемех. Потом обошел вокруг плуга и вопросительно посмотрел на Темыра. Тот улыбнулся.

— А у Сейдыка нет такого! Откуда это у тебя?

— Сельсовет дал... Возьмись за ручки, — сказал Темир и сам ухватился за цепь.

Хабаш бросил шляпу на землю.

— Не наваливайся! Это — не соха, — предупредил Темир и потянул за цепь.

Плуг врезался в землю и вывернул жирную полосу.

— Как он режет! — вскрикнул Хабаш. — Десятину вспашешь за день! А впрягать будешь буйволов Сейдыка?

— Нет! Я не хочу больше иметь дело с Сейдыком.
— Как?
— Так! Сейдык был у меня сегодня.
— Здесь? Ишь, почуял твой плуг!
— Почуял! Волк он. Хотел, чтобы я снова работал у него. Как репейник, пристал. Я его прогнал...
Хабаш задумался.
— Значит, ты больше не будешь работать у Сейдыка? — с оттенком грусти сказал он.
— Нет, не буду. А что, это тебе не по душе?
— Эх, Темыр, ты ушел, сам себе стал хозяином...
А вот я остался! Друг, меня покинул одного...
— Не падай духом, Хабаш! И ты вырвешься из рук Сейдыка. Вот скоро ты уже не будешь его пастухом, уйдешь... Некуда? Мой дом — твой дом. Пока не устроишься, живи у меня. Понял? — сказал Темыр, похлопал по плечу Хабаша и прижал его крепко к груди. — Подними шапку. Идем.

Козы Сейдыка пожирали зелень на ограде. Одни торчали на самой ограде, другие уже успели перескочить.

— Ррыт! Ррыт! Чтоб вас волки съели! Ненасытные вы, как и Сейдык! — крикнул Хабаш, простился с Темыром и побежал к козам.

Темыр долго смотрел ему вслед. Годы дружбы связали его с Хабашем. Вместе делили они у Сейдыка и горе и радость. С малых лет они попали в руки кулака, который выжимал из них пот. Темыр решил во что бы то ни стало вырвать друга из цепких лап Сейдыка.

Глава четвертая

Сейдык подошел к своей калитке, которая вела во двор, и сильно толкнул ее ногой. Калитка распахнулась, с треском ударилась о забор.

Сейдык зашагал по двору мрачный, злой. Он искал живое существо, на котором мог бы выместить накипевшую злобу. В таких случаях обыкновенно он обрушивался на Хабаша. Но тот был с козами в лесу. Во дворе, как назло, не было живой души, даже какой-нибудь курицы.

Словно все попрятались, чтобы не попасться на глаза разгневанному хозяину.

Сейдык направился прямо к амакурте. Проходя мимо сложенных дров, он заметил валявшийся на земле топор.

«Куда он бросил топор? Прямо в росную траву... По голове бы им тебя!».

— Киаафыр!* — процедил сквозь зубы Сейдык. — Да ведь это я рубил утром дрова! Чтоб этому Темуру спятить с ума! — пробормотал вслед за тем Сейдык, поднял топор и, с досадой всадив его в дерево, вошел в амакурту.

Жена хлопотала около кадушки, просеивая муку. Сейдык сел молча у очага. Над огнем висел на очажной цепи котел с водой. Насупив брови, Сейдык долго молчал. Молчала и старушка, занятая хлопотами по хозяйству. Сейдыку показалось, что в очаге мало дров, и он накинулся на жену.

— Дохлая ты, дохлая! Возишься с мукой, а котел у тебя холодный, как лед! Тьфу, кто вас женщин сотворил! Дров не можешь подложить! Когда нет мужчин, ничего не стоите вы, дохлые! — заорал он и толкнул ногой тлевшее полено.

Взлетели искры, снежинками посыпался серый пепел.

— Что с тобой? Ослеп, что ли? Вода ведь в котле кипит!

— Где? — Сейдык придвинулся и заглянул в котел.

Вода бурно кипела.

— Гм... а мне показалось... — пробурчал он.

— Отчего ты сегодня как бешеный, словно собака тебя укусила?

— Собака!.. Если бы собака укусила, это еще полбеды. А вот, если человек тебя укусит — это похуже, — сердито ответил Сейдык.

— Кто это так кусается? — спокойно спросила старуха.

— Чуть-чуть не разбили голову твоему старику...

— А кто же это?

— Кто? Твой хороший человек!

— Кто?

* Нечестивый.

— Темыр! — ответил сердито Сейдык.

— Из-за чего же вы поссорились?

— Зазнался он!

— Темыр никогда не был заносчивым. Почему ты это решил?

— Она еще не верит! Аллах, аллах! Из чего ты сотворил ее? Пойми — плуг, железный плуг. Вот из-за чего он зазнался. Сегодня, когда я пришел к нему, он на меня и смотреть не хотел... Сказал, что ко мне он больше в рабство не пойдет. Слышишь ты, дура, — в рабство! Потом он кинулся на меня с ачакугой, и я едва от него ускользнул. Но посмотрим еще, посмотрим, сын презренного Хабжкута, посмотрим!

— Ну, что же, он — не твой сын! Его воля, где хочет, там и работает.

— Молнией тебя по лицу! Что ты понимаешь? Я вот другого боюсь...

— Чего?

— Колхоза, вот чего! Кое-где уже в нашем районе появились эти колхозы. Не собирается ли кто устроить здесь колхоз?.. Не думает ли вступить туда Темыр?

В воротах показался верховой.

— Встань, ты! Кто-то приехал к нам! — всполошилась старуха.

Сейдык сразу узнал всадника.

— Да это Казылбак!

— Что ты! — воскликнула старуха и стала поспешно приводить все в порядок.

Сейдык, забыв про годы, кинулся навстречу гостю.

— Добро пожаловать, дад Казылбак! — поспешил он первый его приветствовать.

— Добро тебе, Сейдык! — ответил Казылбак, слезая с лошади.

Сейдык схватился за стремя.

Князь Казылбак был высокого роста. Он носил серую черкеску с серебряными газырями и черную каракулевую папаху. На поясе у него висел кинжал в позолоченных ножнах. Черная борода с проседью обрамляла узкое лицо, на котором выделялся большой крючковатый нос. Глаза смотрели из глубоких орбит остро, хищно.

— Пожалуй, дад, в акуаску!* — приглашал хозяин.

— Зачем, Сейдык, туда? Могу и в кухню — лукаво сказал Казылбак и добавил: — Теперь мы, дворяне и князья, на плохом счету... Зачем ты беспокоишься...

— Что ты, дад Казылбак! Что ты говоришь! Если какие-нибудь дураки и болтают глупости... Не стоит обращать на них внимания... Люди всегда были неравны... Так начертал аллах. Кровь — разная. Разве я поверю, дад Казылбак, если скажут, что кровь кривого Базала или паршивого Хабжкута и твоя — одна и та же? Убей, не поверю! Заходи, дад!

Давно не слышал Казылбак таких сладких речей. Они звучали для него нежной музыкой и напоминали о невозвратном прошлом. Он глубоко вздохнул.

Поднялись на балкон; Казылбак сел на табуретку.

— Подожди, дад! Сейчас, сейчас... Сейдык побежал в акуаску и вынес новый венский стул.

— Зачем, Сейдык, беспокоишься... И эта хороша, — с напускной скромностью сказал Казылбак, радуясь, что это внимание похоже на почести, которые ему когда-то оказывали.

— Нет, дад, нет! Садись сюда!.. Такие табуретки не для тебя. Найдется кому на них сидеть, — подобострастно сказал Сейдык.

Казылбак пересел на стул. Сейдык отступил на несколько шагов и замер в почтительной позе.

— Садись, Сейдык, садись! Когда все, и в особенности молодежь, забыли дедовские обычаи, зачем себя утруждать. Садись, — повторил Казылбак.

— Нет, дад, я еще в своем уме. Раз сам Казылбак приехал ко мне, значит, бог улыбнулся мне, — льстиво ответил Сейдык.

— Да пошлет тебе бог здоровья, ему приятны твои слова.

На балкон вышла жена Сейдыка.

— Доброе утро, мать! — приветствовал ее Казылбак и встал.

* Гостиная.

— Добро тебе, нан*! — ответила старуха, подошла к нему и обняла.

Сейдыку показалось, что старуха холодно приветствовала князя. Ему хотелось, чтобы она отнеслась восторженнее к приезду такого гостя, обошла бы два-три раза вокруг него, в знак того, что все дурное, что может к нему прилипнуть, она берет на себя. Старик хотел было выругать жену, но постеснялся князя и, улучив минуту, лишь бросил на нее угрожающий взгляд.

Казылбак, занятый какой-то мыслью, барабанил пальцами по ножнам кинжала.

Старуха ушла. Сейдык стоял, не шевелясь, боясь помешать размышлениям Казылбака.

— Скажи по совести, Сейдык, — обратился к хозяину гость, перестав барабанить. — Каковы были наши отношения? Разве дворяне и крестьяне не жили душа в душу, не помогали друг другу, не были связаны узами родства?

— Золотом режу твои слова**, Казылбак. Правду говоришь дад, — подтвердил Сейдык и вспомнил, как князь и дворяне выделяли его из среды крестьян, как бы считали своим и он пользовался поэтому общим уважением и почетом.

Внимание дворян и князей поднимало Сейдыка в собственных глазах, и он смотрел на односельчан свысока.

— Э-э-э, дад Казылбак! Вами только я и жил... И начальство, благодаря вам, меня знало... И медаль вы мне выхлопотали... Она и сейчас лежит где-то на дне сундука, чтобы глаза людям не мозолила... Э-э-э, дад!.. — вздохнул старик.

— Да, Сейдык, прошло хорошее время. Нас сделали врагами народа... Кто? Знаешь, кто?.. — спросил испытующе Казылбак.

— Знаю, дад... большевики.

— Да, большевики! — с ненавистью процедил сквозь зубы Казылбак.

— Мы все были братьями. Верно?

— Верно, дад, верно.

* Ласкательное слово.

** Этой фразой прерывают речь собеседника.

— Большевики натравили на нас крестьян-бедняков. Но этого им мало, теперь они принялись за кулаков, таких, как ты, Сейдык...

— Меня нет в списке кулаков, дад Казылбак, — возразил Сейдык и попытался улыбнуться, но в глазах его мелькнул испуг.

— Не записан сегодня, так запишут завтра, — ответил Казылбак, делая ударение на последнем слове.

Эти слова капали на сердце Сейдыка расплавленным свинцом.

— Но я — член сельсовета.

— Член сельсовета? И оттуда выгонят!

— Как так?

— А вот так, — с убийственным хладнокровием продолжал Казылбак. — Скажут — богато живет... Большое стадо коз имеет... Пастуха держит, акуаска у него большая... Вот и попадешь в кулаки, — закончил Казылбак, покручивая конец своей бороды.

Сейдык стоял, как пришибленный. Он повторял себе, что его сын — комсомолец, дочь — комсомолка и сам он — член сельсовета. Но это все же его не утешало.

— Что у меня есть, Казылбак? — нищенским голосом начал Сейдык. — Вот эта дрянненькая акуаска. Десяток коз. Пастух-сирота, которого я воспитал с малых лет и продолжаю воспитывать... И как же меня могут записать в кулаки? Несправедливо было бы это, дад... — он умоляюще посмотрел на Казылбака.

Тот его не слушал и барабанил пальцами по перилам. Он вспоминал, как ему жилось раньше. В его обширном имении с утра до вечера работали крестьяне-арендаторы. А сам он, бездельничая, сидел на высоком балконе своей акуаски... Наслаждался, жирел от крестьянского труда... Вспомнились вместительные амбары, наполненные крестьянской кукурузой. Золото широким потоком текло в его глубокие карманы! А теперь он, как рыба на мели. В его большой акуаске — сельсовет. Имение у него отобрали. «Исчезло, как дым, бывшее величие... Призрак я», — подумал он. Вспомнив виновников всего этого, он загорелся ненавистью, глаза его налились кровью, из груди

вырвался хриплый, заглушенный вздох. «Ы-ых!» — процедил Казылбак сквозь зубы и ударил кулаком о перила.

— Что с тобой, дад? — забеспокоился Сейдык.

Казылбаку стало неловко за свою несдержанность.

— Ничего. Так, Сейдык, о разных вещах вспоминал, — ответил он и деланно улыбнулся, но в груди кипела ненависть. Ах, будь у него возможность — перерезал бы всех ненавистных ему большевиков. В бессильной злобе он заерзал на стуле.

Вспомнил он своих двух сыновей: один служил у Деникина, другой — у меньшевиков. Оба бежали вместе со своими хозяевами на запад... Эх, если бы они вернулись, пришли победителями — вот бы он отомстил большевикам!.. Что бы он сделал с Келаматом, Хакуцом, Озаматом и другими крестьянами, разорившими его имения?.. С живых содрал бы кожу!

Он даже заулыбался этим мыслям. Раздвинулись брови и у Сейдыка, следившего за настроением Казылбака.

— Надо работать, Сейдык, работать, не покладая рук, — проговорил Казылбак.

— Да, да, дад, — ответил машинально Сейдык, не понимая, о чем говорит гость.

— Нужно крепко держаться друг за друга, — продолжал Казылбак и, растопылив пальцы рук, ткнул ими в сторону Сейдыка: — Вот так должны мы все, недовольные этой властью, влиться в народ. Каждый через своих знакомых, родственников, молочных братьев, кормилиц, должен влиять, действовать, подчинять нашему влиянию крестьян, настраивать их против этой власти... Понял, Сейдык?

— Так, дад, так.

— На сходах в сельсоветах нужно обязательно иметь своих людей, — продолжал Казылбак. — Иметь влияние на советы, это очень важно.

— Верно, дад, верно. Вот я — в сельсовете, и кое-кто слушает меня.

— Вот, вот. Не о себе я говорю, Сейдык. Мы, дворяне и князья, теперь — ничего, с нами покончили, а вот о вас я говорю. Нам жалко вас, крестьян. Если большевики целиком заберут в свои руки советы, вам будет конец. Вот возьмем тебя, Сейдык...

Сейдык насторожился.

— Ты, благодаря аллаху, пока живешь хорошо. А дальше вот что может получиться: все твоё добро раздадут лодырям, батракам, таким, как твой сосед-голыш, — он указал пальцем на пацху Темыра.

Посмотрел туда и Сейдык. Наморщил лоб.

— Вот. Потому нам нужно крепко друг за друга держаться и подрывать их власть. Казылбак многозначительно взглянул на Сейдыка. — Скоро вернутся старые порядки. Скоро. Да, да, вернутся. И ты снова достанешь со дна сундука свою медаль.

Сейдыку приятны были эти слова.

— А я, дад, чуть ее не продал.

— Как? Продать? Золотая она у тебя?

— Да, дад.

— Как можно! Это царская милость. Ее надо хранить, как зеницу ока.

— Действительно, чуть не попутал дьявол. Да бог надоумил, — оправдывался Сейдык. — А вот, дад, что ты скажешь о колхозе? — спросил он.

— Колхоз?

— Да, дад. Начинают о нем поговаривать.

— Колхоз — смерть ваша! Он убьет нашу старую жизнь навсегда. Разрушит все наши дедовские обычаи, с чем мы сжились веками. Колхозом как раз и нужно пугать народ!

В этот момент на балкон поднялся сосед Сейдыка Коблук.

— Добро пожаловать! — приветствовал Сейдык.

— Всего доброго вам! — ответил Коблук.

Он сел рядом с ними на табуретку.

Непринужденность, с которой Коблук приветствовал хозяина и гостя, и то что тот сразу сел, все это не понравилось Сейдыку. Он неприветливо взглянул на соседа.

— Давно, Казылбак, ты к нам не заглядывал, — обратился к князю Коблук.

— Кто пойдет туда, где его не хотят? Мне сказали — Казылбак, ты плохой. И вот я сижу дома, никому не мешаю, лишь бы меня не трогали, — ответил Казылбак.

— Не вечно тыкве воду таскать, Казылбак. Хватит. Долго вы сидели на нашей шее.

Казылбак вспыхнул.

— Что ты говоришь?! Аллах, аллах! Когда же мы вас притесняли?

— По-твоему, не притесняли?

Коблук держал себя с Казылбаком, как равный с равным. Сейдыка это возмущало. Он ощущал неловкость перед Казылбаком, готов был крикнуть на Коблуку, но сдерживал себя, боясь открыто встать на защиту князя.

— Брось, дад Коблук, брось!.. — сказал было он, обращаясь к соседу.

Но тот его не слушал.

— Значит, Казылбак, по-твоему, мы сидели на вашей шее, а не вы на нашей?

— Аллах, аллах! Что за слова! Разве мы друг другу не помогали? Не были связаны узами родства? Не жили душа в душу? — уклонился князь от прямого ответа.

— Все это ложь! — отрезал Коблук. — Знаем это родство! Мы, «родственники», тащили вам каплунов и барашков...

— Перестань, Коблук! Что за охота спорить, — взмолился Сейдык.

Но Коблук, вспоминая обиды, продолжал:

— Каждый крестьянин должен был для вас выращивать каплунов. Теперь нас не вынуждают холостить петухов.

Казылбак слушал все это, внешне сохраняя спокойствие. Но последние слова Коблука задели его за живое. Глаза его блеснули яростью. Рука невольно потянулась к кинжалу. Раньше за такие слова он всадил бы кинжал в Коблуку по самую рукоятку.

— Слыхано ли это? — проговорил он, еле сдерживая себя. — Если бы такие вещи говорил комсомолец, это было бы понятно. Но как не стыдно тебе? Ты глумишься над нашими святыми обычаями!.. Вот где гибель наша, — заметил он, взглянув на Сейдыку. Тот, посмотрел на Коблуку и развел беспомощно руками. Казылбак продолжал:

— Хоть я ничего не имею против советской власти, но...

— Руки коротки, — обрезал Коблук.

— Перестанешь ты или нет? — не выдержал Сейдык.

— Аллах, аллах!.. Послушать только! Верна пословица: «Скрежет зубов постылого кажется громом». Все, что я ни скажу, тебе будет казаться неверным.

— Что посеешь, то и пожнешь. За ваши дела мы вас и не любим.

— Я тебя когда-нибудь обидел?

— Я не о себе говорю, Казылбак, а о нас всех, которых вы угнетали. Но хотя бы и обо мне — помнишь тот мой кусок земли на берегу реки, что отдали тебе?

— Возможно, возможно... Не спорю. Но я тут не при чем — мне дало начальство...

— Если бы ты жалел нас, крестьян, то мог бы отказаться...

— Хватит, довольно! — вмешался потерявший терпение Сейдык.

— Отстань, Сейдык! Века молчали. Теперь, когда людьми стали, не будем молчать! — ответил Коблук.

Казылбак вскочил и обратился к Сейдыку.

— Сейдык, я приехал к тебе по одному делу...

Встал и Коблук, сказав:

— Сейдык, одолжи пожалуйста на время седло.

— Возьми, оно в амацурте. Старуха даст тебе, — кинул небрежно Сейдык.

— Прощайте! — сказал Коблук и спустился по лестнице.

Сейдык с облегчением вздохнул.

— И нужно было ему залезть, когда ты — у меня. Тьфу! Постеснялся я тебя, Казылбак, а то спустил бы его с лестницы. Садись, дад, садись, — упрашивал он.

— Не думай об этом, Сейдык. Успокойся. Это он не по своему разумению говорил, кто-то ему это внушил... Но мне пора идти.

— Подожди! Старуха уже готовит нам закуску. Успеешь.

— Не могу, Сейдык. Я приехал к тебе за козленком. Он мне очень нужен.

— Козленок — дело пустое! Обожди немного, дад...

— Скажи, сколько хочешь за козленка, и я захвачу его с собой.

— Что ты говоришь? Разве я возьму с тебя деньги и позволю тебе самому везти козленка? Вечером я сам завезу его или пришлю.

— Я тебе принес кучу хлопот...

— Нет, дад! Услужить тебе я всегда рад — это для меня удовольствие.

— Хорошо, уговорил. Спасибо тебе!

Казылбак стал спускаться по лестнице. Сейдык опередил, подбежал к коню и подвел его князю.

— Эй, где ты? Уезжает Казылбак! — крикнул жене Сейдык.

Старуха выбежала из амацурты и стала просить Казылбака остаться.

— Спешу, мать. Да сопутствует вам добро! — он подобрал узду, схватился за луку седла и, всунув в стремя носок левой ноги, вскинул на седло свое грузное тело. Сейдык поддерживал стремя. Князь еще раз попрощался и пустил коня вскачь.

Сейдык обернулся к жене.

— Ушел Коблук?

— Взял седло и ушел.

— Чтоб ему никогда не вернуться! Опозорил меня перед Казылбаком! Вцепился в него своим языком... Не будь я членом сельсовета, спустил бы его с лестницы. Эх, Казылбак — вот это был человек! Настоящий князь! Какую он силу имел!.. И ты тоже, молнией тебя по лицу, сухо его приняла!

— Не нравится он мне. Потерял свое княжество и бесится — хочет вернуть старое, — ответила старуха.

— Молчи, дура! Тоже еще рассуждает! — прикрикнул на нее Сейдык.

Все сказанное Казылбаком тяжестью легло на сердце Сейдыка. Не зная за что взяться, после отъезда князя, он стал бродить по двору. Проходя мимо сложенных дров, заметил валяющееся полено. Поднял его и швырнул на дрова.

Подошел к бревну, вырвал торчавший в нем топор. Заметил плохо вбитый кол в заборе, ударил его обухом

толора. Проходя мимо липы, отсек торчавший сук. Прошел к воротам.

— У-а-а, Сейдык! — окликнул его кто-то с улицы!

— Эй?!

— Завтра заседание сельсовета!

— Кто ты?

— Милиционер!

— Хорошо, дад, хорошо! — ответил Сейдык и стал запира́ть ворота.

Глава пятая

Косой луч солнца проник через щель в пацху, упал на подушку и стал чертить по ней узоры. Запутался в черных кудрях спящего, скользнул на лоб и ярким светом ударил в глаза.

Кучир, сын Коблуха, секретарь комсомольской ячейки, проснулся, протер глаза и взглянул на постель отца, потом на стену. Отца не было, но подойник висел на месте. Значит, он еще не успел подоить коров. Прислушался: на дворе мычала корова и жалобно откликался теленок.

У Кучира было живое, привлекательное лицо. Правильный нос с небольшой горбинкой, черные брови и веселые глаза.

Он быстро оделся, умылся и через щель глянул на двор. По росистой траве Коблух шел к загону. Увидев его, корова протяжно замычала.

Кучир вспомнил, что на сегодня назначено собрание партийной ячейки с комсомольским активом, на котором будет обсуждаться вопрос о колхозе. Он схватил подойник и выскочил во двор.

Коблух обернулся и, увидев сына, бежавшего к нему с подойником, улыбнулся.

— Проспал! А еще комсомолец! — пошутил отец. — Любите вы подтрунить над нами, стариками, а мы свое дело знали и не просыпали, вставали с зарей. Вот раньше на сходах мы, старики, решали мирские дела, а молодежь почтительно слушала...

— Теперь же, — прервал его Кучир, — молодежь решает дела, а старики почтительно слушают?.. — Он весело рассмеялся. — Нет, отец! Это не так: мы старших не обижаем. Вот ты — член сельсовета, Сейдык, Мыса, Осман и другие... Мы, правда, гоним тех, кто сознательно мешает нашей работе, не хочет понять политики партии и советской власти в деревне... Кто слушает и распускает всякие вздорные слухи, а не то, чему учит Ленин... Мы строим лучшую жизнь, и в этой работе старики и молодежь должны помогать друг другу.

— Верно, — согласился отец.

Коблук чувствовал, что сын его прав, и ему было приятно, что он говорит так горячо и толково. Он взял подойник у сына, отворил загон и пустил телку к корове.

Телка стремительно подбежала к матери и принялась жадно сосать.

Коблук отогнал телку и стал доить корову. Под его привычными пальцами молоко струей потекло в подойник. Однако телка, с молочной пеной у рта, кружилась вокруг матери, норовя подобраться к вымени. Коблук несколько раз дал ей по носу. Она фыркала, мотала головой, но снова тянулась.

Кучир схватил ее за заднюю ногу и оттащил. Она брыкалась, но не могла вырваться из его сильных рук и угомонилась.

Мать повернулась к телке и шершавым языком стала лизать ее голову.

Кончили доить и пошли к пацхе.

Кучир наскоро позавтракал и, уходя, сказал отцу:

— Отец, приходи сегодня обязательно на заседание сельсовета!

— Приду, приду!

Проходя мимо дома секретаря партячейки, Кучир крикнул:

— Кубрыц дома?

Выбежала женщина.

— Нет! Брат уже ушел в сельсовет!

— Давно?

— Только сейчас! Догонишь!

Ему было лет двадцать пять. Выпуклый лоб с навис-

шими бровями делал его лицо суровым, но ласковые светлые глаза смягчали эту суровость. Два года тому назад Кубрыц окончил партийную школу.

Шагая по тропе, он думал о директиве, полученной из райкома партии. Предлагалось усилить работу по вовлечению бедняков и середняков в колхозы путем разъяснения; убеждения и примера, решительно избегая администрирования. Коммунисты и комсомольцы должны были в первую очередь влиться в колхозы. Кубрыц намечал порядок предстоящей работы: обсуждение вопроса о колхозе с коммунистами и комсомольцами, собеседования с отдельными бедняками-активистами и с группами бедноты в каждом поселке.

Позади него кто-то свистнул. Кубрыц обернулся и увидел спешившего к нему Кучира.

— Доброе утро! — приветствовал его тот еще на бегу.

— Добро тебе! — ответил Кубрыц.

Они пошли рядом.

— Я шел и думал о нашем самом ответственном деле, — сказал Кубрыц.

— Ты это о колхозе?

— Да, нам надо будет приступить к организации в нашем селе колхоза.

— Одолеем и эту трудность, Кубрыц! Крепость будет взята! Организуем колхоз, — уверенно, с комсомольским задором заявил Кучир.

— Верно. Но наскоком эту крепость не возьмешь. Надо взвесить все, рассчитать свои силы и идти на штурм наверняка. И тогда крепость будет наша.

Путь их пересекала речушка. Кубрыц нашел узкое место и перепрыгнул, за ним — Кучир.

— Верно ты сказал, Кубрыц! — засмеялся Кучир. — Если бы ты не рассчитал своих сил и вздумал прыгать через речушку там, где она шире, наверняка попал бы в воду.

Кубрыц засмеялся.

— Распоряжение райкома требует обязательного вхождения коммунистов в колхозы, а также вовлечения комсомольцев.

— Ну и что ж? Мы обяжем коммунистов и комсомольцев вступить в колхоз! А кто будет пятиться, того немедленно исключать из партии и комсомола! — заявил решительно Кучир.

— Постой! — остановил его Кубрыц. — Исключить всегда успеем. Нужно сначала действовать убеждением. С коммунистами легко. Долго разговаривать с ними не придется. А вот к комсомольцам надо подходить осторожнее. Эти ребята еще не созрели. Одни из них еще не освободились от родительского влияния, другие — наполовину, третьи — совсем самостоятельные, к каждому надо подходить, учитывая условия, в которых он живет.

— А ты знаешь, Кубрыц, у нас в селе уже возникла мысль организовать колхоз.

— Почему ты мне раньше об этом не сказал?

— Ждал, пока это дело окончательно определится.

— Расскажи, с чего началось?

— Эту мысль подал отец...

— Коблук? Молодец!

— И Темура! — добавил Кучир.

— Темура? Которому мы плуг дали? Хороший парень. Жалко, что он не член сельсовета.

— При новых выборах обязательно выдвинем его, Кубрыц.

— Да, да... Ну, потом?

— Группа бедняков и середняков решила на днях собраться на поляне, под кривым орехом, обсудить вопрос о совместной обработке своих участков.

— Так, так. Дальше!

— Ты знаешь, во всем этом большую роль сыграл плуг! Увидели, как он пашет, и теперь неохота браться за соху. Плуг и, конечно, наша агитация среди сельчан — вот и началась тяга к совместной обработке земли.

— Коблук — молодец. Он настоящий крестьянин-активист! Вот таких бы побольше воспитать и тогда советская власть на селе еще глубже пустит корни. Надо бы Коблука вовлечь в партию...

— А не лучше ли его, как беспартийного активиста, использовать среди беспартийных? — возразил Кучир.

— Зачем это надо?

— Чтобы завоевать больше доверия, чтобы лучше проводить мероприятия партии среди беспартийных.

Кучир запнулся, встретив упорный взгляд Кубрыца. Оба на минуту остановились.

— Ты неправ, Кучир! Незачем нашей коммунистической партии хитрить! Она берет всегда своей прямоотой и правильной политикой. Мы, коммунисты, и вы, комсомольцы, только тогда завоюем авторитет и приобретем доверие масс, если будем правильно проводить в жизнь заветы Ленина и указания партийного руководства. Идем!

Они пошли по гребню горы. Долго молчали.

Дорожка перед ними круто спускалась вниз. Вдали виднелась озаренная утренним солнцем сельская площадь. За селом поднимались зеленые предгорья, а дальше сверкали снежной белизной изломы холодного Ерцаху*. А на юге сверкающее море нежилось у зеленых берегов.

Возле здания сельсовета толпился народ. Долетали обрывки бодрой комсомольской песни, рассыпалась дробь пионерского барабана.

Это были новые люди, с новыми песнями. Да, старая, забитая, темная деревня меняла свое лицо. Новое ломилось в старую закоснелую жизнь и перестраивало ее в социалистическую. Трещал, расползался по швам старый быт. Создавался новый, социалистический! А мощное комсомольское движение вырывало молодежь из-под влияния родителей и старого уклада жизни.

Кубрыц и Кучир остановились и стали смотреть в ту сторону, откуда доносилась боевая песня, волновавшая их.

И, ухватившись друг за друга, они побежали вниз по тропинке.

На площади, перед сельсоветом было шумно: раздавался смех, звенели звонкие, как серебро, голоса. Комсомольская молодежь играла в «аймцакачара»**. Разделившись на две партии, стояли друг против друга.

* Самая высокая часть горного хребта в Абхазии.

** Особый вид игры в мяч.

Вдруг державший мяч вскинул руку, но не выпустил мяча. Другой мгновенно рассек палкой воздух, но впустую. Кругом все расхохотались.

— Бросай, бросай! Теперь не проведешь! — обманутый сжался в комок, чтобы развернуться пружиной в нужный момент.

Мяч взлетел. Не успел еще взмахнуть палкой подбросивший, как от удара противника мяч со свистом пролетел над играющими и покатился по ровному месту.

За ним с тиком и свистом хлынула молодежь. Около мяча закрутился живой водоворот. Старики, стоя поодаль, смотрели на игру и вспоминали свою молодость.

Вдруг из толпы вынырнул комсомолец с мячом и пустился стрелой к своему лагерю. Раздались крики:

— Лови! Лови!

Противники кинулись за убегающим. Поднялся шум, свист. Самый быстроногий из преследовавших стал догонять. Бегущий с мячом обернулся и, увидев, что его настигают, напярк последние силы, но расстояние между ним и настигавшим все уменьшалось. Тогда он вдруг присел. Догнавший его полетел кувырком. Парень с мячом вскочил и пустился снова бежать.

Кинулись ему наперерез. Перехватили, и началась борьба, перешедшая в спор. Разгоряченная молодежь, жарко споря, вернулась к месту игры.

Снова взлетел мяч. От удара подоспевшего игрока он полетел в сторону стариков. Один из них, одетый в бурку, схватил мяч и пустился бежать.

Поднялся хохот. Молодежь повисла на его бурке, но он расстегнул ворот, и бурка осталась в руках ребят, а старик побежал дальше. Снова хохот, свист, крики. Старика все же догнали.

— Эх, когда я был молод, не бежал, а летел... Теперь ноги волочишь, как бревна, — сказал он, передавая мяч комсомольцам.

Надел бурку и присоединился опять к старикам.

— Что это ты, Кобзач, вздумал бегать? Помолодеть хочешь? — шутили вокруг.

— Душа еще молода, а вот кости одряхлели, — отвечал он, смеясь.

На балконе сельсовета появился Кучир.

— Актив! Активисты комсомола, идите сюда! — крикнул он.

Несколько человек направилось в сельсовет.

Один из стариков, сидевших под густой тенью раскидистой липы, улыбнулся и заметил:

— Нас зовут, а при обсуждении дел больше всего выступают сами...

— Правду, правду говоришь! — подтвердил Кунач, строгавший палочку.

— Дела решают коммунисты и комсомол, а мы так... — начал было другой, почесывая волосатый затылок, но его прервал Мсоуст:

— Как это вы говорите? Кто они? Не чужие! Наши же сыновья. Если они сначала сами обсуждают дела, значит так надо...

— Радоваться надо, что дети лучше нас, а не печалиться. Стыдно! — пробасил здоровенный Мфилды, заместитель председателя совета.

Он сидел прямо, не горбясь. На нем был пояс, шириной в ладонь, с большими железными бляхами. Он был напористым человеком и если ему не помогали слова, — брал глоткой.

— Так, так! Верно ты сказал! — поддержали его остальные старики.

Пристыженные ворчуны замолчали.

Сейдык стоял в стороне и тихо разговаривал со своим дальним родственником, членом сельсовета, бедняком Мысой. Старик пришел сегодня сюда раньше всех разузнать, о чем будет идти речь в сельсовете. Мыса находился под влиянием Сейдыка. Авторитет хитрого, умного и влиятельного старика подавлял его. Сейдык решил использовать его для агитации против колхоза.

— Дад Мыса, ты — мой родственник, и я хотел поделиться с тобой тем, что мучит меня последнее время.

— В чем дело, Сейдык?

— Прикидывал я так и этак, — продолжал Сейдык, — не знаю, насколько он для нас хорош...

— Что именно? — недоумевал Мыса.

— Колхоз, дад Мыса, колхоз, — ответил Сейдык, глубокомысленно качая головой.

— Колхоз?

— Да, дад. Это дело новое. Стоит ли сразу кидаться на него?.. Не знаю, нужен он или нет...

— У нас будет колхоз?

— Да, видимо, будет.

— Ну?! — воскликнул удивленно Мыса.

— Ты, Мыса, человек умный, разбираешься во всем... Значит, тебя не тянет в колхоз?

— Нет, Сейдык, — ответил Мыса, чувствуя, что Сейдык против колхоза — сам он еще плохо разобрался в этом вопросе.

— И мне так кажется, дад. Пока рано. Но есть глупые люди, крикуны, за все разом хватаются... Вот и сегодня они, наверно, будут настаивать...

— А что? Будет разговор о колхозе?

— Да. О нем будет речь. — Вспомнив слова Казылбака, Сейдык продолжал: — Колхоз, дад Мыса, — наша смерть! Он уничтожит все наши дедовские обычаи. Глупому все равно не втолкуешь, но умные не должны на это идти... Понимаешь, Мыса?

— Ну, что же, Сейдык, скажем «не надо» и все! — ответил Мыса, махнув рукой.

— Так-то так... Но кто это скажет?

— Как кто? Я, ты, другой! Мы, члены сельсовета!

— Ты это можешь сказать, Мыса... Потому что ты — бедняк... В списке ты так и значишься. А я записан крепким середняком... Хотя, что у меня есть? Живу, как все. Но все-таки, если я что скажу против колхоза, злые люди могут придраться. От крепкого середняка недалеко и до кулака... Так-то оно...

— Да... — замялся Мыса и подумал: «А почему я должен выступать против колхоза?» Но не останавливаясь на этой мысли, он машинально повторил:

— Скажем! Скажем!

— Вот там сидит сосед твой, Селым, — учил его тем временем Сейдык. — Поговори с ним... и еще кое с кем... Это для дела будет лучше. Идем.

И оба направились к группе членов сельсовета, сидевших под липой.

Глава шестая

К зданию сельсовета подъехал верховой, соскочил с коня и бросил поводья подбежавшему мальчику. Сложив плетъ вдвое, заткнул ее за пояс, крепко перехватывавший талию. Голова его была повязана ловко закрученным башлыком, кисть которого свешивалась вдоль левой щеки. Ноговицы плотно обтягивали икры сильных ног.

— Здравствуйте! — приветствовал он сидевших в стороне, под тенью липы.

— Привет тебе, — ответили те, вставая.

— Сидите, сидите! — крикнул он им и твердой поступью направился в сельсовет.

Это был председатель. Молодой, живой парень из бедняков. Он возвращался из дальнего поселка, где проводил собрание насчет посевной кампании.

Он вошел в просторное помещение сельсовета. На стенах висели портреты вождей. В углу стояло переходящее знамя ЦИК, полученное селом за первенство в посадке и уборке табака.

Бросался в глаза камин с мраморной облицовкой. Здание, в котором помещался сельсовет, принадлежало когда-то князьям.

За письменным столом сидел человек в очках, державшихся на самом кончике острого, сухого носа, и скрипел пером. Это был секретарь сельсовета, бывший писарь. На голове его сверкала плешь. Клочья полуседых волос свисали по ее краям.

Старый писарь никак не мог забыть прежнее и стать новым человеком. Он знал только входящие и исходящие бумаги. Во всех его медлительных движениях проглядывала старая канцелярская крыса. Он не мог отвыкнуть от слов «чемо батоно»*: настолько въелось в него рабское отношение к вышестоящим по службе людям. Его должны были заменить новым секретарем, комсомольцем, который был послан в центр на курсы по подготовке сельских секретарей.

— Почту получил? — спросил его председатель.

* Мой господин. (груз.)

— Есть, чемо батоно! — ответил тот неизменной фразой.

— Ты сообщи мне содержание всех поступивших бумаг. Эх, не могли мне родители дать образование! — добавил он с сожалением и приготовился слушать секретаря.

Тот поправил на носу очки, медлительно порылся в полученных из райисполкома бумагах, рассматривая их то через очки, то поверх очков, наконец остановился на одной.

— Чемо батоно, вот эта бумага самая срочная, — сказал он. — В трехдневный срок требуют покончить с мобилизацией денежных ресурсов, — и он по привычке прочел предписание от начала до конца, не пропуская штампа, числа, месяца и номера бумаги, вплоть до фамилии секретаря исполкома. Прочел и уставился на председателя, как бы говоря: «Я сделал свое дело, — сообщил содержание бумаги, а дальше пусть хоть камни с неба сыплются... Претворение содержания этой бумаги в жизнь меня не касается». И он опять равнодушно уткнулся в ворох лежавших на столе бумаг.

Это сообщение обеспокоило предсельсовета, он вскочил и стал ходить по комнате.

— Это надо сделать непременно в срок! Сколько у нас поступлений? Сколько еще надо собрать?

Секретарь, повозившись, разыскал и назвал цифры: тысяча рублей поступлений, триста недополучено.

— Завтра и послезавтра во что бы то ни стало выполним! — сказал уверенно председатель.

Потом он вспомнил о ряде очередных вопросов — посевная кампания, дорожное строительство, школа, кооператив, усиления работы ячейки...

— Миха! — обратился он к секретарю. — Составь список всех дел и каждый день напоминай мне о них, чтобы мы от других сельсоветов не отставали.

В это время дверь тихо скрипнула, и в комнату просунулась голова, обмотанная башлыком, из под которого выглядывало улыбающееся морщинистое лицо, с серой жиденькой бородкой.

— Можно, дад, зайти? — слышался робкий вопрос.

— А-а, Хазгери! Зайди, зайди! Чего спрашиваешь?

Ты же пришел в свой сельсовет! — улыбаясь, встретил его председатель.

Старику польстила такая встреча.

— Э-э, дад, в старом нашем сельском Управлении урядник однажды вытолкал меня в шею, — сказал старик.

— Нами управляет теперь не старшина и урядник, Хазгери! Нет больше власти царя, урядника и Казылбака, есть — советская власть. Селом управляете вы и ваши сыновья. Если выбранные вами плохо работают, их можно сменить и выбрать других, лучших. Так-то, Хазгери! — ответил ему председатель, подвигая к нему табуретку.

— Да, это хорошо, очень хорошо! Аллах да будет с тобой, — сказал старик.

— Что ты хотел, Хазгери?

— Вот, дад, много налога насчитали на меня, потому и пришел к тебе.

Старик стал рыться в старом потертом кожаном бумажнике, набитом квитанциями и расписками. Тут был подбор бумажек, полученных им чуть ли не за все годы его жизни: одни из них от долгого хранения стали черными, замасленными, другие, более новые, не утратили натурального цвета. Старик бережно хранил всю эту коллекцию на случай неожиданных придинок.

Хазгери долго искал какую-то квитанцию. Предсельсовета предложил ему показать бумаги секретарю, чтобы тот нашел ему нужную.

— Я сейчас, дад, сейчас. Пометку сделал на ней... — и вытащил новенькую бумажку с крестиком, помеченным углем. — Вот она, дад, вот эта! Позавчера получил. Тут, говорят, записано, что у меня две лошади и три буйвола.

Предсельсовета взял бумагу и сказал:

— Завтра я буду в вашем поселке, Хазгери, зайду к тебе и исправим ошибку.

— Хорошо, дад. Чтобы не требовали с меня лишнего, а что по закону с меня следует, конечно внесу. Дай-ка обниму тебя, — сказал расчувствовавшийся Хазгери, обошел стол, крепко обнял председателя и ушел, благославляя советскую власть.

Позвали членов сельсовета на заседание.

Уступая друг другу первенство, вошли старшие, за ними комсомольцы.

Сейдык пробрался раньше всех и занял место у стола, лицом к скамейкам.

Мфилды присел к столу. Погладил усы, бороду, достал трубку и стал набивать ее табаком.

На комсомольской стороне было шумно.

Пожилые молчали.

Мфилды, кончив набивать трубку, зажал ее в зубах, достал огниво, кремь, трут и высек огонь.

Трут загорелся. Он положил его в трубку, надавил сверху ногтем большого пальца и стал раскуривать ее короткими затяжками. Выпустил изо рта клуб сизого дыма. Посмотрел в сторону комсомольцев.

— Тише, вы, комсомол! — бросил он, улыбаясь.

Кто-то из комсомольцев расхохотался. В других местах послышался заглушенный смех.

Мфилды понял, что смеются по поводу его замечаний, и шутливо погрозил комсомольцам палкой.

Поднялся предсельсовета. Разговоры затихли.

— Сегодня стоит на обсуждении один вопрос, о котором будет говорить Кубрыц. Слово имеешь ты, — обратился он к Кубрыцу.

Тот встал, помолчал немного, собираясь с мыслями, потом надвинул кепку и начал уверенно говорить, подчеркивая взмахами руки отдельные фразы.

— Сельсовет — хозяин села. Он — местная власть. Все мероприятия нашего советского правительства он должен проводить в жизнь. Мы, члены сельсовета, несем перед избравшими нас и перед правительством большую ответственность...

— Так, верно... Нас посадили не играть в «акеброу»*, — поддакнул Базала, сидевший у стены.

— Перед нами, членами сельсовета, — продолжал Кубрыц, — большая, серьезная работа...

— Какая? — вырвалось невольно у одного комсомольца, напряженно слушавшего Кубрыца.

— Молчи! Чего высказываешь! — остановил его товарищ.

* Игра, вроде «чижика».

— Тише! Слушайте! — бросил им сидевший рядом коммунист Хабаху.

— Сейчас скажу, — отвечал Кубрыц. — Наше правительство хочет поднять хозяйство крестьянина, его благосостояние, но не прадедовскими способами, а новой формой хозяйствования. Эта форма — колхоз.

— Ну, да! — вырвалось у Кунача, догадка которого подтвердилась.

— Ленин перед смертью говорил, — продолжал Кубрыц, — что только в колхозе трудящемуся крестьянину спасение от бедности. Иначе ему — беда. Кулак-вампиры из него все высосет. И мы должны твердо идти по указанному Лениным пути...

Долго еще Кубрыц говорил членам сельсовета о значении колхоза. Когда он кончил, предсельсовета предложил желающим высказываться! Но все молчали. Никто не хотел брать слово первым. У молодежи на языке вертелись вопросы, но из уважения к старшим все ждали выступления стариков.

Сейдык сидел, опустив голову и словно углубившись в свои мысли, но украдкой бросал из-под нависших бровей острые взгляды по сторонам, ожидая горячих возражений от Мысы, Селыма и других, подговоренных им сельчан.

Мыса, сидевший на третьей скамье, среди членов сельсовета, беспокойно ерзал на месте. Он смотрел то на одного, то на другого, скидывал глаза на Сейдыка и не знал, начать ему сейчас возражать или подождать.

Кунач сидел задумчиво, ковыряя в зубах очиненной палочкой.

Председатель повторил свое предложение.

Сейдык нерешительно начал:

— Давайте обсудим...

— Говори сам, Сейдык! Зачем нам предлагаешь? — обиделся старик Чахмат, сидевший в стороне и покусывавший конец бороды.

— Что ты, Чахмат!.. Скажу... Конечно, скажу! — ответил Сейдык, который вовсе не собирался первым говорить о колхозе.

Из затруднительного положения его вывел поднявшийся коммунист Хабаху.

— Чего же это мы молчим? — начал он, улыбаясь и испытующе поглядывая кругом, но спохватился, что выступил без разрешения председателя и обратился к нему:

— Даешь слово?

— Говори, Хабаху! Ты уже взял слово! — смеясь ответил ему предсельсовета.

— Ты что же, Кубрыц, — иронизируя продолжал Хабаху, — ты нас колотушкой что ли, решил ударить по голове?

— Я, кажется, дело говорил? — с улыбкой откликнулся Кубрыц.

— Верно, о хорошем деле ты нам рассказал... Да вот, видимо, собравшиеся туго соображают.

— Ну, и иди сам в колхоз! — буркнул Мыса и испугался своих слов. — Оглянулся по сторонам, но видя, что никто не обратил на него внимания, успокоился.

— Чья власть? Наша! — продолжал Хабаху. — Разве она может предложить нам что-нибудь плохое? Нет!

— Ты — коммунист, и потому так считаешь, — бросил пискливым режущим голосом сухощавый Селым.

Это возмутило Мфилды.

— Э-э! Что ты говоришь, Селым? А еще член сельсовета! Как это? — От негодования он не находил слов.

— Что ты пугать вздумал? — заступился Кунач.

— Не отвлекайтесь от дела! — заметил председатель. Но его уже не слушали.

— Есть глотка, и потому, думаешь, можешь орать? — продолжал Кунач. — Тарабанишь пустыми словами и только... Тьфу!

— На кого ты плюешь, Кунач? — обиделся Мфилды. — Если бы ты был моложе меня... я бы тебе показал! — Потом, обратившись к Селыму, продолжал: — При чем тут коммунисты? Вот я — беспартийный, а первым пойду в колхоз, если он будет!

Многие радостно захлопали. Мфилды, ободренный, стукнул палкой о пол и, смотря в упор на Кунача, повторил:

— Да! Да! Первым пойду в колхоз, первым!..

Сейдык зорко следил за тем, как разгорается спор. У него мелькнула надежда, что сельсовет отвергнет предложение организовать колхоз. Он был сердит на Мысу

за то, что тот слабо возражал. Сейдык несколько раз посматривал на него, наконец поймал его взгляд и подмигнул, чтобы тот был смелее. Это заметил Коблук, сидевший перед Мысой и наблюдавший за всем происходившим.

— Это ты мне, Сейдык? — спросил он.

— Нет, дад... Я, так... Мошка какая-то попала в глаз, — вывернулся находчивый старик и стал тереть глаз.

Мыса, поняв, что Сейдык подмигнул ему, решил наконец выступить. Он посмотрел по сторонам, встал, откашлялся, распахнул полы бурки, оперся о палку, бросил взгляд в сторону председателя, еще раз кашлянул и, робея, попросил слова.

Видя его нерешительность, Сейдык презрительно опустил голову, но продолжал украдкой за ним следить.

— Говори, Мыса! — громко сказал председатель.

Мыса замялся, потом замогильным голосом начал:

— Я... Я... Хотите гоните из сельсовета...

— Кто тебя гонит? — не выдержал Кучир. — Право каждого иметь по тому или иному вопросу свое мнение! Только трус боится стука своего сердца! Видно, кто-то запугал тебя. Ну, говори...

— И мне тоже кажется, дад...

— Что же тебе кажется? — не отставал Кучир.

— Оставь его! Не годится старшего задевать! — вступился за Мысу Селым.

— Оставь, Селым! Когда следует, я готов оказывать всяческий почет и уважение старшим! — ответил Кучир.

— Я скажу, дад, скажу! — обратился Мыса к Кучиру. — Пусть там, что другое..., но на колхоз я не согласен! — закончил он, понижая голос.

Бросив пугливый взгляд в сторону сидевших за столом, Мыса сел.

В комнате стало темнеть. Зажгли керосиновую лампу. Тусклый свет озарил лица. Тени спрятались по углам.

— Кто еще хочет говорить? — спросил председатель сельсовета.

— Я, дад! — ответил Кунач и поднялся. Он положил руки на рукоятку кинжала и, выпрямившись, заговорил. — Я всегда стоял за советскую власть... — начал

он издалека. — С тобой, Хабаху, Мфилды, с Лакобой мы брали Сухум... Я старый керазовец...*

— Верно, Кунач, это все знают. Но куда ты клонишь речь? — спросил его Хабаху.

— Я не против колхоза, но...

— Э-э-э! Как это ты не против колхоза? А Селыма кто только что поддерживал? — обрушился на него Мфилды. — Только что говорил одно, теперь другое? А? Тогда против колхоза, а теперь — за? Так-то! — не унимался Мфилды, пока его не остановил председатель.

— Пусть так, — с раздражением, продолжал Кунач, — я против колхоза! Пусть даже колхоз дело хорошее. Но сперва надо крепко подумать, крепко! Мне кажется, спешить с этим не надо, — закончил Кунач и сел.

— Так бы и сказал. А то крутишь вокруг да около, — бросил ему низенький Хауд в дырявой войлочной шляпе, сидевший все время молча у стены.

Очередное слово получил Селым и быстро поднялся.

На его худых щеках и подбородке торчала редкая, жесткая щетина. Бритую голову прикрывала шапчонка из козлиной шкуры, изъеденная молью.

— Кунач правильно сказал, — начал Селым тонким голосом. — Не надо нам пока колхоза. Подумать надо... Если даже мы, мужчины, и пойдем на это, наши жены не согласятся.

— Нан, почему ты так думаешь? Не все женщины такие... Есть и понятливые, — возразила член сельсовета Амина, сидевшая вместе с другими женщинами на крайней скамейке.

— Хе! Хе! Хе! — залился Мфилды, трясясь всем своим грузным телом. — Вот тебе, Селым!.. Хорошо ответила, молодец, Амина! Зачем ты, Селым, за всех говоришь, если ты не справляешься со своей женой! Ха! Ха! Ха! — Его непринужденный, добродушный смех заразил присутствующих.

— Селым, продолжай! — произнес председатель, когда все успокоились.

* Кераз — боевая большевистская партизанская дружина, действовавшая в Абхазии против меньшевиков и белогвардейцев в 1917—19 гг.

— Я все сказал,—ответил недовольный Селым и сел.

Поднялся один из комсомольцев и горячо начал:

— Мы, комсомольцы-ленинцы, когда была царская власть, были еще детьми, и всей ее тяжести не успели почувствовать. А вы были ее рабами. Вот. Теперь у нас — наша власть, которая защищает бедняков и середняков против врагов рабочих и крестьян. Зачем же бояться того, что предлагает нам наша власть? Это значит, бояться своей тени!

— Это относится к тебе, Кунач. Хе! Хе! Хе! — залился смехом Мфилды. — Ростом в четверть, а сумел больших пристыдить...

— Мальчик он, а умнее нас, — согласился Осман.

— Пора поумнеть и нам, но мы упираемся, — добавил старик Чахмат.

Комсомолец сел, довольный своим выступлением.

— Кто еще желает? — предложил председатель.

— Я! — вскочил второй комсомолец, сидевший позади Кучира.

Ободренный выступлением товарища, он начал:

— Кубрыц ясно сказал нам о значении колхоза, то есть коммуны...

— Брось! Ты вечно путаешь! — оборвал его Кучир. — Не думаешь, о чем говоришь!

— Я? — вспыхнул тот.

— Да!

— Я путаю?

— Путаешь колхоз с коммуной!

Комсомолец недоумевающе обвел всех глазами и, не поняв, в чем он напутал, сел.

— Говорят, в колхозах будет работать какая-то машина — верно ли это? — спросил все время молчавший Мсоуст.

— Трактор это, Мсоуст, трактор! — протрубил Мфилды. Название это он слышал еще раньше от Кубрыца.

— А кого впрягают? — спросил кто-то.

Мфилды этого не знал и беспомощно взглянул на Кубрыца.

— Никого не впрягают, — ответил Кубрыц. — Горит внутри огонь, и управляет машиной человек.

— Аллах, аллах! — удивился Мсоуст.

— Если живы будем, чего только не увидим! — добавил Базала.

— Это для нас не годится. Не для нашей земли! — бросил Селым.

— Неправду говоришь, Селым! — возразил ему Кучир. — Есть у тебя плуг?

— Есть.

— Почему ты бросил соху и взялся за плуг? Значит, лучше? От лучшего не откажешься — верно?

Селым молчал.

Поднялся старик Осман.

— Я считаю так, — начал он, скинув с бритой головы башлык. — Что указали отцы мои, деды и прадеды, того и я держусь...

— Так, так... — поддержал Селым.

Коблук, собравшийся выступить напоследок, не выдержал и встал.

Сейдык, нахмурился, вспомнив, как Коблук испортил ему настроение, когда у него был Казылбак.

— Что это ты, Осман, все твердишь неладное? — обрезал его Коблук.

— А что?

— Да то! Деды и прадеды, — при чем тут деды и прадеды? Мало ли что раньше водилось! Вон в старину человека, запутавшегося в колючках, наши деды освобождали, совершая молитву и поднося божествам леса сырую лепешку.

Послышался смех. Коблук продолжал:

— Видишь, смеются над дедовской глупостью, а ты, Осман, до сих пор держишься за этих дедов!

Молодежь начала хлопать в ладоши.

— Что же мне еще говорить? Ты за меня уже все сказал, — пошутил, ничуть не обидевшись, старик Осман.

— Деды наши, — продолжал Коблук, — всю жизнь царапали землю сохой и жили впроголодь. Я много думал над моей жизнью и жизнью дедов... Так, как мы живем, — не годится. Давайте по-новому, как это советует наша власть! — закончил он и сел.

— Разрешите мне! — поднялся низенький Хауд, сняв войлочную шляпу.

— Встань на скамейку, не видать тебя! — пошутил кто-то.

— Меня незачем видеть, а голос услышите! — ответил Хауд и твердо продолжал: — Колхоз — новое дело, но бояться его не надо. Если бы он был плох, наша власть не предложила бы его нам. Понравится — пойдем в колхоз, не понравится — не пойдем. Вот и все! — сказал он, надел шляпу и сел.

Рядом с ним сидел коммунист Кемсыс. Он сидел молча, непрерывно курил, грыз мундштук трубки и не проронил ни одного слова. Он чувствовал себя как бы раздвоенным. Он коммунист, всей душой за коммунистическое дело, а к колхозу сердце его не лежит... Он хотел было выступить, но раздумал и решил после заседания рассказать о своих сомнениях Кубрыцу.

— Кто еще желает говорить? — спросил председатель сельсовета.

— Хватит! Хватит! Поздно! — раздались голоса.

Сейдык забеспокоился. Его молчание могло вызвать подозрение. Он попросил слова.

— Дадраа!* — начал Сейдык и настороженно оглядел всех. — Я вот слушал вас долго и скажу одно: если Мыса, Кунач, Селым и другие высказывались против, то делали это из предосторожности. Новое это дело... Но наша власть нам плохого не предложит.

При этих словах Мыса заерзал и вытаращил глаза: «Это он нарочно или в самом деле так думает?..»

Сейдык продолжал.

— Что нам на дедов смотреть? Мы — сами себе хозяева. О колхозе скажем народу...

— Ты за колхоз или против, Сейдык? — в упор спросил его Кубрыц, видя, что старик хитрит и виляет.

Но Сейдык словно не расслышал вопроса, продолжал: — Скажем народу и...

— А ты сам-то как? Ведь спрашивают же тебя! — прогремел Мфилды.

— Ты насчет меня спрашиваешь? Хи-хи-хи! Какой ты недогадливый, Мфилды. А такой большой! Хи-хи-хи! Не понимаешь, к чему я веду речь...

* Ласковое обращение к слушателям.

— Не Мфилды, а я тебе задаю вопрос: ты за колхоз или против? — повторил Кубрыц, мрачно посмотрев на Сейдыка.

— Ты?

— Да!

— Ай, дад Кубрыц, ты должен бы знать меня... Конечно, я за то, что наша власть нам предлагает, значит, за колхоз.

— Вот так бы и сказал сразу. Тянешь, тянешь, а уже поздно, — проговорил Мфилды и подмигнул соседу.

— Вот и все, что я хотел сказать, — закончил Сейдык.

Поднялся Кубрыц.

— Много тут было споров... Вступать в колхоз никого не принуждают. Колхоз организуется только на добровольных началах. Такова директива партии и нашего правительства.

— Сейчас ты так говоришь, дад, а потом вы другое запоете, — сказал, не поднимая глаз, Селым.

— Верно, верно! подтвердил кто-то.

— Конечно! Так и будет! — поддакнул еще чей-то голос.

— Что вы говорите? Что, нас будут обманывать наши же дети? — горячо возразил Мсоуст.

— Как прикажут им, так они и поступят, — добавил третий, ткнув пальцем в сторону сидящих за столом.

— Ну, да! А в чем их винить? Они должны подчиниться, и все тут, — кинул четвертый.

Кучир не выдержал и вскочил.

— Не верить своей власти, это значит, не верить самому себе, лезть опять слепо в ярмо своих врагов! — крикнул он. — Кто говорил здесь устами некоторых членов сельсовета?

— Сами за себя, дад Кучир, сами за себя, — ответил ехидно Селым.

— Нет, не за себя, Селым! Твоими устами говорили Қазылбак, кулаки Сабакей и Келамат, поп и мулла Есыф. Ты и некоторые другие говорили не за себя, а за всех тех, кто ненавидит нашу власть и хочет иметь снова власть царя, дворян и князей. Вот что, Селым!

— Э-э-э, гадают они, на ветер говорят! Ничего сами не знают и другим не верят! — выкрикнул Хауд.

Кубрыц подхватил:

— Верно сказал, Хауд! Иные из нас занимаются гаданием. А государственные дела не делаются наобум. Мы строим свое государство так, как это задумал Ленин и его партия. Колхоз строится только на добровольных началах, по словам товарища Ленина, переход к общественной обработке земли может быть только добровольным и не может быть никакого принуждения со стороны нашего правительства.

— Вот видите, видите! — вскипел Хауд. — Стыдитесь!

— Большого ума человеком, должно быть, был Ленин! Джанат ему! — почтительно сказал старик Осман. Среди молодежи засмеялись.

Осман оглянулся.

— Это вы моим словам смеетесь... а? — обратился он, улыбаясь, к комсомольцам.

— Ну, да... Джанат, говоришь ты, а они считают, что Джаната вовсе не существует, и потому смеются, — объяснил Селым.

— И бога нет еще скажут, — продолжал Осман.

— Они и в него не верят! — подтвердил Селым.

— Так вот, — продолжал Кубрыц, — мы не собираемся никого принуждать к вступлению в колхоз. Но мы будем настойчиво агитировать за него... Если есть желающие начать совместную обработку земли, сельсовет должен помочь таким, и правительство поможет.

— Что в этом плохого, дад, это ведь та же взаимопомощь. Так ведь, дад? — произнес Мсоуст.

— Да, взаимопомощь, Мсоуст, да еще какая — самая лучшая! Через некоторое время мы созовем сход, и сельсовет должен разъяснить бедняцко-середняцкой массе значение колхоза.

При этом сообщении Сейдык насторожился, и в голове его стал складываться новый план действий.

— Сельсовет, местная власть должна помочь этому делу. Кто за — поднимите руки, — предложил Кубрыц.

Сразу поднялось много рук, постепенно присоединились и остальные.

— Поднимайте руки, дад, поднимайте! — призывал Сейдык, подняв руку.

Мыса следил за Сейдыком. Как только тот поднял руку, поднял и он.

— Так вот: все единогласно решили голосовать за колхоз. Запиши это в книгу, — сказал предсельсовета секретарю.

Тот кивнул головой.

Заседание кончилось. Была уже полночь. С шумом поднялись члены сельсовета и направились к выходу. К Кубрыцу подошел Кемсыс.

— Я, Кубрыц, к тебе за советом. Я — коммунист, и ты понимаешь, я тоже хотел выступить за колхоз...

— Ну? — насторожился Кубрыц.

— И не мог.

— Почему?

— Я, как коммунист, готов всеми силами отстаивать коммунистическое дело... А вот к колхозу душа не лежит.

— Значит ты — недостаточно твердый коммунист.

— Почему?

— Потому что ты не освободился от старых взглядов. Старое цепляется за тебя и нет у тебя мужества его отбросить. Ты недоумеваешь, как это можно отказаться от своего плуга, от своего быка, от своей собственной земли и передать все это в общественное пользование — так ведь?

— Вот именно!

— Это значит, что чувство собственника еще крепко в тебе сидит...

Кемсыс задумался.

— Ты слышал, как выступал беспартийный Коблух? — продолжал Кубрыц. — Он хотя и не коммунист, а лучше тебя воспринял идеи нашей партии. И стоит выше иного коммуниста. Понял?

— Да... — согласился Кемсыс. — Ты прав. Я постараюсь поскорее расстаться с этой старой занозой — собственничеством. — твердо закончил он и простился.

В помещении сельсовета остались Кубрыц, предсельсовета и Кучир.

— Обратили вы внимание на поведение некоторых членов сельсовета? — спросил Кубрыц. — Нам нужно ухо

держат востро и глядеть в оба! Чуждое влияние в сельсовете налицо. Сейдыка, Селыма и еще кое-кого надо прощупать, раскусить их...

— Многие хорошо выступали и об эти выступления разбивались антиколхозные настроения, — ответил Кучир.

— Верно, и поэтому надо, не теряя времени, провести в жизнь намеченный план работы среди бедноты. Организованная беднота будет нам лучшей опорой во всем деле, и никто его тогда не подорвет.

— Верно! Верно!

— Теперь вот что, друзья! Наше село состоит из четырех поселков. В одном из них намечается колхоз. Надо там засесть нам всем и крепко поработать. Завтра пораньше созовем крестьян, которые хотят начать совместную обработку земли. Приду и я.

— За дело надо браться, пока железо горячо, — засмеялся Кучир.

— Вот именно! Идемте...

Они вышли.

Было темно. С моря успели набежать тучки. Лишь кое-где мигали одинокие звезды. Члены сельсовета расходились по домам. Кто-то высекал огнивом огонь. Искры ярко вспыхивали в темноте.

— Сейдык! — тихо окликнул старика Мыса.

— Что тебе надо?

— Скажи, Сейдык, мне не достанется, что я выступал против колхоза? А?

— Чего там! Ты — бедняк... Да ты и мало говорил, чего боишься? — ответил с недовольством Сейдык.

— Значит, сойдет? — переспросил снова Мыса.

— Конечно.

— Спокойной ночи!

— Постой Мыса! — остановил его Сейдык. — В сельсовете мы провалились. Сельсовет высказался за колхоз... Но есть продолжение пути, на нем они себе свернут головы. Ты слышал, созовут сход, на котором будет поставлен вопрос о колхозе. Вот к этому мы должны быть готовы. Надо настроить сход против колхоза... Понял?

- Понял, Сейдык!
- Ну вот, спокойной ночи!
- Добро тебе! — ответил Мыса, и они расстались.

Глава седьмая

Ожидая возвращения отца из сельсовета, Хикуч сидела у очага в амацурте и вышивала.

Вбежал радостный Хабаш с газетой в руке.

— Хикуч! Хикуч! Видишь это? Пусть все беды, которые могут тебя коснуться, обрушатся на меня! Ты сделала меня человеком! Здесь те же буквы, какие ты мне показывала! И я по дороге прочел название газеты «Апсны Капш»*.

Хикуч рассмеялась.

— Нет, ты послушай! — И он по складам прочел: «А-п-с-н-ы Капш»! — От удовольствия он даже при-свистнул и воскликнул: — Разговаривает! Газета разговаривает, как человек! Хабаш, пастух несчастный, ты стал человеком! Хикуч, чем тебя отблагодарить? — и тут же обнял ее, забыв робость и стыдливость.

Она смущенно засмеялась.

— Почему ты смеешься? А? — улыбаясь, спросил он ее.

— Ты радуешься, и я радуюсь тому, что ты стал грамотным. Откуда ты достал газету?

— У одного школьника. Ты знаешь, он сначала не хотел мне ее дать, смеялся надо мной. Говорит: «Ты такой большой и читать должно быть не умеешь, на что она тебе?» А он мне по пояс... Боялся, что не даст газету, а то выдрал бы его за уши.

— Почему не сказал, что умеешь читать?

— «Кол-хоз—но-ва-я фор-ма хо-зяй-ствования...» — выговорил он, поднял голову и посмотрел на нее. — Какое длинное слово! — и продолжал читать: — «Надо вовлечь тру-до-вых крестьян в кол-хоз...» Хикуч, если у нас будет колхоз, я пойду туда работать, — добавил он.

— В колхоз? Иди!... — бросила она ему недовольная,

* Красная Абхазия.

боясь, что расстанется с ним. — И меня тогда не будешь видеть.

— Тебя? Ты не хочешь, чтобы я ушел отсюда? — воскликнул он.

— Нет, нет, иди. Ты уж взрослый. Кто тебя может удержать? — Она отвернулась.

— Нет, Хикуч, никуда я не пойду! Не видеть тебя?... Нет, не могу! — сказал он грустно.

Она быстро обернулась. Хабаш потупил глаза. Она по-матерински хотела приласкать его, недевический стыд ее удержал.

— Значит, нет? — ласково обратилась Хикуч к юноше.

— Нет. Куда я пойду? К кому? Никого, кроме вас, у меня нет. Ты такая добрая и твоя мать... Не видеть тебя... Ведь мы вместе росли, — сказал он и опустил голову.

Рука Хикуч невольно легла на его кудрявую голову, но она быстро ее отдернула и сказала:

— Хабаш, читай еще.

Он снова взялся за газету.

В это время Сейдык, возвращавшийся из сельсовета, вошел во двор. Заметив свет в амацурте, он тихо подошел к стене и приник к щели: Хикуч и Хабаш сидели рядышком за газетой.

«Мой пастух газету читает! Где это он мог научиться?» — подумал он и продолжал наблюдать за ними.

— Человеком ты меня сделала, Хикуч, — услышал он слова Хабаша, и это сразу рассеяло его недоумение.

«Киаафыр! Она, она его научила читать!» — мысленно произнес Сейдык и, быстро открыв двери, вошел.

Хабаш встал и спрятал газету за спину.

— Что ты прячешь от меня, дад Хабаш? — ласково произнес Сейдык. Впервые он обратился к Хабашу с ласкательным словом «дад».

— Ничего... Так... — ответил Хабаш и опустил глаза.

— Как, ничего? Держишь же что-то.

Хабашу ничего не оставалось, как только сказать:

— Это газета.

— А почему ее прячешь от меня?

— Нет, не прячу, я так...

— Умеешь, дад, читать?

— Да... нет... — неуверенно ответил Хабаш и взглянул искоса на Хикуч, боясь что, если он признается в том, что Хикуч его научила грамоте, ей достанется.

— Читает, — ответила за него Хикуч.

— А кто научил тебя, дад?

Хабаш молчал.

— Я, — снова ответила Хикуч.

— Ты?

— Да.

— Хорошо, дад, хорошо... Человека научила читать, — добавил Сейдык, притворяясь довольным. Потом обратился к Хабашу:

— Ну, дад, послушаю, как ты читаешь!

Хабаш нерешительно развернул газету:

«Кол-хоз-ная фор-ма х-о-зяй-ство-ва-ния», — прочел он.

Сейдык наморщил лоб.

— И здесь тоже о колхозе говорится! — вырвалось невольно у Сейдыка.

— Да, — ответил Хабаш и продолжал: — «На-до во-влечь тру-довых кре-стьян в кол-хозы... Ку-лак...»

— Как, как? — переспросил Сейдык, услышав слово «кулак».

«Ку-лак — враг кол-хо-за».

— Хватит, хватит, хорошо читаешь, — прервал Сейдык и обратился к Хикуч: — Ты хорошая учительница, но зачем ты все это сделала тайком от меня? Хикуч, мальчик спит?

— Да.

— Иди разбуди брата, пусть придет сюда.

Девушка вышла. За нею двинулся было Хабаш, но его остановил Сейдык.

— Подожди, дад, ты мне нужен, — сказал он, пристально глядя на него.

Хабаш стоял, потупив глаза.

— Слушай, Хабаш! Последнее время я много думал об одном деле... Так и этак взвешивал и пришел к мысли, что... Хабаш, скажи правду, ты любишь Хикуч? А?

Юноша быстро поднял голову от неожиданности и тотчас же вновь потупил взор.

— Не стыдись, дад. Ты — не девушка, а мужчина, — продолжал Сейдык. — Если даже ты будешь отрицать, все равно я вижу это, дад... по твоим глазам. Что лежит на сердце, то отражается и на лице. От Сейдыка ничего не скроешь. Это неплохо, дад... Судьбы своей не минует... Если Хикуч суждена тебе, она выйдет за тебя. Ни я, никто другой не может препятствовать этому. Если на то воля аллаха, кто может идти против? Никто! И дочь моя, я вижу, тоже любит тебя.

— Сейдык... не смейся надо мной! — вырвалось у Хабаша.

— Э-э, я вижу, ты не веришь. Пусть сейчас вот здесь убьет меня аллах, если я говорю неправду. Дад Хабаш, я считаю тебя вторым моим сыном. С малолетства ты живешь у меня, ешь мою хлеб-соль.

— Я это, конечно, не забуду, Сейдык, — проговорил Хабаш и подумал: «А может быть, он и не лукавит», — но тотчас же отогнал эту мысль.

— Думаю, что ты этого не забудешь, — продолжал Сейдык, — но вот уже скоро кончается срок твоего пастушества. Между тем, дад, я не хотел бы терять тебя. Ну, уйдешь! Но куда? Ничего ведь у тебя нет. Ни кола, ни двора. А я не постыжусь иметь тебя зятем, ты — мужчина-красавец. Участок земли отведу рядом, домик построю тебе... Вот и заживете вдвоем. И мы с тобой друг друга не потеряем. Что есть у меня, от тебя не уйдет... Вот так, дад. Я люблю прямо говорить, о чем думаю. Вы оба — мои дети, вы еще молоды, подрастете, там увидим... — закончил Сейдык и стал набивать трубку табаком.

Хабаш стоял не шевелясь. Кровь стучала в висках. Он мучительно думал: «Искренен он или притворяется?» Но Сейдык так убедительно говорил, что недоверие Хабаша к старику поколебалось.

Раскурив трубку, Сейдык словно что-то вспомнил и снова обратился к Хабашу:

— Да, вот что... Ты знаешь, дад, что выдумал Темур?

— Нет.

— Он не хочет больше со мной работать, плюнул на нашу хлеб-соль... стал врагом этого дома. С ума сошел. Как только получил плуг, стал думать о колхозе. Кто-то,

видно, его обманывает. Мне его жаль. Хлеб-соль ел у меня, работал, а теперь, если в колхоз пойдет, — погибнет.

— А тут в газете сказано, Сейдык, что колхоз — это хорошо, — тихо проговорил Хабаш.

— Врут! Врут! И ты поверил? Ты меня слушай, дад, я это дело хорошо знаю... Ты еще молод. Колхоз, дад, для абхазцев — смерть. Он уничтожит наш абхазский дух... Если колхоз устроят в нашем поселке, житья никому не будет. Выбить надо эту мысль из глупой головы Темыра и еще кой у кого... А всему причина — плуг, который он получил. Если его не будет, с сохой колхоза не затеешь... Понял, дад?

Хабаш молчал.

— Нужно спрятать этот плуг!

— Украсть?! — спросил удивленно Хабаш.

— Да нет, дад! Что значит, украсть? Временно спрятать его от Темыра. Это ему же пойдет потом на пользу. Понял?

«Это одно и то же, что украсть», — подумал Хабаш.

— Я стар, кости не гнутся, а то я сам бы это сделал. Ну, вот, дад, за меня сделаешь это ты, сын мой...

— Я?! — воскликнул Хабаш.

Перед ним возник облик его друга Темыра, которого он любил с детства. И вот он должен причинить ему зло.

— Что ты так удивился? Ты окажешь ему услугу, спасешь от безумного поступка.

— Украсть плуг у Темыра?... Нет, я этого не смогу, — ответил Хабаш.

— Нет?! — Сейдык вскочил. — Если ты меня за отца не считаешь, сегодня же покинь этот дом! — крикнул старик. — Не хочу тебя иметь ни сыном, ни зятем. Чтоб глаза мои тебя не видели. Ни одной козы от меня не получишь! Ты пас моих коз, верно. Но и я тебя все эти годы воспитывал! Мой отцовский совет: не порть наших отношений. Пойди и сделай то, о чем я тебе говорю. Недалеко от Темыра есть в лесу заросший колючками старый колодец. — Знаешь?

— Знаю, — ответил тихо Хабаш.

— Вот туда и забросишь плуг. Его и аллах тогда не сыщет. Иди... если ты сам не хочешь оттолкнуть от себя своего счастья. Иди, дад, — ласково закончил Сейдык.

— Не могу, Сейдык, — произнес снова Хабаш.

— Вон отсюда! Чтобы я тебя не видел больше! Ему говоришь, а он и ухом не ведет... Вон! — закричал Сейдык.

Хабаш с опущенной головой пошел к выходу.

— Подумай еще раз о том, что тебе сказал человек, который желает тебе добра.. Если не хочешь навсегда потерять меня и Хикуч! — бросил ему вслед Сейдык.

Хабаш вышел, шатаясь.. Он шел в темноте, точно лунатик, пока не наткнулся на угол дома. Прислонился к стене и так стоял некоторое время, тщетно пытаясь разобраться в обуревавших его мыслях. Жгучая боль от незаслуженной обиды пронизывала его сознание.

Невдалеке, под ольховыми деревьями, вырисовывался темный силуэт шалаша. Хабаш направился к нему. Козы приветствовали его блеянием и окружили своего любимца, сверкая в темноте зелеными глазами. Но видя, что Хабаш не обращает на них внимания, оставили его в покое. Он взобрался на крышу и лег на спину. Голова его пылала. Сквозь листву ольхи он видел далекие звезды. Они напоминали ему звездные ночи, проведенные им на сенокосе с Темыром, когда они, лежа на сене, глядели на усыпанное звездами небо. Вспомнил, как Темыр не раз заступался за него перед Сейдыком. И вот теперь он, друг Темыра, должен повредить ему... Вдруг всплыл образ Хикуч. Вот она рядом с ним, рука ее ласково ложится на его голову, потом она стыдливо ее отдергивает...

— Ушел ты? — раздался в темноте резкий, властный голос Сейдыка.

Хабаш бесшумно соскользнул на землю и, заглушая в сердце боль и обиду, направился к пацхе Темыра.

На оклик Сейдыка никто не отозвался и старик решил, что Хабаш ушел туда, куда он его послал. Он вернулся в кухню.

Пришел сын.

— Сейчас же оседлай лошадь и поезжай к Казылбаку, — велел ему Сейдык.

— А что ему сказать?

— Сообщи, что в сельсовете решили устроить у нас колхоз. Будут убеждать народ на сходе взяться за это

дело. И то, что скажет по этому поводу Казылбак, передай мне. Если по дороге кто-нибудь спросит, куда едешь, — не говори, что к Казылбаку. Отправляйся поскорее.

— Хорошо! — сказал во всем покорный отцу сын и побежал за лошадью.

Сейдык стал курить трубку. Некоторое время спустя, вошла в комнату его жена.

— Где тебя так поздно задержали? — спросила она старика.

— Обсуждалось большое дело... Сельсовет хочет устроить колхоз.

Старуха молчала некоторое время, о чем-то думая, потом спросила:

— А куда в такую темень послал сына?

— К Казылбаку, — ответил спокойно старик.

— Дьяволы что ли укусили тебя? А на что он тебе сейчас понадобился?

— Это тебе не к чему знать! — огрызнулся Сейдык.

— Хорошо. Если потом что-нибудь с тобой случится, пеняй на себя. Курица копалась, копалась, да и вырыла то, чем ее зарезали, так и ты что-нибудь себе выроешь.

— Перестань! Ты бы лучше присматривала за своей дочкой!

— А что с ней? Что? — с испугом вскрикнула старуха.

— Что с ней? Бить нужно ее, бить!

— За что?

— Не спросив ни мать, ни отца, научила читать нашего пастуха!

— Только и всего? А я-то думала, беда какая-нибудь с ней приключилась. Даже страшно стало! Что же плохого в том, что Хикуч научила читать человека?

— Что плохого, говоришь? Если слуга твой будет ученый, он не будет работать! Понимаешь ты это?

В это время Хикуч подошла к амацурте, и услышав свое имя, подумала: «Не ругают ли меня за то, что я научила читать Хабаша?» Она подошла тихо к стенке и стала слушать.

— Вот еще о чем хочу с тобой поговорить... Выдадим замуж Хикуч.

— Замуж? Ты шутишь!

— Нет, я говорю вполне серьезно.

— Унан, нашел время выдавать этого ребенка замуж?! Да ты рехнулся!.. — она всплеснула руками.

— Я дело говорю. Подумаешь, ребенок... Только что от груди отняла! Она уже вполне зрелая девушка.

— Конечно, ребенок! — Подумай, сколько ей лет?

— Только что из люльки выскочила! Хи, хи, хи! Восемнадцатый годок ей пошел. А ты: ребенок, да ребенок.

Старуха некоторое время молчала.

— Моя Хикуч, ах, видеть бы мне тебя счастливой... А потом, пусть хоть умру.

— Подожди умирать, — прервал ее Сейдык. — Вот об этом ее счастье я и говорю. Хи, хи, хи! Посмотрим, как ты будешь умирать. Я сейчас назову ее будущего мужа...

— Кто? — старуха уставилась на Сейдыка.

— Коста.

— Какой Коста?

— Коста, торговец...

Хикуч отскочила от стенки, точно ее ударили в лоб.

— И как это у тебя рот открылся назвать его имя? Да ведь у него бельмо на глазу! — возмутилась старуха.

— Какая нужна красота мужчине! Вот и у меня на одном глазу веко испорчено, а ты за меня вышла. Умереть готова была из-за меня!

— Не успела я тогда этого заметить...

— Ослеплена была любовью! Ослеплена! Хи, хи, хи!

— Какая там любовь! Раз только и видела тебя мельком до свадьбы. Родители разве спросили меня?.. Коста! Нет, нет... Тоже выдумал!

— Ты глупая! — продолжал Сейдык. — Коста — торговец, богатый, хорошо живет. Что у него на глазу маленький изъян, это — пустяки! Подходящий человек.

— Что, ты вздумал продавать девушку? — с этими словами старуха, негодуя, вышла из комнаты.

— Э-э-э, молния тебя... Захочешь! — крикнул ей вслед Сейдык, подсел к очагу и зарыл угли в золу, чтобы наутро разжечь огонь.

Вошла Хикуч. Она налила воду в небольшой кувшин и хотела уйти, но ее остановил Сейдык.

— Хикуч, стой! Послушай, дад, мы, родители твои, всегда думаем и беспокоимся о детях, об их счастье...

Хикуч насторожилась.

— Ты вот — уже взрослая девушка. Мы рады были бы увидеть счастье своей дочери... Понимаешь меня, дад?

Хикуч молчит.

— Вот ты молчишь. Почтительность и покорность детей — хорошая черта. Так вот, дад. Не вечно же сидеть тебе в девушках. Надо подумать и о замужестве. Выходить замуж — удел женщины. Вот мы и хотим тебе найти жениха. Что скажешь?

Хикуч охватило волнение.

— Молчишь... Так вот, мужчина должен быть мужчиной, а не женщиной. Красота для мужчины — последнее дело. И жених твой к тому же богат. Это — наш Коста, торговец.

Хикуч резко ответила:

— Нет!

— Хикуч, что я слышу? Не узнаю тебя! Я отец тебе или нет?

Но Хикуч уже смело нарушила обычай беспрекословного послушания родителям:

— Отцы должны подумать, что у их дочерей есть свои чувства и желания, а не продавать их, как коров!

— Молчать! Так ты отвечаешь старику-отцу? Слыхано ли дело идти наперекор родителям? Это комсомол тебя совратил.

— Комсомол не совращает, а делает человека зрячим.

— Молчи! Ошибся я, что пустил тебя в комсомол! Больше не пойдешь туда!

— За Косту я не выйду! — резко повернувшись, Хикуч вышла из комнаты.

Сейдык развел руками:

— Вот какими стали дети!

Всю ночь Хикуч не могла уснуть. Голову неустанно сверлила мысль, что отец против ее воли хочет выдать

ее замуж за чуждого человека... Комсомолку — за торговца! Да еще слепого на один глаз.

И еще другая тревога вкралась в ее душу: куда и зачем в такую глухую ночь послал отец брата? Она спрашивала об этом мать, но та ничего не знала. Хикуч чувствовала, что отец затеял что-то недоброе. Он ворчит на советскую власть. И Казылбак приезжал к нему. Ярко всплыло в ее памяти поведение отца, на которое она раньше не обращала внимания. Припоминая свою жизнь с детства, она поняла, что отец всегда был деспотом в семье, эксплуатировал соседа, бедняка Темыра, и сироту Хабаша. Для своих выгод он был на все способен, даже продать родную дочь...

Утром Хикуч встретила брата во дворе перед ама-
цуртой.

— Куда ты ездил ночью? — спросила она, испытующе глядя на него.

— Не твое дело!

— Не хочешь сказать?.. Хорошо! Отец что-то нехорошее делает. И ты помогаешь. Комсомолец! Вот я о тебе заявлю в комсомол.

— Попробуй! Изобью тебя! — пригрозил брат.

Это еще больше убедило Хикуч в том, что отец затеял недоброе.

Она прислонилась к перилам и задумалась. Потом в мыслях стала прикидывать отцовское хозяйство. И вдруг ей стало ясно, что ее отец — не просто зажиточный человек, но кулак, кулак всей своей душой. Это открытие неприятно поразило Хикуч.

«Отец—кулак... Я комсомолка... Не заявить об этом в комсомоле — покрывать отца». Она заколебалась. Патриархальное воспитание, приучившее ее к слепому подчинению родителям, и влияние комсомола боролись в ней. «Порвать с комсомолом? Нет, нет, я люблю его. Нет, не могу! Отец — враг советской власти, и активный враг! В то же время он — член сельсовета, а я молчу. Какая же я после этого комсомолка?.. Надо заявить обо всем в комсомол!» — твердо решила Хикуч.

Глава восьмая

— Пора! Вставай, вставай! — окликнул Темыр жену.

— Что? Рассвело? — спросила она, приподымаясь. Сквозь щели пацхи просачивался бледный рассвет.

— Мама! Я тозе хоцү вставать, — пробормотал малыш, лежавший с матерью.

— Лежи, лежи! Огня еще нет. Холодно!

— Я буду смирно лежать, — сказала девочка и закуталась с головой в одеяло.

— Свари поскорей мамалыгу, — сказал Темыр. — Огонь я разведу. Сегодня у кривого дерева собирается народ, Базала, Коблук и другие, потолковать о совместной обработке земли...

— Знаю, Кучир говорил об этом.

Темыр подсел к очагу, разгреб головней золу, в которой золотом засверкали тлеющие угли. Потом подбросил сухих щепок и стал вздувать огонь.

Вспыхнуло пламя, тени запрыгали по стенам.

Темыр распахнул дверь. Радостное утро ворвалось в пацху. Округлые горы сонно вздымались на востоке. Над их вершинами, распустив веером крылья-лучи, всплывало солнце. Предрассветная мгла таяла в долинах, лесистые ущелья, ошетиленные штыками сосен, были еще полны синими сумерками. Снежный пик далекой вершины Ерцаху обогрило солнечное пламя. Казалось, великан в белой папахе, приподнявшись, заглядывал в синее зеркало моря.

А необъятное море, убаюканное немолчным рокотом сбегавших в его лоно горных ручьев, дремало у зеленых кудрявых берегов.

Но вот солнце взошло.

Под ласками и поцелуями лучей море проснулось, вздрогнуло, заволновалось его зелено-бархатная грудь, и волны, извиваясь, запенились у берегов. Вспорхнул бриз, легкокрылой чайкой пронесся по берегу.

Зашелестели пальмы, закачались остроконечные вершины стройных кипарисов, зашептала листва, овеянная прохладой, засвистели разноголосые птицы, загорланили петухи, залаяли собаки. Сонно и неуклюже встал

буйвол, поднял голову с отогнутыми могучими рогами и, общипав виноградную лозу, свесившуюся с ольхи, стал мять листья жестким языком.

По небу, застланному синим шелком, бежал от огненного лика солнца бледный месяц, спешивший окунуться в море и остудить обожженное тело.

Темыр вышел на заросший травой росистый двор.

Солнце играло на лице Темыра. Сердце его пело. Он стал насвистывать. Темыр радовался свежему бодрящему утру, радовался, что впервые будет пахать железным плугом, радовался, что сбросил ярмо Сейдыка и впереди — новая, манящая жизнь. Нетерпение овладевало им: скорее хотелось быть у кривого орехового дерева. Улыбаясь, он вошел в пацху. Жена уже успела повесить над костром котел с водой и, сидя у кадушки, отсеивала муку в большую деревянную миску.

— Я ухожу, — сказал он.

— Куда — голодный?

— Я скоро вернусь!

— Видя, что мужу не терпится, она засмеялась и сказала:

— Хорошо, иди.

Темыр захватил цалду и побежал.

На небольшой поляне огромное кривое ореховое дерево разметало по лазури раскидистые ветви.

Темыр прибежал первым. Еще никого не было. В нетерпении потоптавшись под деревом, он сел на выпуклый корень, достал табак и закурил. Кругом было тихо.

Темыру надоело сидеть. Он бросил окурок и, посвистывая, медленно обошел дерево. Потом стал его рассматривать.

«Как оно еще держится», — подумал он, глядя на дуплистый искривленный ствол.

— Что ты, Темыр, вглядываешься так в этот орех? Куницу что ли на него загнал? — услышал Темыр чей-то голос.

Он быстро обернулся. Подошел его сосед.

— А, это ты, Базала? Что это вы все так опаздываете? Я вот пришел сюда, еще солнце не всходило, — ответил, улыбнувшись, Тему́р.

— Придут. Вот Коблук с Кучиром идут.

Вскоре собрались и остальные, всего человек десять крестьян поселка «Кривое ореховое дерево». Пятеро из них были бедняки, остальные — середняки. Под деревом стало шумно.

— Давайте поговорим о том, из-за чего мы сюда пришли, — предложил Коблук.

Все расселись, кто на камни, кто на корни дерева.

— Говори, дад Коблук, — предложил Базала.

— Я? Может быть, ты начнешь, Тему́р?

— Нет, пусть выступят сначала старшие, — уклонялся Тему́р.

— Начни ты, Коблук.

— Здесь собрались представители нашего поселка, — начал Коблук. — Но не все присутствующие знают, о чем сегодня будет идти речь.

— Верно, дад, не все знают, — подтвердил Хазарат.

— Не знают Хазарат, Качбей и Куаталей. Остальные знают. Я начну прямо. Мы думаем объединить свои силы и сообща начать обработку земли.

— Как? Колхоз? — удивленно вытаращил глаза Хазарат.

— Что ты испугался, Хазарат? Пуганая собака на звезду лает, — Коблук засмеялся.

— Да ведь это же колхоз получается!

— Называй, как хочешь. Но мы сейчас говорим о совместной обработке земли. Разве ты против этого? — спросил Коблук.

— Нет, дад. Я не против того, чтобы объединить наши силы и вместе работать. Возьмите моих буйволов, мою соху, все, что пригодится для общей работы. Но я против колхоза.

Кучир засмеялся. Улыбнулись и остальные.

— Ты, что же, Кучир, надо мной, стариком, смеешься? А?

— Ты же, Хазарат, не против того, чтобы сообща работать. Верно? — спросил Кучир.

— Так, дад, так.

— Ну, вот это и есть колхоз.

— Колхоз?

— Хи, хи, хи! — засмеялся молча сидевший низенький Куаталей.

— Ты чего смеешься? — обратился к нему Базала.

— Вот что, Базала... В колхоз нужно отдать не одних буйволов и солу, а и дом, и корову, и кур, и гусей... Все, что имеешь, нужно отдать туда. И самого себя.

Кучир прервал его.

— Неправда, Куаталей. Тебя обманывают, а ты этому веришь. Ты повторяешь слова тех, у кого язык — кинжал.

— Это выдумка кулаков, дворян и князей, словом, всех, кому советская власть запретила грабить народ. Они и сейчас не хотят, чтобы бедняки и середняки трудились вместе. Если в одиночку работать — не разбогатеешь. А когда человек нуждается, его легко заставить на себя работать... Понял, Куаталей!

— Косая лошадь пуглива. Так и ты, Куаталей, — сказал Базала.

— Советская власть хочет, — продолжал Кучир, — чтобы у каждого колхозника была своя корова, мелкий скот, птица, и всячески будет помогать ему укреплять хозяйство.

Кучир достал устав сельскохозяйственной артели и разъяснил его сущность.

— Это же почти что взаимопомощь. Чем плохо? — сказал Темыр.

— Так, дад, так, — согласился Базала.

— Ты что молчишь? — спросил Коблук крепкого середняка Качбея, соседа Куаталея.

«Хорошо живу, чего мне в колхоз лезть?» — думал тот, жалея, что пришел сюда.

— Меня спрашиваешь? — спросил он Коблука, подняв голову.

— Да.

— Мне не нравится это, — начал он. — Нигде еще в округе нет колхоза, зачем нам первым браться за это дело?

— Нужно же кому-нибудь начать, тут или в другом месте, не все ли равно? — ответил Коблук.

— Так то так, но у меня нет охоты.

Куаталей шепнул ему: «Идем».

— Как хочешь, насильно никто тебя не заставляет идти в колхоз, — ответил Коблук.

— Не обижайся на меня, — сказал Качбей и поднялся.

Встал и Куаталей.

— И ты тоже? — бросил ему Темыр.

Не зная, что сказать, тот смущенно улыбнулся и выдал:

— Да.

— Идите. Никто вас не удерживает, — проговорил недовольный Коблук. — Может быть, еще кто-нибудь хочет уйти?

— Нет, дад, нет! — заявили твердо оставшиеся.

— Значит, вас осталось восемь человек.

— Не печалься, Коблук, что нас мало. И море составилось из капель, — отозвался Базала.

— Верно.

— Так давайте, будем крепко держаться друг за друга и поставим работу так, чтобы над нами не смеялись такие, как Качбей, Куаталей и другие.

— Так, дад, так!

Подошел Кубрыц, поздоровался и сел рядом с Кучи-ром.

— Как у вас дела?

— Дела не так плохи, Кубрыц. Только двое ушли от нас сейчас, — сообщил Коблук.

— Кто?

— Качбей и Куаталей.

Кубрыц задумался, потом, смеясь, ответил:

— Не жалейте. Пусть уходят. Одно гнилое яблоко портит сотню.

— Верно, дад! Червивого яблока нам не надо, — подтвердил Базала.

Кубрыц испытующе посмотрел на собравшихся и спросил:

— Значит, вы твердо решили объединиться в колхоз?

— Да, да! Мы твердо решили! — ответили сразу все.

— Тогда надо поговорить о том, с чего нам начать работу, — сказал Коблук.

— Вот об этом мы и потолкуем: первым долгом вы должны объединить свои участки.

— А межи как? — спросил Хазарат.

— Межи надо уничтожить! Они-то и разъединяли вас, — заметил Кубрыц и продолжал: — Итак, объединяйте свои участки, кроме усадебной земли.

— Это уже нам разъяснил, дад, Кучир, — сказал Хапара.

— Вот и хорошо! А земельные участки у вас друг от друга далеко расположены?

— У всех почти рядом, только, кажется, у Хапара поодаль, — ответил Коблук.

— Верно, моя земля в стороне. Как быть, дад? — спросил тот.

— Не беда, и ее вспашут! — ответил Кубрыц. — Объединяйте рабочий скот, сохи, плуги и сообща работайте. — Он посмотрел на Темура, и вспомнив подарок, которым его наделил сельсовет, спросил: Ну, а как твой плуг, Темура?

— Впрягу в него буйволов Базала и начну пахать нашу общую землю! — сказал тот обрадованно, живо представив себе плуг с блестящим лемехом.

— Итак, начинайте смело! — сказал Кубрыц. — Во всем вам сельсовет поможет, правительство тоже — и трактор будет работать на ваших полях.

— Что это такое, дад? — полюбопытствовал Хазарат.

— Такая машина. Внутри огонь. Сама работает. Управляет ею человек. В день она может вспахать пять десятин.

— Аллах, аллах! — воскликнул молчавший до того Сыкун.

— Одно из важнейших условий, чтобы колхоз работал хорошо, — это дружная работа. Первое время будут трудности, но вы их постепенно преодолете, — продолжал Кубрыц.

— Верно, дад! Без усилий ничего не дается. Вот да-

же трубка, что я держу, и то сколько я возился, когда ее делал, — поддержал Базала.

— Сельсовет все время будет следить за вашим начинанием. Будем помогать, налаживать вашу работу внутри колхоза, организовывать труд. Наши враги и недовольные колхозом будут распространять всякие злостные слухи, чтобы вас отпугнуть от этого нового дела.

— Нет, дад, это на нас не подействует. Чтобы потом Качбей и Куаталей смеялись над нами? Нет! Не дождутся! — ответил Базала.

— А когда колхоз будет хорошо налажен, и все увидят, что он выгоден трудящемуся крестьянству, другие потянутся к нему, — закончил Кубрыц.

— Пусть этот день, когда мы собрались здесь под кривым орехом, будет нашей удачей! — сказал Хазарат.

— Пусть будет так, пусть! — повторили остальные. В это время подъехал верховой.

— Я с печальным известием! Узнал, что вы все здесь и подъехал к вам.

— А что, кто-нибудь умер? — спросил Базала.

Нет. Послезавтра поминки по Маху.

— Хорошо, дад, приедем, — ответили всаднику, и он уехал.

Кубрыц пошел с Кучиром.

— Вот что, Кучир, — тихо сказал Кубрыц, — активу комсомола и всем членам партии надо непременно быть на поминках и осторожно вести агитацию против этого разорительного обычая*.

В это время подбежала жена Темыра и отозвала его в сторону.

— Что случилось? — спросил он.

— Где ты оставил плуг? — в свою очередь спросила она.

— Под ольхой, на пашне.

— Его там нет.

— Как нет?

— Нет. Лежит только цепь.

* Обычай абхазских поминок требовал от семьи умершего угощения широкого круга родных и знакомых.

— Мальчишки, должно быть, оттащили куда-нибудь в сторону!

— Смотрела, нигде не видно...

Сердце тревожно заколотилось в груди Темыра. Он сорвался с места и побежал.

Прибежав на пашню и метнув взгляд под ольху, Темыр убедился, что плуга там нет. Лежала только цепь. У Темыра потемнело в глазах. На лбу выступил холодный пот. Поднял цепь, она жалобно зазвенела. Этот звон больно отозвался в его сердце. Что-то колом застряло в горле — ни вздохнуть, ни крикнуть. Обошел все поле — нигде ничего. Увидел следы человека. Они вели по направлению к лесу. Темыр пошел по следам, дошел до забора и перелез через него. Дальше начинался лес. Земля была покрыта опавшей прошлогодней листвой, и следы терялись. Он снова перескочил забор и побежал к месту, где сиротливо лежала цепь. Выстрелил три раза подряд из револьвера.

Прибежала жена.

— Не нашел? — спросила она.

— Украли... — сказал упавшим голосом Темыр.

— Унан, унан, кто нас погубил?! — завопила она.

Темыр молчал, словно его ударили обухом.

— Что случилось, дад? Что? — издали кричал спешивший к ним Базала.

На выстрелы прибежало еще несколько человек. Пришел и Сейдык. Взглянув на Кубрыца, он почувствовал тревогу.

— Что случилось, дадраа? — с притворным участием обратился он к соседу.

— Убили! — и Темыр указал на лежавшую цепь.

— А что? Кто?

— Зарезали... Плуг украли... Одна цепь осталась, — глухим голосом ответил Темыр.

— Ох! Ох! Ох! Кто? Кто это мог сделать? — раздались голоса.

— И кто на это мог решиться? — развел руками Сейдык.

— Убил... Зарезал... Кто бы он ни был! — застонал Темыр.

— Не тебя одного, дад, зарезали, а всех нас, живущих в этом поселке, — глубокомысленно прибавил Сейдык.

Кубрыц подумал: «Это орудовал классовый враг» — и обратился к Темыру:

— Кого-нибудь подозреваешь, Темыр?

Сейдык насторожился.

«Не Сейдык ли?» — мелькнуло в голове Темыра. Он вспомнил, как погнал старика с этой пашни. «Возможно...». Но тотчас же Темыр отказался от этой мысли. — «Почтенный человек, член сельсовета, он не решился бы на такое дело...» И Темыр ответил:

— Нет, никого не подозреваю.

Сейдык облегченно вздохнул.

— Следов не видел? — спросил Базала.

— Видел. Они доходят до забора, а дальше теряются в лесу.

Все пошли по следам.

Сейдыка тревожила мысль: «Вдруг этот ничтожный Хабаш не сумел скрыть своих следов».

— Вот здесь забор поврежден, очевидно, когда вор перелезал, он прислонил к нему плуг! — сказал кто-то.

— Да, да, это от плуга! — согласились остальные.

Перелезли через забор и, перекликаясь, разбрелись по лесу. Сейдык старался отвести искавших подальше от колодца. Долго бродили по лесу, но ничего не нашли и снова сошлись потолковать. Кубрыц предложил сообщить о происшествии предсельсовету. Когда расходились, он сказал Темыру:

— Не печалься, другой плуг тебе достанем! — и хлопал его по плечу.

Сейдык услышал эти слова и подумал: «В колодце хватит еще места!».

В тот момент, когда раздались выстрелы, Хабаш со своими козами находился в лесу, возле знакомого читателю родника. По выстрелам он догадался, что кража

замечена. Он влез на вершину высокого дерева и стал смотреть в сторону, откуда донеслись выстрелы. Он увидел одиноко стоявшего на пашне Темура. Слезы навернулись на глаза Хабаша. Сознание совершенного преступления мучило его: «Что я сделал?.. Погубил друга!».

Люди бежали на выстрелы. Хабаш увидел спешившего к ольхе Сейдыка. «Ы-ых!», — вырвалось из груди батрака. Он подумал: не побежать ли туда, рассказать обо всем, — но стыд сковал Хабаша и он беспомощно опустил голову.

Глава девятая

Солнце опускалось над лесом; от деревьев падали длинные тени. Сейдык пошел запереть на ночь ворота. Мимо проезжал поп. За ним дьякон, с большим полосатым хурджином* у седла.

— Добрый вечер, Сейдык! Бог да благословит тебя! — обратился к нему поп.

— Аминь! Вечер, добрый, — пробасил дьякон.

У дьякона была длинная, узкая голова, словно составленная из двух друг на друга посаженных голов. Приплюснутый утиный нос казался прилепленным прямо на челюсть.

— Да будет вам добро! Заходите! — пригласил их Сейдык и невольно обратил внимание на багровый нос попа: раздутый, испещренный жилками, с дуплистыми ноздрями.

— Будь богат, Сейдык! Мы спешим. Царство небесное Маху. Завтра по нем справляют поминки. Хотим поспеть туда заранее. Во имя отца и сына и святого духа, аминь! — закончил поп, благословляя Сейдыка, и протянул руку к его губам.

Сейдык чмокнул.

— Что с тобой, дад, рука у тебя, как лед? Нездоровится? Да и похудел ты что-то, — заметил Сейдык.

— Немудрено в такое время похудеть. Тяжелые мысли не дают покоя! — вздохнул поп.

* Ковровая седельная сумка.

— Правильно сказал, отец Георгий. Тяжелое время настало! — пожаловался и дьякон.

— Мир перевернулся, Сейдык, — простонал поп. — И бог отвернулся от нас, потому что народились от дьявола большевики и бесенята комсомольцы. Бога забыли. Такие почтенные, мудрые люди, как ты — не у дел...

— Нет, я — все же член сельсовета.

— Неужели? Благодарение господу богу, что ты удержался! — Поп перекрестил Сейдыка и продолжал: — Ох, Сейдык! Знаешь, что будет? Бог не спешит! Он все видит, но пока молчит... А потом грянет! О, да как еще!

— Конечно, дад, конечно, — согласился Сейдык. — Вам, беседующим с богом, виднее. Про это говорил и Казылбак.

— Казылбак?

— Да, дад.

— Вот, Сейдык, человек был! Вот у кого голова! Если бы слушались его мудрых советов, народ бы совсем по-иному жил.

Дьякон о чем-то задумался, но вдруг выпалил:

— Антихрист пришел, антихрист!

— Христос еще говорил, что перед страшным судом явится антихрист, дьявол, мутить народ, — подтвердил поп.

— А разве не похоже наше время на это, дад? — мрачно отозвался Сейдык.

— Но если народ покается и перестанет слушаться смутьянов, если обратит свое лицо к богу... Он милостив, он отвратит свой гнев.

— Казылбак то же самое говорил, дад.

— Умный он человек!

— А у нас уже собираются устраивать колхоз, — сообщил Сейдык.

— Избави вас от колхозов! Блажен, кто не войдет в него! — поп возвел очи к небу и продолжал: — В колхоз идут только блудные сыны... Так вот, Сейдык, нужно пока терпеть, крепко держаться друг за друга, за старину, за церковь. Оно еще вернется, старое время, старое, доброе время. Помощь будет оттуда, с запада и от бога.

— Так говорил и Казылбак, — кивнул головой Сейдык.

— Просвещенный он человек! Будь здоров! Во имя отца и сына и святого духа, амины! — снова благословил поп.

Поп и дьякон собрались двинуться дальше, но Сейдык задержал их и, оглянувшись по сторонам, зашептал:

— Вот что, дадраа! Верно вы сказали: народ нужно настроить против этой дьявольской власти. В скором времени будет созван сход, на котором решат вопрос о колхозе. И нужно, чтобы сход высказался против. Казылбак об этом знает.

— Доброе, доброе это дело! Угодное богу! Бог благословит ваше начинание! Ты будешь на поминках?

— Буду.

— Приходи, там кое с кем увидимся.

— Приду непременно. Эти поминки нам наруку. И Казылбак будет там.

— Будь здоров! — прогудел дьякон и оба священнослужителя двинулись дальше.

Был канун поминального дня. Две лампы, поставленные на перила террасы акуаски, тускло освещали двор, по которому торопливо сновали люди в бурках и башлыках, так как стояла еще ранняя весна и вечерами было холодно. Слышались торопливые окрики, давались распоряжения. Вдоль навеса, прислоненного к забору, горели костры. Тут сидели старики, рассказывали о добродетелях покойника, придерживаясь пословицы: «О мертвых либо ничего не говорят, либо — только хорошее», а молодежь балагурила в стороне. За забором также дымились костры, — в больших котлах варилось мясо.

Посредине двора стоял стол, к которому подходили все прибывавшие мужчины. Они клали на него головные уборы, оружие и шли группами или отдельно в акуаску, ударяя себя по лбу ладонями и оплакивая умершего год тому назад Маху. Женщины, вопя, шли туда же.

В комнате, на тахте, лежала одежда покойного Маху: чувяки, ноговицы, брюки, черкеска и в ней архалук; талия черкески была обвита поясом с кинжалом и револьвером. Вокруг символического изображения Маху сидели женщины с распущенными волосами, плакали и причитали. В другом конце горницы стоял стол со всякими сладкими блюдами; тут же на блюде ладан, и рядом большой бокал вина. Родственники отламывали по кусочку от яств и совершали возлияние вином. Потом брали ладан и клали его на жар, находившийся тут же под столом в глиняном черепке.

Посредине двора красовался «акян»*, обтянутый полосатым, навощенным полотном. Выдолбленные в столбе углубления были заполнены порохом. На верхушке была прикреплена восковая птичка, начиненная взрывчатым веществом. Ниже птички, в трех местах, через столб, с промежутками в метр, были продеты поперечные жерди. Чем ниже — тем длиннее. Концы их соединялись лентами, к ним были привешены на тонкой бичеве разные вещи: кисеты, платки, полотенца. Они доставались стрелкам, которые ухитрялись их сбить. После того, как призы разыграны, акян поджигается. Вощенное полотно горит факелом, порох, заложенный в углублениях, дает яркие вспышки.

Хозяйство Маху было середняцкое. Затраты на похороны сильно расшатали его, а поминки грозили полным разорением. Маху оставил жену и малолетних детей. Истек год со дня его смерти. Вдова собиралась зарезать на поминки барашка и этим ограничиться. Но родственники настойчиво требовали устроить поминки по-настоящему, «как этого достоин Маху». В особенности настаивал ревностный хранитель «абхазского духа» Селым. Для того, чтобы убедить вдову устроить поминки на широкую ногу, он рассказал ей о следующем «достоверном» происшествии:

— Некий абхазец случайно попал на тот свет к нар-

* Высокий столб.

там*. Ему очень обрадовались и стали подробно расспрашивать о том, что творится на земле. Настал обеденный час. Вмиг столы всех нарттов и других хозяев небесной обители оказались заставленными лакомыми блюдами. Лишь один стол Сасрыквы** остался пустым. Соседи и братья уделили ему от своих кушаний. На вопрос абхазца, почему на столе Сасрыквы не было яств, тот печально ответил: «Я скончался после всех братьев, не оставив наследников. Не оказалось у меня и таких друзей, которые справили бы по мне поминки. Вот почему я лишен всего. Здесь мы едим то, что готовилось и подавалось в честь покойника в день поминок нашими родственниками. И я осужден на жалкое существование, должен принимать подачки соседей до тех пор, пока кто-нибудь не вспомнит обо мне и не устроит по мне тризны».

У жены Маху при этом рассказе навернулись слезы.

Ее хозяйственные расчеты уступили место жалости, и она решила разориться на поминки, лишь бы муж не жил на том свете впроголодь.

— Бог тебе поможет поправить хозяйство, — сказал Селым, довольный тем, что уговорил сердобольную женщину.

Пришел на поминки и Сейдык. Он снял башлык, вынул из кобуры револьвер, положил на стол и пошел оплакивать Маху. Молодой парень по обычаю поддерживал его, чтобы он, исполняя обряд оплакивания, где-нибудь не споткнулся. Сейдык направился в акуаску, ударяя себя по лбу ладонями. Войдя в комнату, он внимательно оглядел присутствующих. Среди женщин он заметил знахарку Кеймытхан.

«Она может быть полезна для агитации среди женщин», — подумал он. Постояв у тахты, где лежала одежда Маху, он выполнил весь поминальный ритуал, не скупясь на удары по лбу. Потом спустился во двор и пошел к навесу, где сидели у костра старики.

— Э-э, бедный Маху, хороший был человек! — произнес Сейдык, опускаясь на указанное ему место.

* Герои абхазского эпоса, богатыри.

** Младший брат нарттов.

— Джанат ему! Всех нас рано или поздно ждет смерть, — сказал, вздохнув, Осман и сдвинул башлык с бритой головы на затылок.

— Не его жалко, а жену с малолетними. Как-то она перебьется...

— Пора бросить все эти поминки, — сердито отозвался Хауд, плюнув в сторону.

— Как? Как это бросить? — всполошился Селым.

— Так! Маху был крепкий крестьянин. А что сейчас останется от его хозяйства? Во что обошлись похороны? А теперь поминки доконают.

— Не годится то, что ты говоришь! Ты хочешь растоптать апсуара*!

— А кто поможет его семье? Ты? Я? Осман или другой? Никто! Об этом ты молчишь, — поддержал Хауда Хабаху.

— Никто, это верно! — согласился Мсоуст.

— Бог поможет! — вывернулся Селым.

— Ни он не поможет, ни ты, ни мы! Если вдова сама себе не поможет, — ответил Хауд и плюнул.

Мулла Есыф со скучающим лицом сидел возле Османа. Собираясь на поминки, он рассчитывал, что его за моления щедро одарят деньгами и яствами. Но он был сильно разочарован, узнав, что Маху христианин, а не мусульманин, и что полагающиеся за богослужения блага достанутся не ему, а попу.

— Что, мулла Есыф, сегодня подарки достанутся не тебе, а священнику? — лукаво подмигнув, обратился к нему Осман.

Тот натянуто улыбнулся и его мышинные глазки забегали по сторонам.

— Разве Маху не был мусульманином? — пробормотал он, все еще не веря в неприятный для него факт.

Получив общий утвердительный ответ, он замолчал.

Селыма позвала вдова Маху. Когда он вошел в ама-цурту, бедная женщина бросилась к нему со слезами:

— Что делать, Селым? Как быть? Мяса не хватит!

Ребенок, лежавший тут же в люльке, заплакал. Со-

* Абхазский дух, исконные обычаи.

седка подошла к нему и стала успокаивать, но, увидя чужую женщину, тот заорал еще пуще.

— Ничего не слышно! Какой голос! Сильнее, чем у Маху, джанат ему, — пошутил Селым.

— Сегодня собралось почти все село, а завтра придут гости из других сел, — жаловалась вдова. — Зарезали нашего быка, родственники пригнали еще двух, а все же не хватит...

— Зарежь бычка!

— Нет его у меня!

— А что есть?

— Осталась только корова.

— Режь ее!

— Как? Корову зарезать?! — умоляюще спросила женщина и жалостливо взглянула на обступивших ее малышей.

— Режь! Ничего больше не остается! Апсуара! — повторил неумолимо Селым.

— Да она дойная! Чем тогда я буду кормить вот этих?

— Бог поможет, — ответил он.

— Пусть тогда и телку режут! — завопила вдова и выбежала из амацурты.

— Родственники идут, родственники! Женщины, становитесь в ряд! — торжественно крикнул распорядитель.

Женщины в траурных одеждах, с распущенными волосами, выстроились во дворе полукругом. Им роздали разрезанную на куски длинную, тонкую свечу. Вспыхнуло пламя десятка свечей, освещая скорбные лица женщин. В воздухе запахло тающим воском. Вдали, в темноте, раздалась песня всадников — «азар». Это пели родственники, гнавшие быков. Все стали пристально вглядываться в темноту. «Азар» смолкла, ее сменила «хайуа»*.

* Похоронная песня.

Женщины, стоявшие полукругом, подхватили похоронную песню. Показалось шествие. Впереди шел один из родственников, держа в руках зажженный двухметровый «аокум»*, за ним — другой, ведя за собой быка. Рога животного были обвиты блестящей жестью. Между ними был натянут шнурок с позвякивающими бляхами. К концам рогов были прикреплены зажженные свечи. Через спину быка, убрannую красной материей, была перекинута «ахнанапа»**. За быком следовала группа родственников с зажженными свечами, певшая «хайуа»; на некотором расстоянии следовала вторая группа с быком.

Огни восковых свечей разгоняли темноту, освещая деревья, акян и людей. Далеко разносились причитания скорбного хора. От всего обряда веяло чем-то языческим и диким.

Селым восхищенно проговорил:

— Э-э, дадраа! Апсуара, апсуара!

— Умер Маху. Теперь ни апсуара, ни другое ему не поможет. Лишняя трата времени и средств, — ответил ему кто-то.

Селым быстро обернулся и увидел Кучира.

— Это ты, Кучир? Ты, противник апсуара, пришел сюда? — пошутил Селым.

— Да, пришел посмотреть, как семейство Маху разбогатеет от этого.

Селым замолчал.

Спустя несколько минут, к нему подошел Мыса и шепнул на ухо:

— Тебя ждут в орешнике.

— Уже?

Осмотревшись, они незаметно нырнули в темноту.

В зарослях орешника сидели: Сейдык, поп, мулла Есыф, дьякон, Сабакей, Келамат, Казылбак. Последний не показывался на поминках, решив пожаловать туда завтра. Около него сидел какой-то незнакомец в пальто и папахе. Пользуясь тем, что внимание всех, собравших-

* Большая традиционная свеча с украшениями.

** Сетка из шнура с прикрепленными по ячейкам каштана кренделями, яблоками и другими гостинцами.

ся на поминки, занято торжественной церемонией, они решили устроить тайное совещание.

Подошли Селым и Мыса.

Селым узнал всех, за исключением человека, сидевшего в папахе.

— Кто это?.. Что-то не узнаю... — спросил он, всматриваясь в его лицо.

— Плотник-рачинец*, — улыбнулся Казылбак.

— Плотник? — и он недоумевающе посмотрел на Казылбака.

— Шучу, Селым. Он — не плотник и не рачинец, а наш друг Сандро, приехавший издалека, из чужой страны.

— Добро пожаловать! — приветствовал незнакомца Селым и протянул ему руку.

— Давай, дадраа, не мешкая, поговорим! — предложил Сейдык. — Хорошо было бы позвать и Кеймытхан.

— Да, это желательно, — поддержал его Казылбак.

— Дад Мыса, позови ее!

Мыса встал и нехотя пошел.

— Иди, дад, поскорее! — крикнул ему вдогонку Сейдык.

— Иду! — недовольно буркнул Мыса.

— Дад Казылбак, слушаем тебя.

— Говори сначала ты, Сейдык.

— Так вот, дадраа, нам нельзя сидеть сложа руки, — начал Сейдык, — победивший веревки вьет из побежденного. Если мы не сумеем отбиться, это случится и с нами. С дворянами и князьями они покончили и вот теперь взялись за крепких крестьян.

— Верно, верно, Сейдык! — откликнулся Сабакей.

— Тебя, Сейдык, сделают таким же бесправным, как и нас. Насчет хозяйства ты, говорят, не слабее нас, но тебе пока везет, — добавил Келамат.

Всякое упоминание о хозяйстве волновало Сейдыка.

— Что у меня лишнего из имущества, Келамат? Конечно, есть злые люди, все могут сказать. Язык без костей, что захочет, то и скажет...

Подошла Кеймытхан, высокая, худая, как жердь.

* Житель района Рача (в Грузии).

— Кто тут? — спросила она, всматриваясь в лица. — Это ты, Сейдык? — сказала она и погладила его по голове.

Узнав Казылбака, она обняла его.

— А, это ты, Кеймытхан! Садись, времени нет.

— Хорошо, нан, хорошо!

Она быстро уселась, касаясь коленями подбородка.

— Говорят, что ты, Кеймытхан, любишь большевиков? — пошутил Селым.

— Ух, чтобы пришлось мне оплакивать их, как Маху! — проговорила она.

Мыса сел в стороне и задумался. Тайное совещание вызвало в нем тревожные мысли: «Кто здесь? — подумал он. Казылбак — князь, а он недолюбливал вообще всех дворян и князей, кулаки Сабакей и Келамат, Селым — крепкий середняк. Один я бедняк...»

— Так вот, дадраа, — продолжал Сейдык. — Эта власть отобрала у дворян и князей земли, имущество и передала беднякам, середнякам.

«Чем это плохо?» — подумал Мыса и вспомнил, что эта власть вернула ему, как и всем, отобранные когда-то дворянами и князьями земли, что она ему не раз давала денежную ссуду и вообще оказывала материальную помощь.

— Теперь, дадраа, очередь за богатеями, крепкими мужиками. У них тоже отберут имущество и передадут бедноте...

«И это неплохо», — одобрил про себя Мыса. Сегодня слова Сейдыка резали ему слух. Едва он задумался над его речами, как все, с чем он раньше соглашался, подавляемый авторитетом Сейдыка, показалось ему в ином свете.

— А бедняков и середняков решено загнать в колхозы, — продолжал Сейдык.

Слово «колхоз» уже не испугало Мысу, и он подумал: «Почем знать, а может быть, в колхозе и лучше будет таким беднякам, как я?». Он пересилил свою робость и шепотом окликнул:

— Сейдык!

— Что?

— Может быть, и хорош этот колхоз? Почем знать?

— Вот ты какой, Мыса, — набросился на него Сейдык. — Твердости нет у тебя. Тени своей боишься. Говорят тебе, что колхоз — наша общая гибель.

— У тех, кто здесь собрался, не может быть никаких колебаний! — сверкнув глазами, сказал Казылбак. — Кто будет колебаться и изменит нам, тому пулю в лоб!

Мыса съежился. Он не смог вымолвить ни слова, точно пуля уже застряла у него в горле. Только теперь он ясно понял, с кем связался.

«Пропал я... Эх, вот если бы довелось оплакивать этого проклятого Сейдыка, как Маху!» — мысленно пожелал он и опустил голову.

— У нас собирается сход, и на нем будут говорить об организации колхоза. Это решили на собрании сельсовета.

«А я, дурак, как себя там вел!» — вспомнил Мыса с своим выступлением.

— Нам нужно этому делу помешать, чтобы на сходе эта затея провалилась. Вот о чем мы должны поговорить, — закончил Сейдык.

— Верно, верно, Сейдык, — поддакнул поп. — Надо этому помешать. Так угодно господу богу. Вот тут и мулла Есыф — противник мой по религии. Но мы сегодня здесь вместе. Что же объединило нас? Общая опасность со стороны безбожников, насильников, врагов верующих.

— И правоверных, — добавил мулла Есыф.

— И правоверных, — согласился поп.

— Больше всех я боюсь Кубрыца, — вздохнул Сейдык, — вся сила в нем.

— Убрать его надо! — резко крикнул Казылбак.

— Золотом режу твои слова, дад Казылбак, — перебил Сейдык. — Но пока еще рано. Авось и без этого наша возьмет.

— Разрешите мне слово! — попросил гость. — Большевики, эти безумцы, захватившие власть, не сегодня, так завтра обязательно погибнут! Обязательно! — проговорил он, делая ударение на последних словах. — Но надо стараться всячески ускорить их гибель! Надо настраивать народ против их затей. В данном случае — против колхоза. Надо показать, будто народ — против этой вла-

сти, и тогда нам помогут от них освободиться другие государства, вернется и Ной Жордания*.

Мыса, «убитый» пулей Казылбака, при упоминании имени Жордания поднял голову и прислушался. Это имя он слышал еще раньше во время меньшевистской авантюры в Грузии. Тогда тоже меньшевики уверяли народ, что прилетит Ной Жордания¹ спасти Грузию от большевиков.

«Почему до сих пор он не мог прилететь?» — Эти слова завертелись у Мысы на кончике языка и готовы были сорваться, но тут он вспомнил «пулю» Казылбака и проглотил вопрос.

— Мы, меньшевики, идем тоже к социализму, — начал снова гость. — Но медленно, не спеша, не трогая кулаков и буржуазию, через демократизм — к социализму. Буржуазию мы тоже протащим в социализм, и, когда он укрепитя, она растает в нем, как воск в огне. Что же нужно делать для того, чтобы народ, демократию настроить против колхоза? Нужно распространять среди населения разные антиколхозные лозунги, вроде: «Колхоз — наша смерть».

— Так говорил, дад, и Казылбак, — поддакнул Сейдык.

— Вот, вот... — продолжал гость. — Имущество каждого крестьянина, вступившего в колхоз, полностью обобществляется.

— Забирают кур, гусей, уток, даже цыплят, — сказал Сабакей.

— И жен, — добавил Казылбак.

— Не будут разбирать, мать или сестра — вставила Кеймытхан.

— Апсуара, апсуара топчут. Этого не забудьте, — настаивал Селым.

— Бог против колхоза. В колхоз идут только грешники, блудные сыны, — напевно произнес поп.

— Антихрист! Антихрист идет! — пробасил вслед за ним дьякон.

* Лидер грузинских меньшевиков, глава правительства, ставший позже белоэмигрантом.

— Большевики разрушают храмы божьи, — продолжал поп.

— И мечети, — вставил мулла Есыф.

— И мечети, и мечети, — подтвердил поп.

— Все это вы подобрали хорошо, — одобрил гость. — Еще что? Да, вот еще: всех колхозников загонят в одну казарму...

— И уложат под одним сорокаметровым одеялом, — добавил Казылбак.

— Дома, сараи, амбары — все обобществляют... Можно и это добавить, дад? — спросил Келамат.

— Можно, можно. Пугайте всем, чем только можно утрашить крестьянина. Все пойдет в ход! — ответил гость.

— Надо эти штучки пустить умело на поминках, и тогда их быстро разнесут по нашему селу и дальше, — сказал Казылбак.

Это понравилось гостю. — Хорошо, очень хорошо!

Мыса в ужасе наблюдал, как на его глазах беззастенчиво выдумывают небылицы против колхоза, чтобы обманывать крестьян. Он хотел, было, крикнуть: «Что вы делаете, подлецы!» — но «пуля» снова остановила его.

— На сходе ни в коем случае вам выступать нельзя! — продолжал гость. — Наши мысли надо высказывать через подставных лиц, в особенности через бедняков. Говорить против колхоза должны только бедняки, как, например, Мыса.

— Но я не могу выступить против, я — член сельсовета! — воскликнул Мыса.

— Пусть так, поставь другого бедняка вместо себя.

Мыса замолчал.

— Кроме того, надо натравить женщин, — продолжал Казылбак.

— Вот это замечательно! С ними церемониться будут больше.

— Кеймытхан, это — твое дело! — обратился к ней Селым.

— Устрою, все устрою! — ответила, потягиваясь и хрустя костями, Кеймытхан.

— Дадраа, давайте расходиться, — предложил Сейдык.

— Да, мы все обсудили. Теперь только остается взяться за дело! — сказал гость и встал.

Поднялись и остальные.

— Разойдемся поодиночке, — предложил Сейдык.

Гость и Казылбак попрощались и ушли.

— Будь мужчиной, Мыса, мужчиной, — шепнул ему на ухо Сейдык и зашагал в сторону усадьбы.

Мыса поплелся, было, за ним, но по дороге свернул в сторону и удрученный пошел к себе домой.

В этот вечер, накануне поминок, съели быка, корову и телку, лишив детей Маху молока, кукурузы и многого другого...

Поп и дьякон, наполнив полосатый хурджин всевозможными яствами, отправились восвояси, чтобы завтра опять вернуться на поминки за новой добычей.

Наступил следующий день, ясный, солнечный. Посреди двора все так же красовался полосатый «акян». Легкие порывы ветра колебали висевшие на нем вещи. Народ стекался со всех сторон — верховые, пешие, мужчины и женщины. У забора с утра дымились костры, там в больших котлах варили мясо и мамалыгу.

Агитация дворян и кулаков, начатая еще вчера, уже оказывала свое влияние, мутя и будоража наиболее неустойчивых середняков, бедняков. Сильнее всех поддавались ей женщины.

В стороне за усадьбой прогремел первый выстрел и гулким эхом отозвался в горах. Это стреляли на поминках. На расстоянии трехсот метров от того места, где собирались стрелки, высоко в ветвях граба, виднелся белый кружок, величиной в пятак. Это была тарелка — мишень, втиснутая в расщеп сучка. Разбивший ее получал приз.

Стреляли из винтовок и кремневок. Среди состязавшихся был искусный горный стрелок, охотник на туров

и серн, Шханыква, пришедший со своей отделанной серебром кремневкой. Товарищи подшучивали над ним.

— Э-э-э, Шханыква, хотя ты хороший стрелок, но приз не тебе достанется. Кремневке не угнаться за винтовкой!

— Подожди пророчить! Важно, в чьих руках винтовка! — отвечал Шханыква.

— И то правда! — согласились с ним.

К стоявшей тут же ольхе всадили наискось нож, и ставя на него конец ружейного ствола, стали поочередно стрелять.

Шханыква, не спеша, зарядил ружье, насыпал на полку порох и стал ждать очереди.

Дым от выстрелов стлался по земле. Пахло порохом. Но белое пятно мишени продолжало маячить в зелени. Наконец, очередь дошла до Шханыквы. Он поднял курок и взял мишень на мушку.

Прогремел выстрел.

Мишень осталась цела.

— Эх, взял чуть выше! — сказал с досадой Шханыква.

— Почему ты думаешь, что взял выше? — спросили его.

— По тому, как затрепетали листья. При выстреле я не моргаю, оттого и увидел!.. — ответил он и отошел в сторону.

Каждый снова выстрелил по кругу, но безуспешно, и снова очередь дошла до Шханыквы.

— Буду бить в нижний край кружка, — сказал он, прицелился и выстрелил.

Тарелка исчезла. Раздался гул одобрения. Приз достался Шханыкве.

— Атарчей*! Атарчей! — донеслось с террасы акуаски. Наездники бросились к своим коням.

Девушки толпились на террасе акуаски с призами — «атарчеями»: платками, полотенцами, кисетами и кусками красной материи. Всадники подскакали к акуаске. Десятки рук нетерпеливо тянулись к атарчеям. Кто-то стегнул коня у лестницы, заставляя его подняться на

* Соревнование всадников, проводимое во время поминок.

террасу. Конь рванулся и влетел на террасу под общие крики одобрения.

— Дайте ему атарчей! Дайте! — закричали в толпе.

Какая-то девушка передала всаднику красную материю. Он взял ее в зубы, хлестнул коня и в один прыжок очутился внизу.

— Дорогу, дорогу! — крикнул он и помчался, лавируя между деревьями. За ним вдогонку ринулись остальные наездники.

Он скакал по самым опасным местам. В этой головоломной скачке у одних лопались подпруги, другие слетали с седел, падали, снова вскакивали на лошадь и мчались дальше, как ни в чем не бывало. Конь одного из всадников, чего-то испугавшись, шарахнулся в сторону, под нависший грабовый сук. Всадник разбил бы себе голову, не успей он на скаку схватиться руками за ветку. Он повис, а конь умчался дальше. Наездника с атарчем вскоре поймали, и снова все поскакали к террасе. После игры началась джигитовка.

Группа всадников, волнуясь, стояла уже в стороне, готовая соревноваться в джигитовке. Один из них выехал вперед и, гордо поднявшись на стремянах, помахивая вдвое сложенной плетью, крикнул толпе:

— В сторону! Отойдите в сторону!

Толпа разом раздалась, открыв площадь длиною в пятнадцать-двадцать метров.

Всадник, крикнувший толпе, опустился в седло, подобрал полы черкески под колени, натянул левой рукой поводья и, под сотни устремленных на него взглядов, поехал, гарцуя на коне по площади. Потом остановился на прежнем месте и, резко ударив плетью под брюхо коня, вздыбил его. Напружинив задние ноги, конь прыгнул вперед и стремительно понесся.

Всадник, словно врос в седло. Вдруг на всем скаку он осадил своего скакуна. Конь скользнул, бороздя копытами землю, повернулся, поднялся снова на дыбы и рванулся вперед.

— Хорошо! Очень хорошо! — раздались со всех сторон одобрительные возгласы.

* Афырхауа — герой (дословный перевод — мужчина молодой).

Всадника сменил другой. Конь его взял разбег неумело и поскакал как-то боком, задевая стоявшую шпалерами толпу. Полы черкески наездника выбились из-под колен и развевались в воздухе.

Послышались неодобрительные голоса.

Досадуя на своего коня, наездник отъехал в сторону.

В это время, пробираясь сквозь толпу, показался на коне седой старик.

— Дорогу! Дорогу! — кричал он, широко улыбаясь.

— Хаджамат! Это Хаджамат! А какой он был ездок! — раздались восторженные голоса.

Старик крепко натянул поводья, гикнул, словно юноша, ударил коня и поскакал. Тот не подвел — хорошо взял разбег. В нужном месте лихой наездник умело осадил, повернул коня и помчался обратно.

— Молодец, Хаджамат, хорошо! — закричали в толпе.

— Что ж, надо учить молодежь! — смеясь, ответил старик, и отъехал в сторону.

В это время кто-то вышел из толпы на площадь, в его руке сверкнул кинжал, он очистил от травы небольшую площадку и на виду у всех положил на нее серебряную монету в двадцать копеек.

Всадники заволновались. Надо было на всем скаку поднять монету с земли.

Один из них встал на стремяна, соразмерил острым взглядом расстояние, ударил коня и понесся. Вдруг, словно сорвавшись с коня, он повис на седле, его правая рука жадно обшарила землю вокруг монеты, но он не смог ее схватить — конь оттащил его вперед.

Задетая рукой монета покатилась по траве.

Всадник, досадуя, выпрямился на седле.

Монету положили на прежнее место.

— Хаджамат! Хаджамат! — закричали в толпе.

— Нет, дадраа, пусть уж это молодежь поднимает! Кости не гибкие! — засмеялся Хаджамат.

В это время сорвался с места другой, повис вниз головой и, когда поравнялся с монетой, ловко схватил ее и разом выпрямился на седле. В поднятой руке сверкала монета.

Раздались одобрительные голоса.

Еще несколько раз клали монеты, и всадники их ловко подбирали.

Джигитовка кончилась, всадники затянули песню «азар» и выехали из толпы.

Сегодня свободно джигитовала крестьянская молодежь. Не то было раньше. Они были «недостойны» соревноваться в джигитовке с сыновьями дворян и князей. Если кто и осмеливался, то он или получал плетью по спине, или лишался своего коня.

Кубрыц и Кучир любовались народными играми.

— Надо суметь приурочить эти игры к нашим революционным праздникам — это отвлечет массы от религиозных праздников и заставит забыть всякие языческие пережитки, — сказал Кубрыц.

— Правильно!

— Важная задача для комсомола! — добавил Кубрыц.

Кто-то из толпы, собравшейся во дворе усадьбы, выстрелил. Сбитый с акяна платок белой чайкой полетел вниз. Затрещали пачками выстрелы из револьверов и пистолетов. Сизый дым повис над толпой. Сбитые вещи летели вниз и подхватывались состязавшимися. Вскоре на акяне ничего не осталось, кроме птички на острие. Стали наперебой стрелять в нее. Кто-то попал. Птичка взорвалась. Огонь побежал по навощенной материи; порох, насыпанный в углубление столба, вспыхнул, весь акян охватило пламя.

Потом приступили к последней траурной церемонии «ачыкугалара»*. Толпа расступилась, образовав большой круг на весь двор. Женщины затянули «ауау». Под скорбное пение медленно и торжественно повели по кругу, держа под уздцы, трех покрытых черными попонами лошадей. За ними потянулись с воплями женщины в черных платьях, с распущенными волосами. Три раза это торжественно-дикое шествие обошло круг, и «ачыкугалара» закончилась.

Затем принялись за еду.

* Ввод лошадей в круг плакальщиц.

Солнце опускалось, бросая на лес и горы мягкий лилово-розовый свет. У забора стояли Сейдык и Селым.

— Ну, как по-твоему, Сейдык, прошла «апсуара»? — спросил Селым.

— Превосходно, дад.

— Провели, как надо, — согласился удовлетворенный Селым.

В это время вдова Маху, усталая и удрученная, сидела с детьми в амацурте и безучастно смотрела на расходившийся народ, пожравший все ее добро.

«Как я дальше буду жить и кормить детей?» — думала она.

Росла гнетущая тревога. Будущее стояло перед ней, грозное и загадочное.

Глава десятая

Солнечный день. По небу с моря плывут белые пушистые облака, направляясь к дальним вершинам, где им преграждает путь высокая гряда синеющих гор. Облака, растягиваясь, то проплывают белыми лебедями над вершинами, то окутывают их острые пики чалмой...

Крестьяне стекались со всех сторон на площадь перед сельсоветом. Древняя липа — свидетельница многих прошлых дел, мирных и кровавых — осеняла собравшихся густой тенью. В стороне белел памятник, поставленный царским правительством. Под ним лежали казаки, убитые восставшим народом полвека тому назад.

Сегодняшний сход не походил на обычные сходы. Народ валил без конца: мужчины и женщины, подростки и юноши. На прежних сходах редко показывались женщины, а сегодня их было много. Они держались в стороне от мужчин, собирались группами, что-то с волнением обсуждали.

Площадь все наполнялась. Собравшиеся в кучки мужчины озабоченно перешептывались. Если кто-нибудь чужой проходил мимо, понижали голос или, покашливая, замолкали.

Сторонкой прошли поп, дьякон и юркнули в церковь, расположенную на другом конце площади. Захватили

церковный ковер и по винтообразной лестнице взошли на колокольню, оттуда, как на ладони, был виден сход. Разостлали ковер. Поп лег на живот, подперев обеими руками бородатый подбородок, а дьякон притаился в простенке. Оба тревожно впились глазами в толпу. Их волновал вопрос: будет ли сорван сход? Они ночами не спали, делая свое черное дело. Обманами, подкупамы обхаживали людей, чтобы восстановить народ против коммунистов, комсомольцев и колхоза... Заметив, что дьякон высовывается из-за своего прикрытия, поп раздраженно сказал:

— Ложись, ложись! А то заметят...

Тот послушно вытянулся, как и поп, подперев руками тыквообразную голову. Так они оба долго лежали, напряженно следя за всем происходившим на сходе.

— Вот Сейдык, — сказал тихо поп.

— Где?

— Вон видишь, стоит у липы.

— Ага, вижу, в сером башлыке.

— А вот и Селым! — указал пальцем дьякон.

— Где?

— Рядом с Мфилды.

— Где же этот верзила? А, нашел. А вот и Селым. Он такой щупленький, что его не сразу заметишь...

— Но умница, умница!.. Народ-то, батюшка, как прет сегодня!

— А женщин сколько! Молодец Кеймытхан, поработала!

Дьякон устал лежать на животе, тихо поднялся и снова стал в простенке. Поп продолжал лежать.

— Раз! Есть! Попал! — слышался голос дьякона.

— Что есть? — обернулся поп.

Дьякон улыбнулся.

— Гадаю, батюшка, будет сегодня удача или неудача, — сказал он, смеясь, и, закрыв глаза, снова свел указательные пальцы. — Два! Чорт возьми. Не попал! Три! Есть! Попал! Как же теперь? А? Два раза попал, а один раз — нет.

— Раз! — услышал дьякон, — следуя его примеру, поп тоже занялся гаданием.

— Попали, батюшка! — от радости дьякон даже захихикал и, вытаращив глаза, стал пристально следить за движениями пальцев попа.

— Два! — пальцы снова сошлись. — Три! — повезло и в третий раз.

— Удача, удача будет, батюшка! — радостно закудаhtал дьякон.

— А ну, еще раз попробую... — Дьякон закрыл глаза и начал: — Раз!

Так они долго тешились гаданием.

Мимо густых кустов, окаймлявших площадь со стороны леса, бежала собака. Вдруг она остановилась и зарычала. Потом стала лаять, то кидаясь в кусты, то отскакивая от них. На нее обратили внимание.

— Что она так лает? — заметил кто-то на сходе.

— Ежа, наверно, увидела.

— Узнайте, дадраа, в чем дело, — предложил один из стариков.

— Змея, наверно, — проговорил молодой парень и, вынув револьвер из кобуры, пошел к зарослям.

В кустах сидели мулла Есыф и кулак Сабакей. Они пришли, чтобы следить за сходом.

Собака извела их. Они то ласково манили ее, то грозили ей. Но пес не отставал. Увидев шедшего к ним человека и блестящий в его руке револьвер, мулла Есыф пробормотал:

— Надо удирать! Сюда идет кто-то с револьвером... Он может подумать, что тут притаился зверь... Идем скорей. Аллах, аллах! Что за напасть!

Оба они, пятась, стали уходить. Собака бросилась в кусты.

Они дошли до канавы с гнилой, застоявшейся водой, через которую было перекинута бревно. Сабакей перебежал первым. Вслед за ним торопливо вступил на бревно мулла Есыф, но поскользнулся, свалился в канаву и завяз по пояс в зеленоватой тине.

— Аллах, аллах! За что такое наказание? Будь проклята эта собака! — причитал он.

— Где у тебя глаза были? — упрекнул его раздосадованный Сабакей, помогая выбраться из канавы.

Мулла хотел было палкой счистить прилипшую грязь.

— Потом, потом! — торопил его спутник, и они побежали, преследуемые собакой.

В сельсовете сидели предсельсовета и Кубрыц. Вбежал Кучир.

— Не нравится мне сегодня сход, — сказал он.

— Почему? — спросил Кубрыц.

— Народу слишком много. Перешептываются, волнуются.

Кубрыц и предсельсовета подошли к окну.

Тени огромной раскидистой липы не хватало на всех собравшихся. Многие сновали по площади на солнцепеке.

— Да, — проговорил Кубрыц, — черт побери! Кто-нибудь из подкулачников еще выкинет коленце... Актив комсомола весь собрался? — спросил он.

— Весь!

— Должно быть, горячие будут споры. Актив комсомола и партийцы должны быть начеку. Надо, чтобы беднота смелее выступала. А ты мобилизуй членов сельсовета, — обратился он к председателю совета.

— Подоспеет ли к сходу обещанный нам трактор? Ну, да ждать нечего — давайте откроем сход! — решительно сказал Кубрыц.

Они вышли.

Площадь затихла.

— Добрый день! — приветствовал Кубрыц собравшихся.

— Да будет вам добро! — дружно ответил сход.

Кубрыц, предсельсовета и Кучир заняли места у стола. Мфилды стал у края. Из-под полей войлочной шляпы он окинул взглядом сход и стал набивать трубку.

Сейдык пробрался к самому столу.

— Добрый день, дад! — приветствовал он Кубрыца.

«Змея», — сказал про себя Мыса, стоявший в толпе и опять вспомнил про «пулю» Казылбака.

— Объявляю сход открытым! — раздался громкий голос предсельсовета. — Если здесь есть лишенцы, просьба оставить сход.

Крестьяне стали переглядываться. Никто не уходил.

— Кеймытхан, уходи отсюда! — бросил ей Кучир.

— Унан, не родиться бы тебе на свет божий! И что тебе от меня нужно? — огрызнулась Кеймытхан, которая была на голову выше окружающих. Ее маленькие, острые глаза загорелись бессильной злобой.

— Пусть остается, пусть! Не трогайте ее! — заголосили женщины, к которым присоединились голоса кое-кого из подкулачников и зажиточных.

— Она — лишенка! Сколько раз ее убеждали бросить знахарство, но она упорно продолжает обманывать крестьян и обирать их, — ответил предсельсовета.

— Унан, и кто тебя сотворил? Я обираю людей?! — пробормотала Кеймытхан.

— Хе-хе-хе! — залился Мфилды, тыча палкой о землю и глядя в упор на Кеймытхан. — Брось, Кеймытхан, брось! Не помнишь разве, год тому назад я по своей глупости пришел к тебе? Давал три рубля, а ты не взяла, требовала пять...

— Я?

— Нет, я! Хе-хе-хе...

— Я? — повторила снова она, не зная, как оправдаться.

— Не я — знахарка Кеймытхан, а ты! Ха-ха-ха! — снова залился Мфилды.

— Чтоб тебя молнией убило! — буркнула Кеймытхан под нос и собралась уходить.

— Оставайся! Оставайся! — крикнули ей женщины.

— Что это вы пристали к ней! Нас всех обижаете! Мы тоже уйдем!.. — выкрикнула вдруг, став в боевую позу, невысокая женщина, в белой косынке, с тонкими чертами лица.

— Подожди, Елана! — остановил ее председатель. — Уйти всегда успеешь. Ты за себя говори, а не за всех... Наши решения принимаются в расчете на то, чтобы оберегать трудящихся от всяких обманщиц и обманщиков.

Мужчины стояли молча, не вмешиваясь в разговор.

— Я — обманщица?! Пусть фасоль, на которой гадают, ударит тебя в голову! — пробасила Кеймытхан, размахивая своими длинными костлявыми руками.

Хе-хе-хе! — залился снова Мфилды. — Вот и тут ты врешь! Фасоль никакой силы не имеет, ее можно только есть! Хе-хе!

— Уйду, уйду! Хоть тысячу рублей дайте, не останусь! — не зная, что ответить, повторяла Кеймытхан, не двигаясь с места в надежде, что за нее вступятся и другие. Но видя, что дело проиграно, шепнула соседним женщинам: — Держитесь крепко! — и вышла из толпы, шагая, словно на ходулях, высокая, костлявая.

— Слово имеет Кубрыц, — громко сказал предсельсовета.

Разговоры затихли. Кубрыц встал, надвинул на лоб кепку и собрался говорить.

— Нан, не хотим, не хотим, нан! — выкрикнула в это время какая-то нетерпеливая женщина.

— Чего ты не хочешь? Я ведь еще ничего не сказал! — засмеялся Кубрыц.

По толпе прошел сдержанный смех.

— Чего ты выскочила?.. Подождала бы! Вот видишь, всех нас вогнала в краску, — набросились на нее соседки.

— Где наша сорви-голова?

— Нет ее.

— Еще не пришла?

— Вот кто может говорить!

— Смелая она!

— Бог ее накажет! Чего опоздала?

— А может, и не придет? — озабоченно переговаривались женщины.

Начал говорить Кубрыц. Он умело подчеркивал жестами нужные слова. Менял интонации, пересыпал для большей убедительности речь сравнениями и поговорками.

— Хорошо говорит, дад, хорошо, не правда ли? — спросил один из стариков Селыма.

— По написанному говорит, — ехидно ответил Селым.

— Все равно, хорошо говорит, дад, — остался при своем мнении старик.

Чтобы навязать деловую беседу, Кубрыц заговорил об общих задачах социалистического строительства, увязывая их с задачами республики, района и села.

Его слушали с напряженным вниманием. Но как только он затронул вопрос о колхозе, поднялся неистовый шум. Толпа заколыхалась, словно буря ударила по лесу. Среди этого гама и шума выделялся истошный, пискливый крик:

— Не надо колхоза!.. Не хотим его! Нет! Нет! — во всю глотку орал чей-то голос. — Вот для чего нас собрали — в колхоз загонять! Нет! Нет! И говорить о нем нечего!

— Замолчите! Выслушайте до конца! — крикнул предсельсовета.

Но его не слушали. Шум, гам, крики разрастались. Беднота, актив комсомола и часть середняков сцепились с противниками колхоза. Спорили, доказывали друг другу.

Сейдык радовался всему происходящему. Глаза его сверкали. Ему хотелось, чтобы возбужденная толпа навалилась на стол, смяла Кубрыца, предсельсовета и Мфилды. Но он делал вид, что его возмущает все это, и временами громко выкрикивал:

— Перестаньте, дадраа! Не годится так!

Селым, шныряя в толпе, отыскивал подговоренных людей, подбивал их к выступлениям. Мыса стоял среди разбушевавшейся толпы, съежившийся, растерянный, не смея говорить ни за колхоз, ни против. «Пуля» Казылбака парализовала его.

Спор не стихал. Брань и протестующие крики со стороны женщин не умолкали. Мфилды не выдержал и заорал:

— Эй, вы, женщины!.. Разве так можно? Ведь это сход! Ведь люди вы, не скоты!

Ему не дали договорить. Женщины накинулись на него.

— Аайт, Мфилды! Пугать нас вздумал!.. А? Буйвол ты! Бревно! Не родила бы тебя мать!.. — кричали они, добавляя всякие нелестные эпитеты по его адресу.

Одна из женщин, пытаясь сорвать сход, крикнула:

— Уйдем!.. Уйдем! Не хотим их схода! Идемте! — и выбежала из толпы.

— Иди сама! Иди, чтоб не вернуться тебе никогда! — крикнула ей Амина, член сельсовета.

Видя, что к ней никто не присоединился, сконфуженная смутьянка нырнула в толпу.

Когда все вдоволь накричались, волнение постепенно улеглось.

— Хватит, дадраа, хватит! Ведь мы же люди. Послушаем, наконец, человека! — веско сказал старик Осман.

— Когда козы чувствуют свою гибель, они начинают бодаться. Так и мы, — добавил другой старик.

— Говорят, плывший на корабле закричал: «Не поеду дальше», — и схватился за мачту. Кричи, не кричи, все равно советская власть куда надо, туда и поведет, — отозвался третий.

Постепенно наступило затишье.

Такой оборот дела не понравился Сейдыку. Он злился на подговоренных крестьян за то, что они перестали шуметь. Селым, точно уж, шнырял всюду, подбивая своих сторонников к выступлению.

Кубрыц терпеливо ждал, выбирая момент для ответа.

— Разве так годится! — твердо и властно крикнул он.

— Не хотим колхоза, не хотим! — отозвался подкулачник Кунта, стоявший возле Селыма.

Но это был уже отдельный выкрик. Кунта остановили соседи.

— Правду сказал Осман! Мы ведь — люди, а не скотина, — продолжал Кубрыц, отрывисто бросая слова. — Выслушайте меня спокойно до конца, а потом будем спорить и тогда каждый скажет то, что думает. Криками дела не наладишь.

— Так, дад, так! — раздались голоса.

— Не дадим говорить, не дадим! А то он перетянет всех на свою сторону, — зашептались женщины.

Кубрыц зорко следил за настроением толпы. Пользуясь тем, что участники схода стояли, подкулачники шныряли повсюду. Чтобы прекратить их агитацию, Кубрыц предложил всем сесть.

Народ расселся полукругом. Кубрыц раздумывал, начать ли ему сразу говорить о колхозе, и решил к этому вопросу подойти постепенно.

— У Казылбака, у Сасрыква и у других дворян и князей советская власть отобрала ваши земли и вернула их вам. Верно?

— Верно, дад, верно! — подтвердили голоса.

— Дай бог ей много лет! — выкрикнул, вспомнив возвращенную землю, бедняк Хатара и вытряхнул на ладонь пепел из трубки.

— Не надо было ее возвращать, — сказал Кубрыц.

— Как, дад? Почему? Ты шутишь? — раздались недоумевающие голоса.

Кубрыц продолжал спокойно и серьезно:

— Если вы против своей собственной власти, если вы снова хотите попасть в ярмо дворян и князей, то мы вернем им отобранные земли, и Казылбак будет снова водворен в здание сельсовета, в свой дом.

— Не дай бог! — крикнул кто-то.

— Мы не против советской власти, а против колхоза, — добавил другой.

— А почему ты против колхоза? — спросил Кубрыц.

Спрошенный молчал, сам хорошо не разбираясь, почему он против.

— Разве человек себе враг? — продолжал Кубрыц. — Иногда он, действительно, помимо своей воли становится им. Это получается, когда он не понимает, что для него хорошо и что плохо. Упрямо не хочет принять то, что ему говорят доброжелатели, а слушает всякие вздорные слухи...

— Бывает, дад, это бывает! — согласился член сельсовета Осман.

— Разве такой случай мы не наблюдаем сейчас? Вы не хотите слушать своих, верите рассказам Казылбака, Сасрыква, Сабакей, Келамата — наших врагов, которые сидели у нас на шее!

— Да, это так, дад! — слышались голоса из толпы.

Вертявый Кунта ерзал на месте, бросая озабоченные взгляды по сторонам; потом шепотом стал разговаривать с соседом. Селым мысленно отчаянно ругал Кубрыца за то, что тот усадил народ, потом незаметно по-

добрался к крепкому середняку Качбею и шепнул ему что-то. Непокойные разговоры вспыхивали то тут, то там.

Сейдык сидел, стиснув зубы, посматривая украдкой на своих сообщников. Он подмигивал то одному, то другому, призывая их к новым выступлениям.

Прячась от взглядов Сейдыка и Селыма, Мыса усиленно убеждал кого-то говорить за колхоз. Ханифа, жена зажиточного крестьянина, закутанная в шаль, толкнула соседку и тревожно зашептала ей:

— Смотри, заберет он их в руки. Начнем! Начнем!

В это время показалась Хса-сорви голова повязанная черной косынкой. Ее окружила группа женщин и засыпала вопросами.

— Почему опоздала?

— Где была до сих пор?

— Без тебя ничего не выходит.

— Ты — смелая!

— Ты умеешь выступать!

— Далеко живу и потому опоздала, — оправдывалась Хса, польщенная тем, что с нею считаются. Это поднимало ее в собственных глазах, она чувствовала себя героиней. С решительным видом она спросила:

— Кто-нибудь из наших выступал?

— Говорили, шумели, кричали. А теперь перестали. Это не годится. Кубрыц заберет всех в руки. Говори ты, говори!

Она, подзадоренная, вышла вперед, вытянула руку и, помахивая ею, крикнула:

— Дайте мне выступить, дайте! — и, не дожидаясь разрешения, стала сыпать словами; не вдумываясь особенно в их смысл: — Аайт, какой там колхоз? Что они выдумали? Не надо нам колхоза! Пусть он сгниет вместе с теми, кто его выдумал! Спичек нет, мыла нет! Ничего нет! Кооператив... тьфу! Пусть он сгорит! Пусть лучше торгует лавочник Коста! Не так ли? — обратилась она, полуобернувшись к женщинам. Те одобрительно закивали головами.

Предсельсовета пытался остановить её, но она не обращала на него никакого внимания.

— Винюсь перед мужчинами за мои слова... Годится ли тут говорить об этом? — она вопросительно посмотрела на женщин.

— Говори! Говори, чего там! — раздались одобряющие голоса.

В это время беднячка Куйца дернула ее за юбку, пытаясь удержать ее от выступления.

— Не мешай, не мешай! Ты всегда за них стоишь, паршивая! — крикнула та и продолжала, приподнимая юбку: — Вот у нас последние юбки, а потом будем ходить голыми, шальвар нет...

Раздался хохот.

— Эх ты, бесстыжая, глупая! И не стыдно тебе, задрала подол! — упрекнул ее Мфилды.

— Ты молчи, Мфилды! Ты, известно — за коммунистов! Сначала шальвары достаньте, а потом устраивайте колхоз... Не надо его нам, не надо!

Предсельсовета попробовал снова ее остановить, но она не унималась. За нею стали кричать и другие. Некоторые вскочили с мест. Шум и крики росли, толпа вновь взбудоражилась. Посыпалась ругань.

— Ура! Ура! — крикнул Кунта. Другие подхватили и, казалось, начался штурм крепости.

Коблук не выдержал и с силой толкнул оравшего Кунту. Тот уткнулся носом в спину стоявшего впереди, и только когда обернулся, увидел, что толкнул его Коблук. Кунте стало стыдно.

— На кого ты людей натравливаешь?! Разума лишился? — набросился на него Коблук.

Тот молчал.

Комсомольцы, бедняки и часть середняков кольцом окружили членов президиума. Толпа продолжала волноваться и напирать.

— Осадите! Чего лезете? Голову потеряли! — закричал Осман.

Сейдык тоже возвысил голос.

— Не надо шуметь, дадраа, не надо волноваться! Выслушаем Кубрыца до конца.

— Садитесь! Садитесь!

Шум стал стихать. Люди опять расселись.

Кубрыц обвел всех взглядом и, улыбнувшись, спокойно начал:

— Нехорошо получается, когда думаешь не своей головой... Или повторяешь то, что взбрело в голову Хса.

Та, опустив глаза, молчала. Накричавшись, она остыла и чувствовала какую-то неловкость от своего выступления.

— Хса — беднячка, вдова, — продолжал спокойно Кубрыц, глядя на нее в упор. — Мы не раз ей помогали, поддерживали ее семью и детей. Она этого отрицать не может. И мысли, которые она сегодня высказывала, — это не ее мысли. Это чужие мысли.

— Это слова Кеймытхан! — крикнул Кучир.

«Откуда это он знает?» — подумала Хса, вспомнив, что действительно Кеймытхан вчера ночью была у нее и все это вдолбила ей в голову. Хса незаметно стушевалась в толпе.

— Возможно, — ответил Кубрыц. — Во всяком случае Хса говорит устами наших врагов: Казылбака, Сасырква и других.

— Верно, дад, верно! — слышались голоса.

— Для чего мы сегодня собрались? — продолжал Кубрыц. — Чтобы спокойно обсудить предложение нашего правительства, поговорить о новой форме ведения хозяйства. Советская власть вернула вам отнятые земли. Наши деды и прадеды веками их обрабатывали. Жили бедно. И мы также жили бедно. Почему? Потому, что ковыряли землю сохой и не удобряли ее. К тому же, работали не только на себя, но и на Казылбака, урядника, начальника, попа и других...

— Верно! Верно!

— Так больше жить нельзя. Наша власть хочет помочь нам поднять хозяйство. И снабдит нас тракторами и другими сельскохозяйственными машинами...

— Наша ведь это власть, она нас не погубит, — отзывался бедняк Хазарат. — Корова не задавит телку.

— Не разбираемся мы сами в том, что нам хорошо и что плохо, а когда нас учат, не слушаем — вот откуда беда! — присоединился чей-то сочувствующий голос.

— Тракторы и другие сельскохозяйственные машины не придут сюда из-за клочка земли Кунта.

Кунта вытянул шею и насторожился.

— На хозяйство единоличника трактор не работает. Вот ты, Кунта, — обратился к нему Кубрыц, — сегодня больше всех шумел и кричал...

— Я?

— Да. Скажи, сколько тебе надо времени, чтобы вспахать сохою десятину?

Тот подумал и ответил:

— Десять дней.

— А с трактором вспашешь ее да еще и заборонуешь в три часа.

— Ах, аллах, аллах! Увидеть бы его! — раздались удивленные голоса.

— Поняли теперь, насколько машина облегчает труд крестьянина?

В это время одна из женщин толкнула соседку и сказала вполголоса:

— Видишь, куда он метит! Опять-таки — в колхоз.

— При новой форме ведения хозяйства у нас будут машины, — продолжал Кубрыц.

— Это значит, колхоз? — крикнул кто-то.

— Это значит, сложить свои силы и начать совместную обработку земель, — ответил Кубрыц.

Сидевший неподалеку от стола подкулачник Смейл, думая поддеть Кубрыца, подмигнул соседям и, ехидно кривя рот, спросил:

— Скажи, дад Кубрыц, а что именно складывают?

— Объединяют земли, рабочий скот и сельхозинвентарь.

— Э... э... Кубрыц! Ты не о всем говоришь. Скрываешь, скрываешь, хи, хи, хи! — засмеялся Смейл, снова подмигивая.

— Ничего больше не обобществляют. Это — твоя выдумка, или тебя кто-нибудь обманул, рассказав небылицы.

— Хи, хи, хи! Так-то, Кубрыц! Знаешь, но не говоришь здесь...

— Ты сам скажи, Смейл! Мы слушаем, что тебе известно, — заспорил с ним один из комсомольцев.

— Смейл хотел меня поймать, но сам поймался, —

продолжал Кубрыц. — Он знает какие-то сказки, но он — трус и боится рассказать их.

Смейл пробормотал что-то себе под нос и замолчал.

— Колхоз — добровольное дело. Никому его не навязывают...

Но тут Кунта, недовольный Смейлом, вскочил петушком и кинул:

— Смейл не сказал, но я скажу! В колхоз забирают все: дом, усадьбу, мелкий скот и даже кур, гусей, уток! Все! Все! Не хотим мы колхоза, не хотим.

Это был новый маневр классового врага. Кулаки и подкулачники, видя, что они оказались в меньшинстве, решили использовать липкие, антиколхозные лозунги.

— В казармы нас загонят! — закричал кто-то.

— Под сорокаметровое одеяло!

— Не хотим! Не хотим колхоза!

Вскочил пастух Ханашв в войлочной пастушеской шляпе, с посохом в руке и начал сыпать словами:

— Налоги берут, коз отбирают, скот отбирают, кукурузу! А сами что дают? А? Спичек нет, мыла нет, керосина нет! Называется «кооператив», а там пустые полки! Все только обещают. Чем сулить на завтра курицу, дайте сегодня яйцо...

— Кто тебя подучил все это говорить? Скажи по совести, Ханашв? — порывисто вскочив, спросил Хауд.

— Кто?.. — не зная что ответить, Ханашв обвел всех блуждающим взглядом и упрямо выкрикнул: — Обманивают!... Теперь хотите — арестуйте! — закончил он и сел, робко оглядываясь.

Через некоторое время его уже не было в толпе, — он скрылся.

После него, плутовато и ехидно улыбнувшись, вкрадчивым голосом стал говорить Качбей:

— Двое братьев не уживаются под одной кровлей, а нас всех вместе хотите заставить жить!

— Так, так! — поддержал его украдкой рядом с ним сидевший Куатлей.

— Неправ ты, Качбей! Насильно никого не заставляют идти в колхоз! — возразил сидевший около него Мсоуст.

— Жили отцы наши без колхоза, и мы проживем! — крикнул середняк Хапаша.

— Кто против этого будет спорить... — поддержало его несколько человек.

— Выступаете вы не со своими словами, а только повторяете кулацко-дворянские выдумки, — резко возразил Кубрыц.

В это время Селым незаметно подполз к Кунте и шепнул ему что-то на ухо.

— Сначала будете обобществлять коров, лошадей, буйволов, а потом и женщин возьмете в общее пользование! — выкрикнул Кунта.

Женщины подняли неистовый шум.

Одна из них, наклонившись к соседке, смеясь спросила:

— А может быть, это неплохо?

— Ты говоришь так, потому что у тебя муж старый, а у меня еще молодой.

— Унан, порази тебя молния! — отвечала соседка, толкнув ее в бок.

— Колхоз убьет нашу старую жизнь, уничтожит, — орал Кунта.

— Верно! Верно! Не хотим, не хотим! Не пойдем в колхоз!

Шум все увеличивался.

— Довольно! Идемте! Пусть хоть голову разобьют себе своим колхозом! — крикнула женщина, выступавшая в начале схода.

— Идемте, идемте! — подхватили другие, разом вскочив, чтобы уйти и сорвать сход.

В это время к столу подошел Темыр, и раздался его зычный, сильный голос. Собравшиеся уходить остановились, обернулись к столу, притихли.

— От группы крестьян «Кривое ореховое дерево» сообщаю сходу, что мы добровольно решили объединиться и совместно начать обработку своих земель!

Раздались рукоплескания со стороны комсомольцев и бедняков. Глаза Сейдыка злобно засверкали. Темыр продолжал:

— Лгут те, которые говорят, что обобществляют все! Неправда это. Вот мы объединили только то, что нам

необходимо для совместной хозяйственной работы: землю, рабочий скот, плуг и соху. Вот и все. Остальное имущество остается по-прежнему во владении каждого из нас.

— А кто такие объединились? — спросили из толпы.

— Я, Коблук, Базала и другие! — ответил Темыр.

— Ааит! Вы растоптали апсуара! Теперь, коли кто из вас умрет, оплакивать и хоронить его никто не придет! — слышались выкрики.

— Умирать мы пока не думаем, а жить лучше собираемся! — ответил, смеясь, Коблук.

— Мы им не позволим! — кричал Кунта.

— Попробуй у меня! Я тебе найду место! — крикнул ему предсельсовета.

Сейдык и здесь просчитался. Надежды его разбились — провал был полный. В горле у него застрял какой-то ком, глаза налились кровью, но, чтобы не навлечь на себя подозрений, он с трудом выдавил несколько фальшивых фраз.

— Дадраа... Не надо, не надо им мешать, если они сами этого захотели.

Кубрыц насторожился, услышав слова Сейдыка, почувствовав фальш в его голосе.

— Пусть им будет удача! Пусть работают! — добавил Сейдык и украдкой посмотрел на Кубрыца.

Взгляды их встретились. В глазах у Кубрыца он прочел явное недоверие, быстро отвел взгляд и злобно стиснул зубы.

В это время слышался гул.

— Слушайте! Слушайте! — раздались голоса.

— Что за гул?!

— Не аэроплан ли? — воскликнул кто-то, отбежал в сторону, приложил ко лбу руку, всматриваясь в небо.

Кубрыц наблюдал, какое впечатление производит отдаленный гул, и потом, смеясь, сказал:

— Это не аэроплан, а трактор идет приветствовать нас с новым колхозом.

— Трактор?.. Трактор?!

Все повскакали с мест. Гул усилился. Он доносился со стороны шоссе.

— Садитесь, садитесь! Он подойдет сюда! — крикнул предсельсовета.

Но его не слушали. Любопытство взяло верх. Мальчишки с криком побежали встречать трактор. За ними, не выдержав, потянулись и старшие. Сход таял. Вскоре остались только Кубрыц, Кучир и предсельсовета. Мфилды, на целую голову выше других, шагал среди толпы. Пошли и они.

Вдали по шоссе шёл трактор, сверкая на солнце металлическим блеском. Впереди на радиаторе трепетал красным язычком флажок. Трактор полз огромным черным жуком. Воздух дрожал от его гула. Вспугнутые шумом мотора птицы кружились над деревьями. Скот, пасшийся у дороги, шарахался в сторону.

Гремя железными шипами по шоссе, трактор подкатил к толпе, могуче вздохнул и остановился. Сотни любопытных глаз впились в него. Молодой тракторист, в кожаной тужурке и кепке, поднялся с сиденья.

— Добрый день! — весело, подняв руку, приветствовал он собравшихся.

— Да будет тебе добро, дад! — отвечали ему.

— Кто он? — посыпались расспросы.

— Да это же сын нашего Озамата! — крикнул кто-то.

— Да, да! Благословит его бог!

— Дад, мы думали, что ты учишься в Сухуме! На каком ты коне приехал к нам? — улыбаясь, спросил его старик Чахмат.

— А это разве не учение, Чахмат? Учился я грамоте и трактор изучил, чтобы заставить его работать для крестьян моего села. Я его привел сюда, чтобы помочь вам поднять ваше хозяйство.

— Аллах, да будет с тобой, дад! Хорошо, дад, хорошо, что ты не остался в городе, а приехал помочь нам, темным людям, — сказал один из стариков.

— Но этот стальной буйвол на одного хозяина не работает, — продолжал тракторист. — Он любит простор, не терпит межей!..

— Колхоз, колхоз хочет! — пошутил кто-то.

— Вот именно — колхоз! — засмеялся тракторист и добавил: — Если нет колхоза, он обратно уйдет...

— Есть, уже есть! — крикнули из толпы.

— Хорошо! Тогда он останется работать! — широко улыбнулся сын Озамата.

Сейдык с бессильной ненавистью смотрел исподлобья на трактор. Селым, подойдя к Кунте, что-то шепнул ему. Оглядев молодого тракториста, он неуверенно кинул:

— Трактор, дад, не для нашей земли!..

Тот быстро оглянулся и ответил:

— То есть не годится для нашей земли, Кунта? Это тебе поп подсказал или Казылбак. А ну, посмотрим, как он не годится! Чья это земля вот тут, у дороги?

— Моя, дад! — сказал один из крестьян.

— Можно попробовать, как берет ее плуг?

— Можно, дад, можно! Чего спрашиваешь!

Сын Озамата опустил на сиденье.

— А ну, мой «буйвол», понатужься! — сказал он и нажал на рычаги.

Машина, словно настоящий буйвол, сердито зафыркала, загрохотала и двинулась по шоссе.

Народ шарахнулся в стороны.

— Аллах, аллах! Что за чудо — слышалось в толпе.

Трактор перевалил на пашню. Сын Озамата соскочил с сиденья, опустил лемехи плуга, который он вел на буксире и, снова вскочив на машину, крикнул:

— Ор-хи, пшёл!

Трактор рванулся и пошел. Трехлемешный плуг, глубоко врезавшись в почву, стал разворачивать длинной лентой черную, жирную землю.

Вокруг раздавались восклицания, удивления.

Описав полукруг, трактор вернулся обратно, учащенно задыхался и остановился, словно спрашивая Кунту: «Ну, как? Не гожусь для этой земли?».

Тракторист встал на сиденье и воодушевленно заговорил. Народ внимательно его слушал. Он рассказывал о значении трактора, о железной бороне, о культиваторе и разных сельскохозяйственных машинах. Объяснял, что советская власть хочет механизировать сельское хозяйство, облегчить труд крестьянина, поднять урожайность полей. Ярким подтверждением его слов высился под ним трактор.

Запылал закат. Словно незримый художник, обмакнув кисть в огненножидкий сплав металла, провел ею по небу. Лилово-оранжевый свет расцвечивал горы. Молодой тракторист еще долго, горячо и вдохновенно говорил, стоя на тракторе. Ожесточенные кулацко-дворянской агитацией крестьяне чувствовали в его словах правду новой жизни.

Народ стал расходиться. Молодежь затянула бодрую песню. Словно аккомпанируя ей, двинулся к сельсовету трактор, окруженный комсомольцами.

Сейдык ушел мрачнее тучи.

— Провалились! — сказал, глубоко вздохнув дьякон, спускаясь вслед за попом с колокольни. Поп хмуро молчал.

Сейдыка догнал Селым.

Поровнявшись с церковью, они юркнули туда через боковую дверь.

— Провал... — застонал поп.

— Сорвалось... — ответил замогильным голосом Сейдык.

— А что дальше делать? — беспомощно спросил поп.

— Дальше?.. Дальше надо всячески вредить колхозу.

— Разбить трактор? — вставил Селым.

— Разбить трактор. Сжечь барак, если начнут строить. А если и это не поможет, надо сделать то, что сказал Казылбак...

— Стрелять... — стиснув зубы, процедил Селым.

— Стрелять!

— Благослови вас бог!

— Аминь, аминь! — заключил дьякон.

Они вышли из церкви и, как тени, расплылись в темноте.

Глава одиннадцатая

С первыми лучами солнца утренняя тишина поселка «Кривое ореховое дерево» была нарушена могучим гулом. Птицы, распевавшие в густой листве, замолкли и притаились, отчаянно закудахтали куры, где-то режущим голосом прокричал гусь. Петух, сидевший на ольхе и пе-

рекликавшийся с соседскими, оборвал «кукареку» на половине. Коровы беспокойно замычали, конь Сейдыка поднял голову, фыркнул и стал бить копытами о землю.

Дверь акуаски приоткрылась, и Сейдык пристально посмотрел в сторону, откуда доносился шум, — там, за пацхой Темыра, он увидел работающий трактор.

Хабаш в это время был в лесу с козами. От непривычного гула козы чуть не разбежались. Он успокоил коз ласковыми окриками, и они опять принялись объедать листву. Хабаш кошкой влез на дерево, взглянул на поле и увидел как что-то черное, гудя, движется по пашне.

«Что за чудо?» — подумал он и вдруг вспомнил, что еще вчера возвращавшиеся со схода люди рассказывали о каком-то тракторе. Ему очень захотелось посмотреть на машину, но вспомнив, про плуг Темыра, он не решился встретиться с другом. Совесть и стыд мучили его.

На меже, между землей Базала и Темыра, заросшей колючим кустарником да бурьяном, багровел, клубился черный дом, пронизанный ярким пламенем. Это горела старая межа — межа, сеявшая вражду между соседями и братьями, межа, политая слезами и кровью.

Колхозники собирали прошлогодние ожинки. За ними, подымая пластами землю, следовал трактор. Сын Озамата, управлявший трактором, затянул новую колхозную песню. Ее дружно подхватили Коблук и другие колхозники. Бодрая трудовая песня широко разнеслась по полям.

Темыр расчищал и жег заросли на меже. Время от времени отрываясь от работы, он бросал радостный взгляд на трактор. Сердце его громко пело, кровь молодого бурлила в жилах. Позади — подневольная, забитая жизнь, впереди — радостный заманчивый простор свободного коллективного труда!.. В поселке «Кривое ореховое дерево» родился колхоз, вспыхнув ярким огнем на фоне старой сельской жизни.

Вечером Сейдык позвал к себе Хабаша.

— Садись, дад, — пригласил он ласково и начал: — Э-э, дад, сын мой Хабаш, хотел было я, не сегодня, так

завтра, отвести тебе землю рядом с моей и на ней думал построить тебе и Хикуч небольшую акуаску... Но, как вижу, эти люди не дадут нам спокойного житья.

Хабаш слушал старика, опустив глаза. Он едва сдерживал накипавший гнев. Хабаш уже знал, что Сейдык хочет выдать Хикуч за Косту.

Такие разговоры заводил с ним Сейдык в тех случаях, когда его руками хотел совершить какое-нибудь преступление.

— Видишь, дад, наши соседи из кожи вон лезут, — продолжал нагло Сейдык. — Колхоз выдумали... На отцов и дедов наплевали. Наши обычаи растоптали, слепцы, безумцы. Если им будет плохо, пусть пеняют на себя! Ты слышал, дад, что гудело сегодня? Это — трактор. Он требует много земли. А наша земля находится рядом с их колхозом. Я боюсь, дад, что эти бессовестные люди потребуют прирезки к своей земле и заберут нашу. Если человек теряет совесть, он на все способен. Это видно по нашим соседям. Наглými стали. Стыд потеряли. На таких людей нельзя смотреть, опустив руки. Как-то надо оградить себя... — Он замялся, взглянул на Хабаша и ласково продолжал: — Садись, дад, садись! Что ты стоишь? Успеешь еще постоять передо мною, но только при мужих людях, чтобы тебя похвалили за то, что ты уважаешь старика, своего тестя, Сейдыка. Хи-хи-хи! — засмеялся Сейдык.

Тугой комок злобы застрял в горле Хабаша, слушавшего эти лживые слова.

— Так вот, дад Хабаш, прежде всего о себе надо подумать. Я и жена уже стары. Не сегодня, так завтра нас не будет. Кому же все достанется, как не вам, моим детям? Все что здесь есть — ваше... Ты, дад Хабаш, уже раз доказал, что умеешь оберегать свое. Родной сын для отца не сделал бы того, что ты сделал... И потому ты стал мне ближе сына, дад.

Хабаш насторожился. Сейдык продолжал:

— Когда плуг исчез...

При этих словах дрожь пробежала по телу Хабаша, сердце его сжалось до боли.

— Искали его повсюду, обыскали весь лес. Но никому и в голову не пришло сунуться к колодцу. И теперь, если мы хотим здесь жить, нужно помешать строить колхоз рядом с нами... Я думаю, надо привести в негодность трактор.

Хабаш вздрогнул, поднял голову и снова опустил.

— А кто это сделает? Я стар. Да и едва ли ты мне позволишь, если бы даже я вздумал. Стыдно будет вам, моим сыновьям, посылать меня, старика. Так вот, дад, лучше тебя это никто не сделает.

— Я! — крикнул Хабаш, и лицо его исказилось от еле сдерживаемой ненависти.

— Чего ты так испугался? А? Даже побледнел. Я его, как мужчину, женить собираюсь, а он перед пустяком трусит. Плуг же бросил в колодец, и ничего ведь? Вот возьми этот молоток, пойди, открой крышку трактора и ударь его хорошенько в сердце. Никто ничего не узнает, вот и все. Возьми, — и он протянул Хабашу молоток.

— Нет! Я этого не сделаю! — твердо сказал Хабаш.

Сейдык опустил руку и подумал: «Поразмыслит, как в рот раз, и сделает».

Хабаш дрожал от негодования. Ему хотелось схватить молоток и ударить им Сейдыка по голове.

Старик спокойно продолжал:

— Продававший быка говорил — «цей-цей», а покупавший — «чипшь-чипшь»*. Так и у нас с тобой, — я одно говорю, а ты другое твердишь. Не слушаешь меня, сам же проиграешь. Подумай о том, что я хочу для тебя сделать. Не отказывайся от своего же счастья...

Бесстыдство Сейдыка взорвало Хабаша. Он не вытерпел и крикнул:

— Не верю я этим обещаниям!

— Эх, молод ты, молод. Ну зачем мне на старости лет говорить неправду.

— Ты же за Косту выдаешь Хикуч?

Сейдык уставился на него и подумал: «Не старуха ли проболталась?». Глаза его сверкнули злобой.

* Понуканье быков.

— Кто это тебе сказал?

— Сам Коста.

— Коста? Хи-хи-хи! И ты ему поверил? А? Он просто хотел подразнить тебя? Он знает, что ты любишь Хикуч. Ах, вы молодые, зеленые! И я был когда-то таким... — и уже деловито продолжал: — Ты их, дад, не слушай, а верь тому, что говорит тебе Сейдык, твой отец. Ну, довольно упрямитесь. Возьми молоток и сделай то, что я тебе сказал.

— Нет, не пойду! — отрезал Хабаш.

— Значит все, что я тебе говорил, ты пропустил мимо ушей? Хорошо, дад, хорошо. Будешь потом жалеть, но будет поздно. Лучше будет, если ты послушаешься отцовского совета. На, возьми! — он опять протянул ему молоток.

— Нет!

— Нет? — повторил Сейдык. — Вон с моих глаз! — заорал он и вскочил. — Ачичия*! Ат, ат, ат! Чтобы я тебя больше не видел в моем доме!

— Ну, что ж, уйду! — бросил Хабаш и решительно повернулся к дверям.

Хабаш вышел. Сейдык подумал: «Удерет еще, дурак». Подошел к двери и бросил ему вслед:

— Подумай еще раз о том, что тебе сказал человек, который желает добра... Если навсегда не хочешь потерять меня и Хикуч. На вот, бери! — сказал он и бросил ему вслед молоток.

Потом вернулся, сел у очага и решил, что как и прежде, Хабаш одумается и выполнит его приказание.

Хабаш шагал в темноте, шатаясь. Кровь стучала в висках. Он направился к шалашу, но, не доходя до него, опустился на землю у ольхи, прислонился к ней спиной и опустил голову. В его ушах еще звенели наглые, лживые слова Сейдыка. Его мозг сверлила мысль о совершенном им преступлении, и сердце ныло, страдало за Хикуч.

«Я должен уйти из этого дома. Куда? Ведь нет у меня никого ни родных, ни близких... К Темыру, он звал меня к себе. Но как он посмотрит в глаза друга? Не

* Замухрышка, нищий.

я виноват, Сейдык вынудил. Но я мог не пойти, отказаться. Конечно, я виноват... Из-за любви к Хикуч на это пошел. Но зачем из-за моего счастья должны страдать Темыр и другие?..» Под напором этих мыслей Хабаш стал самому себе гадок и противен. Он долго мучился, но в конце-концов все же решил идти к Темыру. В это время он почувствовал чье-то жаркое дыхание на затылке. Он быстро оглянулся. За ним стоял бородатый козел. Хабаш потянул его за бороду, перекинул голову через плечо и прижал морду к своей щеке.

— Прощайте, мои милые, прощайте! Больше я вас не буду пасти, — заговорил с ним расчувствовавшийся Хабаш. — Все кончено. Мне нельзя больше здесь оставаться. Сейдык терзает мое несчастное сердце... В первый раз я ошибся, поверил его словам. А сегодня он снова пристал ко мне. Нет! Не сделаю этого! Прощайте! — он крепко поцеловал морду козла и быстро поднялся.

Потом оглянулся в последний раз на навес, годами служивший ему домом, посмотрел в сторону акуаски, где находилась Хикуч, и решительно зашагал к Темыру.

Уход Хабаша был ударом для Хикуч. Как тень бродила она по усадьбе, все валялось у нее из рук, она не находила себе места. Сейдык целую неделю терзал Хикуч, настаивая, чтобы она вышла замуж за Косту. Она упорно молчала. Оставаясь одна, подолгу плакала. В ней боролись два чувства: одно — привычка подчиняться воле старших, другое — инстинктивное желание свободно располагать своей личностью. Второе — жизненное и яркое — победило. Хикуч твердо решила не уступать отцу. В этом ей помогло комсомольское воспитание.

Она была у Кучира, рассказала о подозрительном поведении отца и брата и что отец, по ее мнению, — кулак. Говорила ему и о том, что ее притесняет отец, хочет против воли выдать замуж за торговца Косту. Кучир похвалил ее за то, что она ставит комсомольский долг выше семейного благополучия и обещал защитить ее от отцовского произвола.

Сердце Хикуч еще сильнее стало гореть желанием

увидеть Хабаша. «Загрыз его отец! Не выдержал, ушел», — думала она и в то же время хотела рассердиться на него за то, что он ни словом не предупредил ее об уходе. Она часто бегала на холмик, находившийся неподалеку от дома. Оттуда была видна пацха Темыра, его двор и колхозное поле, откуда часто неслись бодрые песни колхозников. Она зорко, неотрывно смотрела туда, видела вдали людей и среди них жадно искала Хабаша.

Сейчас она заметила его во дворе Темыра. Она упорно смотрела на него, чтобы не упустить момента, если он обернется. — Хабаш не оборачивался. Она стала сердиться, потом не выдержала, вложила пальцы в рот и свистнула. Тут же она испугалась своего свиста, боязливо оглянулась по сторонам. Хабаш повернулся и тотчас же узнал ее. Хикуч замахала руками, показывая знаками, чтобы он шел к роднику. Он понял и зашагал в ту сторону. Хикуч быстро побежала домой, схватила кувшин и отправилась за водой. Поставив кувшин под струю, она стала ждать, нетерпеливо поглядывая на тропинку. Наконец, показался Хабаш. Он шел, виновато опустив голову.

— Что ты сделал?.. Куда ушел? Почему мне не сказал? — набросилась она на него.

— Хикуч, я боялся, что если увидаюсь с тобой, мне станет еще больней уходить! А уйти я должен был. Сейдык предложил мне сделать такое, с чем я не мог согласиться.

— Что? Что?

— Тебе, Хикуч, не надо знать об этом.

— Как устроился? Где живешь? — засыпала она его вопросами.

— Я в колхозе. Живу у Темыра. В колхозе хорошо, дружно работаем. Но все же мне не по себе. Я так привык к тебе. Ты такая добрая. Скучаю сильно без тебя. И коз жалко... — тихо сказал он, чуть не плача.

Хикуч жадно ловила его слова, потом, вспомнив требование отца выйти замуж за Косту, не выдержала и заплакала, закрыв лицо.

— Что с тобой, Хикуч? Чего ты плачешь? — спросил Хабаш растерянно.

Две косы извивались змеями по ее согнувшейся спине. Плечи вздрагивали от рыданий.

— Хикуч, перестань!.. Скажи, что случилось? — беспомощно спрашивал он девушку, не зная, как ее успокоить.

Она подняла голову и сквозь слезы проговорила:

— Отец настаивает, чтобы я вышла замуж.

— За Косту! Значит это правда?

— Ты разве это знаешь?

— Сам Коста мне сказал! Я думал, он шутит. Да ведь он косой! — кипел негодованием Хабаш.

Хикуч снова залилась слезами.

— Не надо плакать, Хикуч. Ты не выходи за него, вот и все. Старик ничего не сможет сделать.

Она продолжала всхлипывать. Ему хотелось ее утешить, погладить по голове, но останавливала застенчивость. Наконец он не выдержал, дотронулся робко до косы и, волнуясь, сказал:

— Не надо плакать... Не плачь!

— Его рука невольно легла на ее черную, кудрявую голову. Она отняла руки от лица и сквозь влажные ресницы взглянула на Хабаша. Потом улыбнулась и стыдливо прислонила голову к его груди. Хабаш нежно прижал голову девушки и стал ее гладить.

— Перестань, Хикуч!.. Подумаем, что делать. Поступай, как хочешь. Я для тебя готов в огонь и в воду...

— Не знаю, Хабаш. За косого Косту я не выйду, пусть хоть убьют! Делай, что хочешь со мной, — проговорила она, не отнимая головы от его груди.

Хабаш не решался высказать свое затаенное желание.

— Хикуч, милая. Я увезу тебя к дальним родственникам Темыра. Побудешь там. А потом... найдешь любящего человека... — начал было он.

Она вздрогнула.

— Нет, Хабаш, я останусь с тобой... За тебя выйду... — сказала она и стыдливо спрятала лицо в ладони.

— Ты правду говоришь, Хикуч? — вскрикнул он радостно.

— Правду...

Хабаш крепко прижал ее к груди, наклонился и поцеловал в голову.

Она сильнее прижалась к нему. Потом спросила с тревогой:

— А как быть, если отец вздумает силой взять меня от тебя?

— Убью, но не отдам? — вскипел Хабаш.

Хикуч вспомнила комсомол и обрадовалась.

— Есть защитник! — улыбнулась она.

— Кто?

— Комсомол. Он против того, чтобы девушку насильно выдавали замуж!

— Хикуч, тебе не трудно будет со мной жить? У меня ведь ни дома, ничего нет.

— Я буду работать с тобой в колхозе! Не пропадем! Верно?

Хабаш улыбнулся, наклонился к ней и снова поцеловал.

— Свяжи нужные тебе вещи в узелок и завтра вечером жди нас здесь, у родника. Я и Темура придем за тобой.

Она кивнула головой, схватила кувшин и побежала к дому. Хабаш по ложбине спустился к пацхе Темура.

Глава двенадцатая

После ухода Хикуч из отцовского дома Сейдык почувствовал, что земля словно уходит из-под его ног. Он не мог мириться с тем, что какой-то безродный нищий пастух взял и увел с собой его дочь. Он жаловался в сельсовет. Туда вызвали молодых. Хабаш и Хикуч заявили, что они женились по обоюдному согласию. Тогда председатели сельсовета указали Сейдыку, что ему, как члену сельсовета, не годится держаться старых предрассудков и подчеркивать имущественное неравенство молодых. При этом он предупредил Сейдыка, что если тот станет травить молодых, то будет исключен из сельсовета. Проклиная в душе Хабаша, Хикуча, Темура и советскую власть, Сейдык ушел ни с чем.

Между тем, новый колхоз, основанный на твердых началах, быстро укреплялся благодаря дружной работе и помощи сельсовета.

Небо огромным синим опрокинутым котлом повисло над колхозом «Кривое ореховое дерево». Яркое весеннее солнце заливало его живительными лучами.

Молодой сын Озамата возился около своего стального коня, крепче подтягивая «подпруги».

Взрыхленное колхозное поле опоясывалось зелеными лентами. Жены колхозников, перешучиваясь, сажали рядами нежные табачные саженцы. Среди колхозниц была и Хикуч. В стороне Коблук, Базала и другие вбивали дубовые столбы. Строили табачный сарай.

Хабаш заткнул за пояс цалду и собрался влезть на ольху, чтобы очистить ее от лишних ветвей, затенявших пашню. В этот момент его окликнул Тему́р. Хабаш взглянул на него и опустил глаза.

Вот уже неделя, как он живет у Тему́ра, которому он причинил зло. Ест его хлеб соль, а плуг из глубины колодца с укором глядит на Хабаша... Все чаще и чаще вставал перед ним мучительный вопрос: «Рассказать обо всем Тему́ру или не говорить?...» Но ложный стыд все еще его останавливал. Тему́р не раз со скорбью вспоминал при нем об украденном плуге. Его слова расплавленным свинцом падали на сердце Хабаша. Он стал задумчив, грустен, нелюдим, перестал походить на прежнего веселого, радостного Хабаша. Его душевное состояние не мог не заметить Тему́р — он решил поговорить с другом. Подойдя к Хабашу, Тему́р спросил:

— Что это ты, Хабаш, женился и стал грустить? Таким я тебя никогда не видел. Я вижу это по твоему лицу. Что на сердце, то и лицо отражает. Может быть, ты жалеешь, что ушел от Сейды́ка?

— Что ты! Нет! — вырвалось у Хабаша.

Он поднял голову и снова быстро опустил ее. Тему́р заметил, что Хабаш избегает его взгляда.

— Вот ты и в глаза мне не смотришь. Что с тобой? Ты же знаешь, как я люблю тебя. Я считаю тебя своим братом. У Сейды́ка вместе мы когда-то делили и горе и радость. Я вижу, ты страдаешь, и мне это больно. Понимаешь? — говорил Тему́р.

Слова Темыра причинили Хабашу острую боль.

«Легче было бы, если бы он говорил со мною грубо, враждебно. Нет, я больше не могу. Признаться во всем признаться!..» — Он прислонился к стволу ольхи и, смотря в сторону, печально сказал:

— Эх, Темыр!.. Приставить бы себе к виску дуло револьвера...

— Что с тобой? С ума сошел? В чем дело? Разве плохо тебе у меня?..

— Нет! Нет! Но, пойми, Темыр, я недостойн твоих забот. И потому я... Я таким дрянным человеком оказался в отношении к тебе... — Хабаш закрыл лицо руками.

— Не понимаю тебя. Что случилось с тобой? Что ты таишь от меня? Человек свое горе всегда открывает другу. Язык — переводчик сердца. Заставь его говорить — легче будет. Говори! — настаивал Темыр.

Хабаш, не отрывая рук от лица, стал ронять несвязные отрывки фраз.

— Я много страдал, мучился... Мозг мой еще не созрел... Родных не было... Быть выкинутым... Да еще любил Хикуч... А Сейдык камнем давил. И я... плуг... Лежит в колодце... — выговорил он с трудом.

— Что ты сказал?! — вскричал Темыр и вытаращил на него глаза.

— Плуг... лежит в колодце.

— В каком?

— В лесу. В старом колодце.

— Это правда?

— Правда.

— Пулю мне в лоб — я...

— Ты бросил?

Некоторое время Темыр стоял в раздумьи. Хабаш страдальчески смотрел куда-то в сторону. Темыр подошел к нему ближе.

— Хабаш! — окликнул он его.

Тот медленно обернулся и увидел улыбающееся лицо. Он опустил голову. Темыр притянул его к себе и крепко обнял.

— И это все? Из-за этого ты так страдал?

— Твой друг тебе причинил зло... — начал Хабаш.

— Пустяки! Ты сам по своей воле никогда не причинил бы мне зла, Хабаш. Это сделал Сейдык! — Глаза Темыра гневно блеснули. — Но ничего, мы дадим ему рвотное, чтобы вернуть плуг, который он проглотил! Садись, расскажи, как это было.

Хабаш подробно рассказал все и добавил, как Сейдык впоследствии принуждал его разбить трактор.

— Собака! — вырвалось у Темыра. — Вредит и то чужими руками! Но копающий яму соседу, сам туда попадает.

Решили дать знать обо всем сельсовету. Темыр ушел. После своего признания Хабаш, почувствовал огромное облегчение и радостно взглянул в сторону Хикуч. Потом быстро влез на ольху, и под ударом его цалды полетели на землю срубленные ветки.

В здании сельсовета Кубрыц, предсельсовета и Мфилды обсуждали повестку заседания. Вбежал Кучир.

— Есть! — бросил он, подбегая к ним.

— Что? — спросил Кубрыц.

— Поручение твое выполнено.

— Какое?.. — припоминал Кубрыц.

— Прощупали Сейдыка!

— На сто процентов!

— Ну и как? Оправдалось?

— Так, так, — Кубрыц задумался.

— Кулак! Хе-хе-хе! Кулак! — проговорил зло Мфилды.

— Да! Классовый враг сидел у нас в сельсовете. Мы проморгали, — с укором заметил Темыр.

— Черт возьми! Комиссия же проверяла его имущественное положение, — ответил предсельсовета.

— Хе-хе! Провел ее хитрый Сейдык, середнячком прикинулся.

— У него, оказывается, было несколько сот коз. Он их распределил между дальними родственниками, а у себя дома оставил десятка три.

— Наемного пастуха имел? — спросил Кубрыц.

— Имел. Но он его выдавал за родственника, воспитанника. Старик Чахмет, его сосед, все рассказал. Он был свидетелем при найме.

— А Селым как? — спросил предсельсовета.

— Он правильно значится середняком.

В это время вошел Темыр.

— Что скажешь, Темыр? Как ваш колхоз? — обратился к нему, улыбаясь, Кубрыц.

— Колхоз работает... И плуг нашелся! — добавил обрадованно Темыр.

— Да неужели? Где?

— В колодце утонул.

— Как утонул?

Все удивленно подняли головы.

— Сейдык утопил.

— Сейдык?!

— Так... Значит червь изнутри подтачивал нас!.. — произнес Кубрыц.

— Хе-хе! Утопил его в колодце! — засмеялся Мфилды.

Темыр стал подробно рассказывать, как и кем плуг был брошен в колодец.

— Сейдык здесь? — спросил Кубрыц предсельсовета, когда Темыр закончил свой рассказ.

— Здесь.

— Он не должен знать, что его пастух все раскрыл. Пока будем говорить, что случайно кто-то обнаружил плуг. Отложим заседание и все вместе пойдем к колодцу! — Кубрыц обратился к Мфилды: — Объяви это членам сельсовета.

Мфилды вышел.

— Сегодня же надо сына Сейдыка исключить из комсомола, — сказал Кучир.

— А дочь? — спросил Кубрыц.

— Дочь сама помогла разоблачить отца и брата-пособника. Ушла из дому и порвала всякую связь с отцом. Она — активная комсомолка.

Мфилды вышел на балкон и во все горло крикнул:

— Идите сюда! Заседание не будет! Все идем к колодцу...

— К колодцу?

— К какому колодцу?

— Клад открыли?

— Хе-хе! открыли клад... Да еще какой клад!

У Сейдыка дрожь пробежала по телу, и он подумал: «Предал меня Хабаш».

Мфилды продолжал.

— Нашелся потерянный плуг...

— Плуг? Где? Как? — осыпали его вопросами.

Сейдыку в это время хотелось провалиться сквозь землю.

— Какой-то мальчишка ковырял в колодце палкой и наткнулся на плуг.

— У Сейдыка отлегло от сердца. Он облегченно вздохнул и подумал: «Значит, не Хабаш, случайно наткнулись...»

К членам сельсовета по пути присоединились встречные крестьяне. Все шумно подошли к колодцу.

Цалды колхозников быстро расчистили от колючек площадку. Принесли длинный шест с крючком. Предсельсовета передал его Мфилды, как самому сильному.

Тот опустил его в колодец и, водя им по дну, нащупал плуг.

— Хе! Хе! Хе! Вот где он! — и он стал стучать о плуг. Из глубины колодца послышался жалобный звон «утопленника». — Вот куда ты спрятался!... В колхозе не хочешь работать? — смеялся Мфилды.

Вокруг хохотали.

— Нет, Мфилды, не плуг не хотел, а тот, кто его спустил сюда! — сказал Хауд.

— Верно, верно! Это сделала вражья рука, — отозвался Мфилды.

Изловчившись, он зацепил плуг. Все сомкнулись тесным кольцом вокруг колодца. Мфилды стал тянуть, и на поверхности показались железные части плуга. Это вызвало радостные восклицания.

Сейдык стоял, опершись на палку, стиснув зубы и опустив голову, боясь смотреть людям в глаза.

— Я не буйвол, чтобы тащить плуг! Помогите. Пока он был в воде, легче было поднимать, а теперь он тяжелее стал! — крикнул Мфилды.

Все дружно бросились на помощь и вытащили плуг. Некоторое время окружавшие молча разглядывали его. Лемех не блестел, как прежде.

— Бывало, дадраа, крали лошадей, коров, быков, но не слыхивал я в жизни, хоть мне уже восьмой десяток пошел, чтобы люди крали плуг и кто это мог сделать? — нарушил молчание Осман.

— Не чужой человек, а из нашего села.

— Совесть надо было потерять, чтобы это сделать...

Кубрыц выступил вперед.

— Вы спрашиваете, кто это мог сделать? Так знайте — это сделал наш общий враг, враг колхоза, враг советской власти, враг, который хочет иметь опять власть Казылбака, нагайку царского урядника...

— Верно, дад, верно! — поддержал его старик Хуршид. — Это я по своей спине знаю. На ней следы казачьих нагаек. Потом кандалы таскал, в ледяной Сибири. У-у, продажные дворяне и князья! Из-за них я попал в Сибирь! — выкрикнул он, грозя кулаками.

— Да, враги хотели лишить нас плуга. Но руки у них оказались коротки...

— Опозорил кто-то наш поселок, — сказал Базала.

Сейдык подумал: «Молчать сейчас нельзя...» — и поддержал Базалу:

— Верно Базала! Не только опозорил нас, живущих в этом поселке, но прямо-таки без ножа зарезал!

Кубрыц брезгливо посмотрел на Сейдыка.

Хабаш побледнел, покраснел, снова побледнел и вдруг выпалил:

— Это я бросил!

Все разом оглянулись на него.

— Сейдык заставил меня! — и он указал пальцем на своего бывшего хозяина.

Тот, остолбенев, глядел на Хабаша.

— Я ушел от него потому, что он хотел заставить меня испортить трактор, — добивал врага Хабаш.

Сейдык стоял неподвижно, опираясь на палку.

Находившийся рядом Мыса вздрогнул.

— Что с тобой, Мыса? Ты чего так побледнел? — спросил его сосед.

— Я?.. Разве?.. — стал заикаться тот, пугливо озираясь.

В памяти его мелькнули: поминки, орешник, тайное совещание. Надвинулось противное лицо Казылбака, вспомнилась страшная «пуля». И вдруг он почувствовал, что эта пуля комом застряла у него в горле, стала душить... Он захрипел.

Все оглянулись на него. Мыса продолжал бормотать с перекошенным от страха лицом.

— Ты что? Разума лишился? — заорал на него Мфилды.

— Пуля... пуля мне в лоб... умер, — выдавил он.

— Кто умер? Ах, ты осел! Ведь ты жив.

— Нет, нет, Мфилды, меня убил вот он, — и дрожащей рукой Мыса показал на Сейдыка.

Тот оставался в том же положении, словно окаменелый.

— Поминки... Орешник... Тайное собрание. Хотели сход сорвать... — бессвязно выкладывал Мыса.

— Кто был там на вашем тайном собрании? — спросил его Кубрыц.

— Я, Сейдык, Казылбак, Кеймытхан, Келамат, Сабакей, поп, дьякон, меньшевик, мулла Есыф и... и... — он стал глазами искать в толпе кого-то и, заметив сжавшегося в комок Селыма, указал на него: — ...и он!

— Я? — пискнул Селым.

— Каз-зыл-бак... грозил застрелить меня, если я им изменю. И потому я молчал. Теперь пуля Казылбака убьет меня.

— Перестань! Пуле Казылбака не достать тебя! — крикнул предсельсовета.

— Что скажешь, Сейдык? — обратился к нему Кубрыц.

Сейдык окаменел.

— Идите за Казылбаком и другими, которых назвал здесь Мыса! — сказал двум милиционерам предсельсовета.

Те пошли. Тем временем, не мешкая, арестовали Сейдыка и Селыма.

— А меня? — спросил Мыса, вытаращив глаза.

— Ты — дурак! Вот и все! Рукой глупца змею ловят!.. Тоже, царя хотели посадить! — бросил ему Мфилды.

Утро. Солнце, умывшись горной росой, поднялось из-за далеких вершин, на миг застряло между двумя горными пиками, кинуло пламенный взор вниз, на долины, и раскидало сумеречные тени — остатки ночи.

В колхозе «Кривое ореховое дерево» работали колхозники, сменившие старую дедовскую жизнь на новую коллективную.

Шевелите мотыгой, удары сильнее!
Пусть звонкие звуки прольются...

«Пойте колхозную песню смелей!» — начал запевала, сын Озамата. Под ним весело урчал и тарахтел трактор. — Хах-сах! Звенели мотыги колхозников.

Колхоз победно прокладывал путь к зажиточной жизни.

В это время мимо колхоза, по проезжей большой дороге вели его врагов. Они шли молча, согнувшись. Впереди шагал Казылбак, мрачный и злой, с низко надвинутой на лоб папахой. За ним семенил Сейдык — конец его башлыка не торчал уже надменным рогом, как прежде. Сейдык напоминал теперь бодливую корову, у которой обломали рога. Дальше шел поп, путаясь в полах черной рясы, опустив пухлый нос, похожий на ореховый наплыв. Рядом с ним плелся дьякон. Похудевшее лицо, с обвислыми желтыми щеками, придавало его голове еще большее сходство с дыней. За этой парой семенил низенький мулла Есыф. Тяжело волочили ноги Келамат и Сабакей. Между ними шагала, головой выше всей компании, костлявая Кеймытхан. Последним шел осунувшийся, иссохший Селым, в серой шапчонке, изъеденной молью.

— О-о-о, Хабаш! — крикнул Темыр, завидя арестованных.

- Эй! — отозвался тот.
- Посмотри на дорогу!
- Ничего не вижу!
- За кустарник зашли!

Хабаш схватился за ветку ольхи и мигом очутился на верхушке дерева. Увидев Сейдыка и других, он соловьем засвистал в листве.

Колхозники тоже стали смотреть на дорогу. Из-за кустарника показалась группа арестованных.

— А ну, дад, начни колхозную песню, крикнул Осман трактористу, сыну Озамата.

Тот затянул первые слова высоким, бодрым голосом. Снова гулко застучал трактор. Дружным хором колхозники подхватили песню, звонче застучали мотыги, в такт песне насвистывал Хабаш, спускаясь с ольхи.

Далеко неслась победная песня колхозников, соревновавшихся в работе...

1933—1934.

КАМЕНЬ С ОЧАГА ДЕДУШКИ

Вечер. Казалось, что солнце, погружаясь в море, зашипело, вспыхнуло ярким огнем и потухло.

На село набежали сумерки. Закудахтали куры, взлетая на ночь на ольху, стоявшую возле дома Качбея. Дрозды, перекликаясь, летели с места на место, ища в зарослях удобного убежища. Замычали коровы, откликнулись телята.

Стемнело.

Шакалы, ждавшие ночи для темных дел, подняли в лесу вой. Ответно залаяли собаки. Кур бросило в дрожь, они крепче зажали когтями ветви, на которых сидели. Одна из них от страха закудахтала. «Кыйт!» — захрипел на нее петух, как бы приказывая ей замолчать. Птицы притихли, стали прислушиваться к страшным голосам.

— Чего не идешь, мамалыгу сняли! — крикнула жена Качбея, выглянув из кухни.

— Иду! — слышался голос со стороны скотного двора.

Качбей пошел домой, сутулясь. Сутулость придавала ему вид человека, вечно чего-то ищущего. Глаза были беспокойные, бегающие. Бородка острая, словно обтесанный кол.

Поужинав, стали укладываться спать. Когда семья легла, Качбей притушил очаг золой, чтобы сохранить до утра жар и лег спать.

Лежал Качбей и крепко думал. Гвоздем засела ему в голову одна мысль. Так и сяк вертел он ее, подходил к ней со всех сторон, взвешивал за и против и приходил к одному выводу — обязательно надо присвоить.

Наконец Качбей решил заснуть. Но сна не было. Он долго ворочался с боку на бок, закрывая веки, силился

забыться, но мысль снова и снова, как назойливая муха, возвращалась к нему.

Тогда он лег на спину и стал глядеть в темноту.

Вспыхнуло пламя очага и потухло.

Вспорхнул мрак, Качбей успел увидеть черную закоптелую балку под крышей. Снова темнота черной пленкой закрыла ему глаза. Мысль, испугнутая пламенем, вернулась.

Качбею надоело лежать на спине, он повернулся на правый бок, но все-таки заснуть не мог.

Вспомнил о табаке.

«Это уж наверняка отгонит мысли», — подумал он, пошарил рукой на табуретке, нащупал трубку, набил ее табаком и взглянул на очаг.

Искоркой горел поверх золы уголек.

Качбей встал, положил уголек в трубку, надавил сверху ногтем большого пальца, потянул раза два и лег.

Догорел табак. Качбей стряхнул пепел ударом о ладонь, положил трубку на место, закутался в одеяло и старался ни о чем не думать. Но воля его вскоре ослабела, уступив место все той же назойливой мысли.

«Зачем она Хабжкutu? Ведь она ближе ко мне», — подумал он и повернулся снова на спину.

Сон не приходил. Качбей засвистел.

— Что с тобой? Кто свистит ночью в постели? Не бесы ли вселились в тебя? — удивилась его жена.

— А-а-а!.. — проворчал Качбей.

— Что свистишь? Лишился рассудка? Спи!

— Спи... Заснешь тут! Я уж давно стараюсь, а сон не приходит. Не бесы вселились в меня, а навязалась одна мысль и не дает мне уснуть.

— Что за мысль?

— А вот что: уже целых три года, как мы живем здесь, я все смотрю на этот кусок земли, что лежит у нас под боком, за речушкой. Вот если бы его прибрать себе в собственность, было бы неплохо.

— Землю Хабжкута?

— Землю Хабжкута! Не ему она принадлежит. Он присвоил ее. Это земля деда Мысы. А Мыса, как ты знаешь, живет в другом поселке. За три версты... Она ему не нужна. Правда, кусок небольшой, но очень

уж лакомый. Эх, принадлежи она мне, сейчас же спалил бы папоротник, что на ней растет и немедля начал бы пахать! — закончил Качбей.

— Хорошо было бы, конечно, но не наша! — сожале-ла жена.

— Он присвоил чужое наследство, — продолжал Качбей.

— Земля ближе ко мне. Мне следовало ее иметь. Надо подумать, — добавил он.

Замолчали.

Давно уже спала жена, но долго еще перед глазами Качбея стояла земля Хабжкута, такая жирная, плодородная... Наконец пришел желанный сон.

Земли, что засела в голове Качбея, было не больше четверти гектара, вся она заросла папоротником. Только по середине участка, на площади, которую можно было покрыть одной буркой, зеленела трава.

Перед рассветом петух Качбея, сидевший на ольхе, зажал когтями ветку, чтобы не упасть, вытянул шею, как бы давясь, и крикнул на весь поселок.

У Качбея сон был еще не глубокий. Крик петуха слегка задел его слух, он шевельнулся, но не проснулся.

Когда петух крикнул снова, Качбей его уже не слышал: он видел сладкий сон, — земля Хабжкута принадлежала ему. Радостно посвистывая, он поджигал на ней папоротник.

Весело вспыхнуло пламя. Огонь жадно пожирает сорняки, горячий жар пышет Качбею в лицо, приятно щекочет нос голубой дым. Вот уже весь папоротник сожжен, кругом серый пепел, только в середине зеленеет небольшая площадка.

Третий раз пропел петух. Это было на рассвете. Ему ответил петух Хабжкута. Качбей пахал. Покрикивая на буйволов, он дошел уже до конца участка и только что сделал поворот, как петушиный голос просверлил ему ухо. Веки замигали и он приоткрыл глаза. Лицо его улыбалось, на сердце — мед. Явь и сон смешались. Потом действительность ворвалась в сознание.

«Это был сон!» — подумал Качбей и наморщил лоб. Мед на сердце уступил место горечи.

В хижине стоял еще полумрак.

— Эй, ты, вставай, рассвело! — окликнул он жену и стал одеваться.

— Как рассвело? Еще темно! Какой ты в эту ночь беспокойный!

— Как это темно? Не слыхала разве? Наш петух кричал уже на ольхе, — сказал он, подсел к очагу и стал разжигать огонь.

Когда совсем рассвело, Качбей вышел из дому, взял цалду, положил себе на плечо и зашагал по двору. Потом скосил глаза в сторону участка, что ночью не давал ему спать.

Его неудержимо потянуло туда.

Он поспешно отворил ворота, поднял своих буйволов, лежавших под деревом, и выгнал их. Потом перепрыгнул ручей и зашагал по желанной земле. Остановился на зеленой площадке и окинул взглядом весь участок.

— Машаллах! — прошептал он, поглаживая бородку.

В это время Хабжгут открыл дверь своей пацхи и вышел во двор. Это был сухощавый мужчина с редкой растительностью на лице. На голове его торчала шапчонка из козлиной шкуры.

Утренние косые лучи солнца сладко целовали его. На душе стало светло.

Хабжгут остановился и прислушался. Недалеко был колхоз. Долетевшее до него пение колхозников приятно ласкало слух. Между тем, в начале организации колхоза он смотрел враждебно на тех, кто вступал в него.

«Радость у них в голове, радость», — подумал он. Вспомнилась новая крыша колхозника Мамсыра, покрытая желтой черепицей. Да и Сакут, который был беднее Хабжгута, строил теперь рядом со своей плетенкой небольшой домик, а он, Хабжгут, все живет в своей покосившейся пацхе.

Вошла жена.

— Знаешь, думаю я иной раз, не войти ли нам в колхоз? Что ты на это скажешь, а? — обратился он к ней.

— Как тебе лучше, так и делай, — ответила та.

— Пойду, обязательно пойду! — решительно проговорил Хабжгут.

И вдруг он заметил на своем участке шагавшего вдоль и поперек Качбея и вспомнил, как однажды Качбей в разговоре с ним как-то вскользь упомянул его землю. Мелькнула мысль: «Не собирается ли он ее присвоить?»

Он взял топорик и направился к участку.

Качбей не заметил подходившего Хабжгута.

— Доброе утро, сосед! — поздоровался Хабжгут. — Чего ищешь?

Быстро обернувшись, Качбей увидел Хабжгута с топориком на плече. «Откуда его дьявол принес?» — подумал он и ответил:

— Добро тебе! Ищу буйволов, — соврал он и добавил: — Ты куда?

— Иду к Джабесия, — соврал и Хабжгут.

Больше они ничего не сказали, разошлись. Скрывшись с глаз Качбея, Хабжгут свернул в сторону и лесом возвратился домой, а Качбей направился к себе, недовольный, что его застали на лакомом участке.

На другой день утром Хабжгут был поражен: ворот Качбея не оказалось на месте. Они были вплотную придвинуты к самому участку Хабжгута. Теперь было ясно, что коварный сосед подбирается к его собственности.

— Эй, ты! — окликнул он свою жену. — Видишь, куда придвинул Качбей свои ворота? На нашу собственность метит, собачий сын! Знаешь, что ты сделаешь? Качбея нет дома, а то я сам пошел бы к нему. Что я скажу женщине? Ты пойди и выведай у жены его, что означает перенос этих ворот.

Она завязала голову косынкой и пошла. Подходя к дому, она встретила жену Качбея, шедшую с кувшином за водой к колодцу.

— О, Чамсия! — крикнула ей жена Хабжгута.

Та поставила кувшин на землю.

— Что тебе?

Соседка подошла к ней.

— Скажи, Чамсия, почему вы перенесли ворота и вплотную придвинули к нашей земле? Вот о чем я хотела тебя спросить.

— Не ваше дело, где и куда мы переносим свои ворота! — отрезала женщина.

— Что я вижу?! И канаву вы проложили по нашей земле? Это почему?!

— И это не твое дело.

— Хайт, что значит не мое дело?! Канаву проводите по нашей земле — не наше дело? Землю забираете и это не наше дело? Что это значит? А-а?

— Приедет муж, его спроси.

— Не надо твоего мужа, ты сама скажи.

— Иди спокойно домой, пока вот этот кувшин не разбит о твою голову!

— Айт, дурная! Твое берут и еще голову ломают!

— Иди, иди, ты, жена паршивого Хабжкута!

— А твой муж, твой муж?! Подумаешь, какой хороший! Кривой, как крючок, несчастный!

Началась перебранка, которая перешла в гневные крики. Услышав это, Хабжкут позвал жену:

— Оставь ее! Иди, иди сюда!

На следующее утро чуть свет Хабжкут решил пойти на свой участок и, пока не завладел им Качбей, начать работать самому.

Взял цалду и пошел.

Он решил сперва очистить участок от папоротника, для чего надо было его сжечь. Чтобы огонь не распространился на лес, Хабжкут обошел по краям участка, расчищая их от сорняков. Потом крикнул жене, чтобы та принесла огня.

Качбей, услышав голос Хабжкута, выглянул.

— Опередил меня! — пожалел он и схватил свою цалду.

— Выпусти буйволов со двора! — крикнул он жене и побежал к Мысе, деду которого принадлежал когда-то участок.

Жена Хабжкута притащила мужу горящее полено. Он взял его и подложил под сухой папоротник. Тот затрещал и вспыхнул. Так поджег он в разных местах. Огонь разросся. Огромные языки пламени взвились в воздух,

голубое облако дыма потянулось, как бы дразня, к дому Качбея. Хабжгут, горячий от огня, шнырял то там, то сям, не давая огню переброситься на лес. В дыму мелькала и его жена. Вскоре папоротник был сожжен. Серый пепел лежал кругом. Лишь в середине участка зеленела площадка.

Между тем, Качбей подошел к воротам Мысы и остановился.

— О, Мыса! — крикнул он.

— Хай! — вскричал тот и поднялся, прервав свой завтрак.

Мыса был здоровенный детина. Густая, черная борода щетинистым ежом сидела у него на подбородке.

— Это ты, Качбей! Откуда так рано? Иди сюда, будем есть, — приглашал он гостя.

— Нет. Да множится твой хлеб и соль! Ищу своих буйволов. Не видел ли ты их?

— Нет, не видел.

— Хай, чтобы собаки их съели! Ночью не пришли домой.

Он врал. Перед уходом его из дому, животные мирно лежали во дворе под деревом.

— Хотел сегодня начать пахать, а их нету, — продолжал Качбей. — Ты, Мыса, начал уже пахать?

— Нет еще.

— Тогда нас с тобой опередил Хабжгут. Под боком у меня, с западной стороны, есть у него небольшой кусок земли, вот он сегодня на нем работает. Уже сжигал папоротник.

— Ну, не может быть!

— Что ты так удивился?

— Ведь это моя земля!

— Как твоя? Это земля Хабжгута.

— Как его? Там жил мой дед Тлабган.

— Вот как! Я этого не знал. Как же так он это допускает? Ведь вы же родственники, хотя от разных линий. А он вспахивает очаг чужого деда! Это и мертвым не понравится, — добавил он лукаво.

Упоминание покойника еще сильнее задело Мысу.

— Если бы это сделал чужой — другое дело, но когда это делает твой же брат, что на это скажешь? А?

— Если на тебя он не посмотрел, то хоть подумал бы о твоём деде, «джанат» ему, о Тлабгане. Ну, да будет тебе добро! Я спешу, — попрощался Качбей.

Долго стоял Мыса и думал о поступках Хабжкута. Потом, шлепая по грязи, пробежал три километра. Приближаясь к спорному участку, он замедлил шаги, затем остановился у края леса и выглянул из-за деревьев: Хабжкут проворно, да ещё и посвистывая, обрубал обожженный молодняк ольхи. Мыса побагровел, нервно покрутил усы и вышел.

Увлеченный работой Хабжкут не заметил его.

Мыса откашлялся и плюнул.

Хабжкут оглянулся. Мыса сердито плюнул второй раз. Усы его, словно бычьи рога, угрожающе торчали по сторонам и нервно шевелились.

— Добро пожаловать, Мыса! Что ты не поздоровался? Где был?

— Где был, спрашиваешь? Так пришел. Лошадей искал.

Хабжкут еще раз взглянул на Мысу.

— Здоров ли ты? Синий какой-то.

— Я-то здоров, а вот ты, кажется, нездоров! — выпалил Мыса.

Хабжкут вытаращил на него глаза.

— Что с тобой? Я тебя спрашиваю по-человечески, а ты как отвечаешь? Не левой ли ногой ты переступил сегодня порог своей пацхи?

— Левой или правой — не в этом дело. Зачем ты спалил папоротник?

— Что, тебе жалко, или ты хотел скосить его? Чего на свете больше, если не папоротника! Иди коси его на моей ниве, сколько угодно. Даже спасибо скажу. Да и зачем тебе тащиться за папоротником сюда за три версты, когда у самого у тебя этого добра много.

— Твоего папоротника мне не надо. Я хочу свой, и землю, на которой он рос.

— Вот оно что! Теперь я понимаю, отчего ты надулся, как кокон. Эта земля не тебе принадлежит, а мне. Она моя.

— Как? Как?! Твоя, говоришь?! — насторожился Мыса.

— Да, моя. Помешался ты что ли?

— Не я, а ты, Хабжкют! Вот на этом самом месте жил и умер мой дед Тлабган. Вот этот пригорок — его очаг! — горячился Мыса.

Подняв обожженный камень и тыча его под нос Хабжкута, он зашипел:

— А этого не видишь? Камень с очага моего дедушки!

— Вижу, вижу! Но чей это камень, твоего дедушки или моего — это еще вопрос.

— Как это вопрос?

— А так. Знаю я, что твой дед Тлабган жил и умер здесь. Но знаешь ли ты, кто его здесь поселил? А-а? Спрашиваю я тебя? Мой дед Софидм. Он жил здесь же, а потом переселился ниже, где я теперь живу. Твой дед Тлабган был махаджир.* Когда он возвратился из Турции, на его земле жили уже другие. Некуда было ему идти, а мой дед пожалел брата, и поселил его вот здесь. Понял?

Мыса молчал.

Хабжкют, думая, что убедил его, продолжал:

— Вот. Все мои предки жили здесь, кроме моего отца Катмаса, джанат ему: Софидж, Мада, Маху, Мдар, Богун, Сосран, Гедлач, Кобзач, Мзоуч, Куадж, — перечислял он по пальцам. — Твои предки, начиная с твоего отца Сагяса, джанат ему, хороший был человек, — Тлабган, Сасрыква, Салмаква, Зосхан, Ширин, Рашит, Татей, Титу, Зач, Куадж, который был наш общий предок и жил здесь. Все остальные жили там, где теперь живет Саураз. У Куаджа было двое сыновей: Зач и Мзоуч — братья. От них мы и произошли: ты по линии Зача, а я по линии Мзоуча. Вот так, Мыса. И ты еще говоришь — твоя земля!..

— Подожди, Хабжкют! Зачем ты вспоминал всех наших предков? Мало ли было людей на свете. И до наших предков кто-нибудь жил здесь. Надо смотреть на

* Переселенец.

того, кто последним жил. Это был мой дед Тлабган, понимаешь? Не позволю тебе ворочать очаг моего дедушки, хоть трижды мне ты будь брат! Хватит с тебя, что ты уже сжег папоротник! Уходи отсюда! Начнешь пахать — худо будет. Больше ничего не скажу! — угрожающе закончил Мыса и, круто повернувшись, ушел.

Хабжкут засвистел.

— Удивительно! Пословица говорит — пришел чужой петух и выгнал домашнего петуха! И это, оказывается, случается на самом деле, — протянул Хабжкут, продолжая работать.

Всю ночь Мыса спал плохо. Покушение на его собственность тревожила его. Утром он снова побежал на спорную землю.

Хабжкут пахал, да еще пел при этом!

Мыса рассвирепел и загородил дорогу буйволам.

— Стой! Не пущу! Сейчас же распрягай! — заревел он.

Хабжкут стоял молча, одной рукой держал ручку плуга, в другой руке у него была хворостина. Он удивленно смотрел на Мысу.

— Не хочешь?! — вскричал Мыса и принялся своими руками распрягать буйволов.

— Не делай этого! Не тронь! — взвизгнул Хабжкут. Но Мыса не слушал его — отпряг одного буйвола, ударил его носком ноги в бок, отчего буйвол отбежал в сторону, а конец ярма уткнулся в землю. Тогда Мыса кинулся ко второму. В этот момент хворостина со свистом рассекла воздух, но не достала Мысу. Тогда Хабжкут подбежал к Мысе и толкнул его. Тот повернулся, схватил противника за горло и с силой отшвырнул. Хабжкут, теряя равновесие, отлетел назад. Шапчонка упала наземь. Обнажив местами облысевшую голову, словно изъеденную молью. На потной лысине заблестели солнечные лучи.

— А-а, так! — вскричал Хабжкут и кинулся на обидчика.

Мыса вытянул вперед здоровенную, волосатую руку, схватил редкую бороду Хабжкута и дернул. Подбородок точно обожгло. Лицо Хабжкута передернулось от боли.

«Вырвет бороду. И без того мала... Голый подбородок!» — мелькнуло у него в голове и он завопил:

— Не тронь, не тронь моей бороды!

— Не только бороду, челюсть вырву! — закричал Мыса и, крепко сжав бороденку противника, подтолкнул подбородок вверх.

Голова у Хабжкута запрокинулась назад. Глянуло на него яркое небо и пробегающая белая тучка. Чтобы спасти свою бороду, Хабжкут стал охотиться за бородой Мыса, но тот догадался, чего хочет Хабжкут и стал увертываться от цепких рук, мотая головой из стороны в сторону. Наконец костлявые пальцы Хабжкута нащупали густую бороду Мысы и крепко вцепились в нее.

— Пусти, говорю, мою бороду, иначе вырву у тебя целый клочок! — уже храбрился Хабжкут.

А надо сказать, в том селе борода ещё была в почете...

Мыса разжал пальцы и Хабжкут тоже. Толкнули друг друга и отскочили в разные стороны.

— Аайт! — закричал Хабжкут.

— Афукара!* — крикнул Мыса.

Снова набросились друг на друга и схватились уже за поясицы.

Мыса был сильнее Хабжкута, но тот ловчее. Мыса сразу поднял противника и старался повалить его, но каждый раз Хабжкут своей тонкой и подвижной ногой крючком зацеплялся за ногу Мысы и не падал. Мыса вдруг вспомнил, что он когда-то видел в сухумском цирке, как один из борцов, сразу опустившись вниз, бросил через голову своего партнера.

«Если что поможет, так только это», — решил он, сразу сел на корточки и через свою голову перекинул Хабжкута. Однако Хабжкут поднялся раньше Мысы, подбежал к нему и стал быстро работать кулаками. Мыса схватил противника, повернул на бок, смял под себя и сдавил ему горло.

Хабжкут захрипел. Глаза его полезли на лоб. Он струсил:

«А что, на самом деле, этот буйвол может заду-

* Негодный, ничтожный.

шить», — мелькнула в его голове испуганная мысль. Хриплым голосом он стал увещевать врага:

— Мыса, глупый, ты поломаешь мне горло. Подумай, что ты делаешь, осел...

— Молчи! Уйдешь ты с этой земли или нет? — ревел над ним медведем Мыса.

Спасая себя, Хабжгут незаметно подвел под Мысу колено и с силой толкнул. Перекинувшись через голову Хабжгута, тот упал. Хабжгут вскочил и полной грудью втянул в себя воздух. Однако поднявшийся Мыса снова двинулся на него. Схватились опять...

В это время драку заметила жена Хабжгута, подняла крик и побежала к дерущимся. Залаяли собаки, пустившись вслед за хозяйкой. Всполошились и закудахтали куры. Глупая телка подпрыгнула на месте, издавая какой-то радостный звук и, хвост торчком, пустилась по двору. Колхозники, побросав работу, побежали на крик.

Раньше всех прибежали на место соседские собаки, окружили дерущихся и стали лаять на них, словно загоняя диких зверей.

Качбей, издалека наблюдая за дракой с самого ее начала, посмеивался себе в бороду.

— Выйди к ним и ты, — велел он жене. — А то скажут — никто из нас не явился. Если спросят, скажи, что меня нет дома.

Но любопытство сильно мучило его. Он вышел из дому украдкой, прячась за деревья, перешел речушку и, засев в ближайший от дерущихся куст, стал ждать, чем кончится драка, злясь на Мысу за то, что тот не догадывается камнем разmozжить голову Хабжгуту.

Наконец прибежавшие колхозники разняли драчунов.

— Киафыр, не то надо было тебе! — грозил Хабжгут.

— Показал бы тебе, — ворчал и Мыса.

Оба тяжело дышали, словно собаки в жаркий день. Отпряженный Мысой буйвол безмятежно щипал в стороне траву, другой спокойно жевал, стоя под ярмом.

Вдруг собака Качбея подняла истошный лай у куста. Качбея бросило в холодный пот. Он тихо окликнул собаку, которая, услышав свое имя, из глубины куста вытаращила глаза, ничего не понимая. Тотчас она залаяла сильнее и стала яростно кидаться на куст.

На нее обратили внимание, пошли к ней. Увидев это, Качбей вскочил и решил бежать, но зацепился за колючки. Пока он отцеплялся, колхозники раздвинули кусты.

— Это ты, Качбей?!

— Да... я... — ответил он замогильным голосом.

— Что ты тут делаешь?

— Хотел придти к вам.

— А зачем в кусты лезть, когда кругом дорога? Выходи!

— Да вот, проклятые колючки!..

Ему помогли выбраться.

Качбей силился улыбнуться, но вместо улыбки слабо оскалил зубы.

Собака, узнав хозяина, подбежала к нему и завиляла хвостом, как бы прося прощения за то, что по ее вине он попал в такое неловкое положение.

Жена Качбея с ужасом всплеснула руками и надвинула косынку на глаза.

«Унан*, умер бы ты! Живыми нас похоронил. Сидел бы, дьявол, дома. А я тут сказала, что тебя нет», — мысленно проговорила она. От жгучего стыда она готова была провалиться сквозь землю.

— Ааит, Качбей, — вскричал Хабжгут, заведя настоящего виновника драки, ты сидел здесь в кустах и следил за нами?! А ведь ты тоже охотился за этим участком! Мне сдается, что это ты напустил на меня Мысу. Так, Мыса?

Мыса молчал.

— Дадраа, — обратился тогда Хабжгут к колхозникам, — мой отец, дед и прадеды жили все вот здесь, всю жизнь одиноко ковыряли землю, спорили и дрались за «мое-твое», а умирали бедно. И я тоже сижу на земле моих отцов и все живу бедно. И это «мое-твое», как вы

* Возглас удивления.

видели сегодня, заставило подраться меня с братом и стать врагами. Давно хотел проситься в колхоз, а теперь решил: вот вместе со всей моей землей и буйволами примите меня в колхоз!

— Правду сказал ты, дад, Хабжкунт, — ответил за всех седой старик колхозник Мзоуч, — от этого «мое-твое» — все зло на свете: они заставляют проламывать черепа друг другу, стрелять друг в друга. Только есть одно, что кладет конец всему этому, делает людей братьями и помогает жить трудящимся богато — это колхоз.

1935 год

Село Атара.

О, АЛЛАХ, АЛЛАХ!

I

— О, аллах, аллах! Сломалась спина, сломалась! — вскричала Ханифа, жена Гедлача, и, опустив на пол кувшин с водой, схватилась за спину.

— Что с тобой, мать! — спросила дочь Есма и, торопливо положив сито с мукой в миску, поспешила к ней на помощь.

Все это совсем не понравилось старику Гедлачу, сидевшему у очага. Он вынул изо рта трубку и сплюнул прямо на горячие уголья, которые сердито зашипели. Затем он поднял глаза и посмотрел на стоявшую в углу, согнувшуюся в полколеса жену. Это была съеденная временем старуха, с иссохшим, сморщенным лицом и длинным носом.

Не выдержав зрелища страданий жены, Гедлач отвел взор в сторону и устремил глаза через открытые двери вдаль.

В это время солнце коснулось моря и потухло, оставив на горизонте ярко-красные мазки.

Легкой паутиной пали на землю сумерки.

— Ох, кажется, спина моя думает совсем поломаться! — повторила Ханифа, оперлась одной рукой на руку своей дочери и направилась к стоявшей у очага скамье.

— Беспокойна твоя душа. Подождала бы ты, и Есма, окончив просеивать муку, сама бы налила воду в котел. Я вижу, спина твоя тебя погубит! — произнес Гедлач и закурил снова трубку.

Струи голубого дыма одна за другой, точно пар из трубы паровоза, вылетали изо рта Гедлача и пробивались сквозь нависшие, ржавые усы, тянулись ватной пряжей к пламени костра и растворялись в нем.

Гедлач был крепким стариком, с бритой головой. Густая борода ежом висела на подбородке, а ласковые глаза из-под серых бровей, казавшихся серыми гусеницами над его глазами, мягко освещали лицо.

Ханифа и Гедлач на своем веку не знали болезней. Только за последнее время у старухи стала побаливать спина: точно ее ковырял кто-то шилом.

Не нравилось это Гедлачу, но он ничем не мог ей помочь. Он жалел старуху.

На своем долгом жизненном пути они привыкли вместе встречать и тяготы, и радости жизни.

Теперь Гедлач старался заглянуть в будущее: вдруг умрет старуха и оставит его одного. Правда, дети не выбросят его, позаботятся о нем, но все же старуха лучше всех его понимала. Она была ближе к нему. Казалось ему, что после ее смерти, он долго не проживет.

Чтобы помочь Ханифе, испробовали все возможное: пустили во двор петуха с отрезанным гребешком, повесили с причитаниями медный таз, три раза обвели вокруг старухи телку, потом отрезали у телки кончик правого уха, завернули в кусок навощенной материи и тщательно спрятали в ушко сундука, поминали умерших родных старухи, чтобы те преждевременно ее не звали к себе, словом, полностью исполнили все советы знахарки, но ничего не помогало.

Повернули воющую старуху спиной к костру и долго ее грели.

Боль не унималась.

— Иди, позови Кеймытхан. Она кое-что смыслит в болезнях, — сказал Гедлач дочери.

Вскоре ввалилась в пацху, словно на ходулях, высокая, худая, как палка, шустрая старуха, с живыми, бегающими глазами. Одежда на ней висела, как на скелете. Маленькая ее голова с крючковатым носом была насажена на тощую шею.

— Э-э-э-й, видишь, Кеймытхан, видно умирать собралась старуха моя! — пожаловался Гедлач.

— Опять спина? — спросила Кеймытхан и опустилась на стул против Ханифы, почти касаясь подбородка длинными коленями.

— Ни жива, ни мертва, милая, — ответила Ханифа и умоляюще подняла на нее глаза.

— Мне жаль тебя, Ханифа, но ничем тебе помочь не могу — все, что можно уже испробовала, — сказала Кеймытхан и, как будто углубившись в себя, стала о чем-то напряженно думать. Потом вдруг спросила: — А почему бы тебе не пойти к Елырныхху?* Она даст тебе исцеление.

— И правда, Кеймытхан, — подхватил Гедлач. — Нам даже в голову это не приходило. Идем, завтра же идем! — сказав это, он толкнул ногой полено и миллионы искр вспорхнули с костра, поднялись вверх, завертелись над черной, закоптелой крышей, а оттуда белыми снежинками посыпался пепел.

— Идем, разве я говорю нет, — сказала Ханифа, и в глазах ее блеснула надежда. Ей даже показалось, что и спина стала как-то меньше болеть. — Будь милостива к нам, Елырныхху! Видишь, Кеймытхан, заговорили о ней и боль стала утихать.

При этих словах Гедлач заерзал на стуле, вынул трубку изо рта и неподвижно уставился на старуху.

— Слышите, не сболтните скверного слова! Мы произнесли ее имя. Елырныхху глядит на нас. Будь милостива к нам! — сказал боязливо Гедлач и трижды перекрестился (он был христианин).

— Целую ее золотую ступню, — пробормотала и Ханифа.

— Иди, Ханифа, иди! — молвила Кеймытхан, разом выпрямилась и зашагала к выходу.

— Завтра же! — твердо сказал Гедлач и тоже поднялся.

II

— Эй, ты! Вставай, вставай! — окликнул на рассвете Гедлач свою жену.

— Что?.. Рассвело?.. — спросила Ханифа и быстро

* Илорская икона, слывшая чудотворной.

приподнялась. — Нан, вставай и ты! — окликнула она дочь, спавшую в небольшом отделении пацхи, и стала одеваться.

Гедлач поднялся с постели и подсел на корточках к очагу. Потом расковырял головешкой золу, которой накануне прикрыл огонь, — в ней золотом засверкали горячие уголья. После этого, подбросив сухих веток, он стал раздувать огонь.

Вспыхнуло пламя, и тени запрыгали по стенам.

Гедлач стал одеваться.

Вошедшая дочь подала ему ноговицы, и он натянул их до колен. Потом надел, предварительно размяв в руках, чувяки из шкуры еще зимой околевшего буйвола. Их Гедлач клал летом на ночь в специально вырытую в земле небольшую яму под тахтой, чтобы они оставались мягкими. Завязав на ногах чувяки тонкими ремнями, он подошел к двери пацхи и распахнул ее.

Утро, смеясь, ворвалось внутрь.

Горы сонно громоздились на востоке, к их вершинам, веером распустив крылья, вздымалось солнце.

Утро заиграло на лице Гедлача.

— Да будет нам к добру рассвет! — сказал он и зашагал по двору.

Заметив хозяина, скотина стала мычать.

Телята, услышав голос своих матерей, беспокойно запрыгали в хлеву.

Буйволица, вытянув шею, пыталась схватить языком виноградные листья, свисавшие с лозы.

— Чтобы тебя собаки разорвали! — закричал на нее Гедлач.

Услышав окрик, буйволица как бы вдруг почувствовала, что по ее спине со всей силой ударил хворостиной хозяин. Дрожь пробежала по ее спине, она разом отбежала. Затем оглянулась назад — посмотреть, не гонится ли за нею Гедлач. Увидев, что нет, буйволица спокойно направилась к буйволенку.

Петух, со вчерашних сумерек забравшийся вместе с курами на ольху, сжал когтями ног ветку, на которой

сидел, хлопнул раза два крыльями о свои бока, вытянул шею, раскрыл клюв и хрипло выдал:

— Кукареку-у-у!

В ответ запел соседский петух, подтверждая, что настал рассвет.

Гедлач умылся у реки, вывернув полу своего арха-лука, вытер ею лицо и пошел обратно домой.

Дома он пошарил среди всякого домашнего хлама, отыскал свою шапчонку из козлиной шкуры, всю изъеденую молью, и набросил ее на бритую голову. Потом накинул на плечи башлык, а концы его заткнул сзади за пояс.

— Готова ли ты? — окликнул Гедлач свою старуху.

— Сейчас, сейчас! — торопливо проговорила Ханифа и с помощью Есмы крепко завязала шалью спину. Другую она закутала голову, оставив открытыми лишь глаза и длинный нос.

— Да будет благословен наш путь! — сказал Гедлач и двинулся, опираясь на посох.

— Будь умницей без нас, — пожелала дочери Ханифа и поплелась, переваливаясь уткой, за своим стариком.

III

Был полдень. Солнце палило невыносимо.

— Э-э-х, большой палец ноги выскочил наружу! Это когда я в дороге споткнулся о корни граба. Беда! И шила не захватил с собою, — досадливо говорил Гедлач, отдыхавший со старухой на бревне в стороне от шоссе, в прохладной тени деревьев. Он набил трубку табаком, достал из кисета кремень, огниво и стал высекать огонь.

В это время, подняв целое облако пыли, пролетел мимо автомобиль, за ним другой.

— Унан! Скажи, это и есть афтанабил?.. — всплеснув

руками, спросила Ханифа, озабоченно глядя вслед убегавшим машинам.

— Да, — ответил твердо Гедлач, как будто это его ничуть не удивило и погладил свою жесткую бороду.

— Катятся сами... Ни буйвола, ни лошади. О, аллах, нас сотворивший! — сказала Ханифа, высморкавшись.

— Бедная ты! Что ты видала? — снисходительно и хвастливо проговорил Гедлач (как будто он сам много видел). — Я еще в прошлом году ездил на афтанабиле, когда был вызван в Очамчири свидетелем по делу Казахуа. Точно выстрел из ружья доставил он нас в Очамчири...

Не успел Гедлач окончить своей речи, как подле них, страшно дыша, остановился автомобиль.

— Добрый день! — обратился к ним сидевший в нем.

Старик и старуха поднялись.

— Да будет тебе добро! — ответил Гедлач.

— Куда идете?

— В Илори, сынок.

— Садитесь, я вас подвезу.

— Услуга, оказанная старикам, да обернется тебе добром! — ответил Гедлач, заткнул за пояс трубку, влез в автомобиль и сел рядом с пригласившим.

Старуху, посадили рядом с шофером, чтобы ее меньше трясло.

Страх охватил ее, но помня, что сзади сидит старик, она пыталась храбриться.

Вдруг автомобиль страшно заворчал, рванулся и шайтаном покатился по шоссе.

Порыв ветра ударил старикам в лицо (им показалось это бурей). У старухи волосы стали дыбом, и ей почудилось, что весь свет рушится. Горы и деревья запрыгали перед глазами и побежали мимо.

Ханифа крепко вцепилась в сидение руками.

«И уздечки на ней не видать, как он остановит?» — подумала она в ужасе.

Она пожалела, что села, но было поздно — автомобиль мчал ее, словно разъяренный буйвол.

Гедлач растопырил ноги и твердо уперся ими о дно машины, придавил посох левой рукой к левому плечу, а правой рукой придерживал свою шапчонку, чтобы ветер ее не унес.

Пролетев таким образом несколько километров, он несколько перевел дух и почувствовал в себе даже способность пошевелинуться.

Сперва он осторожно пошевелил пальцами правой руки, ощутил под ними шапчонку, сжал ее, снял с головы и заткнул за пояс.

Вслед за этим у него появилось желание покурить.

Он медленно разжал левую руку, достал трубку и поднял правую ногу, чтобы о сухой чувяк вытряхнуть пепел.

Но тут ему бросился в глаза черепаший головой высунувшийся из чувяка большой палец ноги.

Гедлач застыдился и поднял другую ногу. Вытряхнув пепел, он стал набивать трубку табаком.

А со старухой приключилось что-то неладное. Она беспокойно заерзала на месте. Потом вдруг сжала рот рукой и оглянулась на своего старика, прося глазами помощи.

Гедлач ничего не понял и, бессмысленно выпучив глаза, смотрел на нее.

Понял ее только шофер.

Он остановил машину и отворил дверцу.

Старуха вылезла, села у края шоссе: ее стошнило.

— Будь милостива, нан Елырныха! Стали приближаться к тебе, вот ты и даешь о себе знать! — проговорила Ханифа, вытерла подолом юбки рот и поднялась.

— Это машина укачала тебя, мамаша! — смеясь заметил шофер.

IV

Вот и Илори. Высадив стариков, машина покатила дальше.

В стороне стояла церковь «святого» Георгия, чудодейственная сила которого веками одурманивала крестьян.

Древняя стена, окаймленная зеленым плющом, окружала церковь.

Цепкая зелень плюща въелась в камни стены.

— Вот это и есть илорская церковь? — спросила Ханифа.

— Да, да, молчи! Да поразит тебя молния! Не видишь, где мы находимся? — опрызнулся Гедлач и, обернувшись к жене, добавил: — Иди, иди за мной.

Старики двинулись вместе к воротам каменной ограды.

Подошли и остановились.

Испуганно переглянулись.

Гедлач снял шапчонку и сунул ее подмышку.

— Слышишь, что-то ослабли мои колени, — проговорил он.

Страх Гедлача передался старухе и ее большой нос, казалось, еще больше вытянулся.

— Подойди ближе, — сказал Гедлач.

Старики решили сделать еще несколько шагов вперед. Прошли арку, вступили в зеленый двор и остановились.

Робкие взгляды их, цепляясь за предметы, обшарили двор.

— Крестись, слышишь, крестись! — сказал Гедлач жене, и оба стали непрерывно креститься.

Перестали они креститься только тогда, когда внимание старухи привлек голубь, севший на вершину стоящего в стороне дерева.

— Видишь, видишь? — сказала Ханифа, толкнув мужа в бок и указывая пальцем на дерево: — Точно такого же я видела на дверях нашей старой церкви. Не святой ли он?

— Возможно, — сказал Гедлач, робко поднял глаза, посмотрел на голубя и перекрестился.

— Слушай, не увидим ли мы самого святого Георгия? — продолжала любопытствовать Ханифа.

— Возможно, что и его увидим. Ну, давай двинемся дальше. Пока что все благополучно.

Зашагали дальше.

У дверей храма столкнулись с попом.

Старики сначала не признали попа. У страха глаза велики. Им показалось, что из церкви выпорхнул сам святой Георгий.

— Георгий... сын мой... Будь милостив... — стал причитать Гедлач, усиленно крестясь.

— Золотую... ступню... Спина... сын... спина... — забормотала и старуха.

Заметив, что старик крестится, она последовала его примеру, но с испуга перепутала руки и тыкала себя в лоб левой.

Увидев это, Гедлач толкнул ее ногой и шепнул:

— Правой, дура, правой!

Поняв, что его принимают за святого Георгия, поп ехидно хихикнул и сказал:

— Слушайте, я священник илорской церкви.

Гедлач поднял глаза. Только теперь он заметил на его груди крест.

— Скажите, что вам нужно, и я попрошу у святого Георгия милости для вас.

— Сынок, вот у старухи моей спина... — начал было Гедлач, но жена перебила его.

— Как шилом кто ковыряет!

— Ну, ладно. Идите за мною, — сказал поп и повернулся к двери церкви.

Старики последовали за ним.

После разговора с попом страх их несколько ослабел. Взгляды Гедлача и Ханифы встретились.

— Да поразит тебя молния! — пробормотал Гедлач. — Послушался тебя... Попа за Георгия принял... Голову потерял...

Но когда вошли в полутемную церковь, страх снова вернулся к ним.

Глаза опасливо бегали по сторонам. Старикам казалось, что вот-вот блеснет молния, и произойдет что-то страшное.

— Держись ближе, ближе ко мне, — проговорил Гедлач, стуча зубами.

— Не уйти ли нам? — пугливо спросила Ханифа.

— Поздно, дура! От кого ты вздумала бежать? — произнес Гедлач и взгляд его упал на серую бороду попа, струей падавшую вниз.

Поп стоял против царских врат.

Качаясь, точно маятник часов, он непрерывно крестился.

«Какой святой, должно быть, этот поп!» — подумал Гедлач и стал тоже креститься.

Ханифа последовала их примеру.

Крестились все трое: поп усердно, имея свои «особые соображения», муж и жена машинально.

— Вот это илорская икона, — сказал, наконец, поп, указывая на небольшого размера икону с изображением Георгия, поражающего копьем дракона. — Встаньте на колени и перекреститесь.

— Целую твою золотую ступню! — сказала Ханифа, со стоном опускаясь на колени, и прикоснулась губами к пыльной ножке столика, на котором лежала икона.

Поднялись старики, приложились губами к иконе и остановились поодаль.

Поп направился за чем-то в угол церкви.

— Послушай, вот эту маленькую штучку и зовут Елырныхой? — спросила вдруг Ханифа Гедлача.

— Аллах проклянет тебя! — выругался Гедлач. — Какие только слова лезут из ее уст? Разве это «штучка»? Когда я прикоснулся к ней губами, огненные искры посыпались мне в глаза! — сказав это, Гедлач перекрестился. (Блеск жестяной оправы ему показался огнем, исходящим от иконы).

— Вот этим святой Георгий поражал все дурное, — произнес поп, поднося к ним большой, в рост человека, изъеденный ржавчиной и когда-то сработанный плохим кузнецом железный лук.

— Какой большой! — вырвалось у Ханифы, и она подняла глаза на старика, стоявшего с разинутым ртом.

— Пройдись через его отверстие, и все недуги твои покинут тебя, — обратился поп к Ханифе.

Три раза прошла Ханифа сквозь «чистилище».

После этого поп подвел стариков к иконе и велел поднести ей дар за милость.

Старуха достала монеты и положила подле иконы.

— Ну, теперь вы свободны. Милость илорской иконы снизошла на вас, опина больше не будет болеть, — сказал поп и отпустил их.

Гедлач и Ханифа, окрыленные, не чувствуя под собой земли, вышли из церкви, прошли двор и через ворота направились к шоссе.

Посмеиваясь в бороду, поп сгреб ладонью монеты стариков и высыпал их в свой вместительный карман.

* * *

— Как ты себя чувствуешь теперь? — спросил через некоторое время свою старуху шагавший перед ней Гедлач.

— Совсем девушкой, — ответила Ханифа.

— Не может быть! — удивился старик, и в его голове мелькнуло: «Что если на самом деле помолодеет старуха, а я останусь подле нее стариком?»

Это не совсем понравилось Гедлачу. «Почему я сам тоже не прошел через отверстие лука? Сглупил!» — пожалел Гедлач и, быстро обернувшись, окинул старуху взглядом.

За ним плелась старческой походкой та же самая Ханифа, выставив вперед дуплистый нос.

«С виду-то нет никакого изменения. Возможно душа помолодела», — решил Гедлач и зашагал быстрее.

* * *

Вечерело. Гедлач сидел у себя на дворе и плел корзину. Рядом с ним сидела Ханифа и пряла. Кончив пряжу, она приподнялась.

— О, аллах, аллах! Сломалась, спина сломалась! — вскричала она вдруг и опустилась на землю.

Корзина выпала из рук Гедлача.

ПЕСНЬ СТРАДАНИЯ

(Быль)

Горы-гиганты толпой обступили бархатную поляну.
Высоко по небу, хлопьями, раскинулись облака, белыми лебедями плывут они вдоль отвесных скал.

Среди поляны, храня думы народа, стояла вековая липа.

Под ее распластавшейся кроной чинно расположились умудренные опытом старики.

Решали мирские дела.

Почтительно слушала молодежь. Безмолвно внимали горы.

Говорил старик Хаджмат.

Голову его змеей обвивал белый башлык. Нити седой бороды водопадом стекали вниз.

Говорил он долго, глядя вниз, посохом тыкая в землю. Порой вскидывал голову вверх, и из-под белых стрельчатых ресниц глаза его, беспокойно блуждая, окидывали дали.

Хаджмат окончил.

Шумная молодежь образовала круг.

Под такт горячей песни и хлопанья в ладоши легко скользят на пальцах молодые ноги. Сияют довольные лица отцов, и кажется им, что вновь они видят себя молодыми.

Не вытерпел старик. Держась за кинжал, он бросается в пляс, легко кружась и сгибая ноги.

Загорелась молодежь. Засверкали в такт пляске выстрелы. Запахло порохом.

— Нет, не то, не то!.. Бывало не танцевал — летал, а теперь уже кости одряхлели, — с разочарованием в голосе произнес старик, занимая свое место.

Замолкли песни.

Молодежь заскучала.

— Спойте, отцы, наши песни старины! — требовали настойчивые.

— Молодежи надо уступить, — сказал Хаджмат. — Пусть слушают и запоминают наши песни, — пусть передаются они из поколения в поколение и живут в нашем народе.

Он затянул «Песнь страдания».

Хором вторили старики.

Эта грустная песня, полная тоски, далеко разливалась, эхом отдаваясь в скалах.

Хаджмат пел вдохновенно, все больше и больше отдаваясь настроению песни.

Последние звуки откликнулись эхом в горах.

Песнь замолкла.

Наступила тишина.

Никто не хотел нарушать ее. Только листья шатром раскинувшейся липы тихо шелестели над головами.

Глубокий вздох вырвался из груди Хаджамата, и он поник головой.

— Что с тобой, Хаджмат? — заволновались окружающие.

— Ничего... так... — с тоской ответил старик. — Знаете ли вы историю этой песни? — спросил он, поглощенный грустными думами. — Я расскажу ее вам.

* * *

— Это случилось давно.

Одинокий корабль шел к турецкому берегу.

В безбрежном море он казался упавшей бабочкой, подхваченной капризной волной.

Кораблем правил турок.

Полные дум, сидели на носу старый Чахмат и его семья.

Это были последние махаджиры*.

В разоренном и выжженном ауле остался один Чахмат.

* Переселенцы, изгнанники.

Проходили дни.

Горы больше не отвечали эхом на песни своих сыновей.

На выступах гор, в долинах и ущельях стояли обгорелые столбы саклей, словно плакальщицы в глубоком трауре.

Только в черные ночи из осиротелых аулов долетал вой собак, крик совы и плач одинокой птицы.

Долго боролся Чахмат со своей любовью к родному краю, глубокой тоской по братьям, покинувшим родные горы. Жуткие ночи в мертвых аулах разрывали его сердце.

Не выдержал старик.

Он поспешно собрался в далекую Турцию, вслед за махаджирами.

Чахмат с семьей спустился к морю.

Турецкий корабль, бродивший вдоль берегов Абхазии, увез их с собой...

Над головой могильным курганом давило небо.

Старик чувствовал себя потерянным.

Он долго сидел на носу корабля, то глядя в глубь темной ночи, то переводя глаза на искры небесного костра. И звезды стали казаться ему огоньками его родной земли, разбросанными по склонам гор, долинам и ущельям...

Всплеск волны — и Чахмат очнулся.

Все тот же корабль, затерянный в море.

Впереди — страшная, неизвестная даль. Позади — сожженный край, закованный в цепи...

Но вот турецкий берег принял изгнанников.

Последнее звено, связующее Чахмата с родной землей — корабль — исчезло за морем.

Изгнанники долго молчали, устремив блуждающие глаза в глубь страны.

Ни души.

Бесконечная голая выжженная земля.

Опаленное небо, раскаленным котлом, повисло над головой, неумолимо обжигая своим зноем махаджиров.

Потянулись томительные дни.

Знойный воздух все иссушал, а опустевший кувшин не утолял больше жажды.

Мертвые долины сменились холмами. И снова безбрежная песчаная степь.

В пустыне веяло смертью.

— Воды-ы-ы! — тихо застонали путники и как бы в ответ, из серой выси слышалось:

«Киу! Киу!»

Над головами умирающих кружился орел.

«Недалеко родник!» — пронеслось в отуманенных головах несчастных. Пять пар жадных глаз впились в движущуюся точку.

Несколько плавных кругов, и вестник стрелой полетел к земле.

Молодой Темыр, сын Чахмата, бросился вперед, но орел взметнулся вверх и исчез.

— Погибаем! — застонал Чахмат.

— Отец! — решительно заявил Темыр, — я последую за орлом!

Он прощальным взором скользнул по лицам родных и исчез.

Сын Чахмата больше не вернулся.

Остались старуха-мать и младший сын.

На холме в неглубокой могиле под горячей землей лег старый Чахмат с дочерью.

Два раза день сменялся ночью.

А на третий день труп юноши преградил им дорогу. То был Темыр.

Прошел еще день.

Чтобы не усилить жажду сына, мать словом не обмолвилась о своих страданиях. Только в час смерти из ее высохших уст с глубоким стоном вырвалось:

— Воды!

Спасения не было.

Сын опустился возле матери, готовый умереть. И в смертной тоске затянул «Песнь страдания».

Умирающая собрала свои последние силы, обняла сына и стала вторить ему.

В мертвой пустыне, объятые смертью, они пели последнюю песнь.

И снова раздалось знакомое: «Киу! Киу!»

Орел стрелой рванулся вниз и скрылся за холмом.

Младший сын Чахмата бросился вслед.
За холмом в овраге журчал спасительный родник.
Испуганный орел взмахнул крыльями и высоко поднялся в воздух.

В войлочную шапку потекла родниковая вода.
— Мать!.. Вода!.. — в неистовом восторге кричал сын, поднося к губам матери шапку с водой.
Высоко в небе кружился спаситель-орел.

* * *

— ...Мать и сын вернулись в родной край. Вскоре она умерла.
— А сын?
— Он перед вами. Это я — Хаджмат.

* * *

Сказав это, он поднял глаза, еще полные тяжелых воспоминаний...

Но вот печаль сошла.

Радость сверкнула в глазах Хаджмата, он улыбнулся и добавил:

— Теперь, дадраа*, нет больше этого тяжелого прошлого!.. «Песнь страдания» сменилась песнью радости! — сказал он и обратился к молодежи: — А-ха, дадраа, пойте комсомольскую песню.

Молодежь запела.

Эхом перекликнулись скалы, рождая могучие хоры.

1927

* Ласкательное обращение.

ПОЕЗД № 6

Москва.

Тревожный шепот виснет в воздухе, никнет к земле, льнет к ушам, становится ощутимым, осязаемым...

Из Горок весть:

«Ленин умер!»

«Не стало Ленина!»

Горе тяжелым молотом стучит в ушах. Давит глыбой... Леденит мозг... Сжимает сердце...

Ширится весть. Гудят провода. Стучится у Кавказских гор радиогоревестник:

«Умер горный орел!»

И кажется, что скорбно склоняют седые головы гордые исполины Эльбрус и Казбек.

— Джанат ему, — говорят старики, срывая с голов башлыки и папахи.

Съезжались в Москву со всего СССР прощаться с любимым вождем.

Павелецкий вокзал. Шесть часов утра. Бледнеет электрический свет. Тихо.

Поезд № 6 стоит в траурном уборе. От него веет скорбью.

Садятся делегаты.

Поезд отходит. Он идет медленно, как бы под гнетом тяжелых дум. — Все ближе и ближе к Горкам.

Понури́в головы, в скорбном молчании сидят делегаты. Их мысли — в Горках.

Тихо. Только стук колес отдается в тишине.

Сурово, сосредоточенно смотрят люди на станциях вслед проходящему поезду.

Герасимово — последняя станция.

Поезд остановился.

От станции до Горок пять километров.

Длинной вереницей растянулось полсотни саней. Едут делегаты. Звонко хрустит под ногами снег. Сверкает морозная пыль, жжет щеки.

Впереди возвышаются Горки.

Сердце бьется сильнее. Перед мысленным взором широкий гениальный лоб Ильича.

Сквозь строй берез и сосен мелькнул белый дом, в котором Владимир Ильич проводил последние дни своей жизни.

Скоро увидим Владимира Ильича. Скоро. Но... — мертвого.

Нет, не хочется верить в его смерть!

Ленин не умер, он не может, не должен умереть!

Молча двигаемся по аллее к белому, большому зданию.

Вот здесь, на этой даче, больной Ильич проводил последние дни своей жизни.

Ходил по этой аллее. Сидел на скамейках. Беседовал со здешними крестьянами. К ласковому дедушке Ленину приходили деревенские ребятишки. Он думал об СССР, о мировой революции. Сюда к нему за советами приезжали руководители партии и правительства... Здесь каждый сантиметр земли — история.

Поднимаемся на верхний этаж. Вот мы у дверей комнаты великого Ильича.

Волнение...

Входим. Взор падает на белеющий лоб Ильича. Мертвый! Недвижим лежит он в гробу, обложенный цветами и зеленью. Морщинки у глаз. На груди орден Красного Знамени.

Соратники по работе и борьбе в почетном карауле у тела вождя. Надежда Константиновна, Мария Ильинична.

Обходим прах Ильича медленно, неотрывно глядя, чтобы запечатлеть его образ навсегда.

Спустились. Двор и улицы запружены народом. Проститься с любимым вождем трудящихся пришли крестьяне ближних деревень.

Красный гроб плывет вниз по лестнице. Его опускают на землю.

Снежинки нежно ложатся на лоб Ильича, осыпают его, словно белые лепестки весенних цветов.

Закрыли гроб. Подняли.

Скользнув по нему опечаленным взором, бородатый крестьянин говорит:

— Наш Ильич... как отец, о нас заботился...

И низко опустив голову, идет за гробом.

На белой снежной равнине вьется длинная лента людей. Мелькают башлыки, папахи, меховые шапки. Впереди красный гроб Ильича.

Станция.

Продолжительный плач гудка встречает прах вождя мирового пролетариата. Звучит скорбная музыка.

Приняв дорогой гроб, поезд идет обратно в Москву.

Станция запружена людьми. Они останавливают поезд, хотят проститься с Ильичом.

Обнажаются в лютый мороз головы. Глаза увлажняются. Плачет траурная музыка, плачут люди.

И так на каждой станции.

Снова Павелецкий вокзал. Вся Москва здесь.

По Красной Москве плывет гроб с телом Ильича. Миллионы идут за ним.

Идут медленно между фасадами домов. К стеклам окон льнут скорбные лица и капли горячих слез стекают по ним. Плачет рабочая Москва. Плачет трудящийся люд.

Гроб поставили в Колонном зале Дома союзов.

Непрерывным потоком идут рабочие и крестьяне, идут проститься с вождем революции.

Красная площадь.

Холод. Горят костры.

Четыре часа пополудни.

Рев гудков. Вопли сирен. Вой автомобилей. Гулкий салют пушек. Москва замерла. Замер СССР. Гроб с телом любимого вождя, гения человечества опущен в мавзолей...

Мелькает мысль: «А как без Ленина?»

И зазвучала мощно клятва нашей партии.

— Клянемся тебе, товарищ Ленин, что с честью выполним твою заповедь!

— Клянемся тебе, товарищ Ленин, что будем хранить единство нашей партии, как зеницу ока!

Эту клятву единым голосом произносила вся ленинская партия, вся Советская страна.

Партия сдержала клятву. Она твердо и уверенно идет по ленинскому пути от победы к победе.

И она полностью завершит то великое дело строительства социализма, за которое всю жизнь боролся Ленин и которое завещал он, уходя от нас.

1924

АПХЯРЦА*

Играют волны у берегов.

Горы, нестройно нагроможденные друг на друга, манят к себе, в свои теснины, где гремят горные потоки, где рождаются ветры. Зеленые предгорья, словно ниспадающие волны, ласкают взор, заманчиво кивают своими вершинами деревья.

Сколько красок! Голубое небо, зеленеющий простор, желтые, красные, синие, белые цветы; темнеющая зелень, белые, стальные дали!

Шепчутся травы, шелестит опавший лист, лепечут ручейки, а над всем этим — вечное огненное солнце!

Гаснет день. Веют бледные сумерки. На вершинах гор прорвавших завесу неба, догорают огни уходящего дня.

Умер день.

У подножья гор, в недрах тьмы, прилепилась пацха абхазца.

У тлеющего костра грустит апхярца, и ей разноголосно вторит горный ручей.

Медленно скользит смычок по струнам, дрожат то-скливые звуки. Скорбит немая ночь, овеянная мраком. Уныло склоняется невидимый ветер.

Вдруг сорвется смычок, помчится по струнам, разнесутся веселые звуки. Зазвенит радость, перекликнутся горы и растает тяжелая скорбь.

И вновь грустит апхярца под тихо скользящим смычком...

* Горская двухструнная скрипка.

... Бегут годы, бегут века, призывно поет апхярца.
С севера свет! Не с востока — с севера!
Вдохновенный смычок бежит по струнам. И песнь,
революционная песнь летит над горами.
Поет апхярца, и ей разноголосо вторит горный ручей.

1932 г.

ГОРОД ВЫШЕК

Недвижим на синем Каспии Апшеронский полуостров.
Словно сказочный кит, непрерывно извергает он смо-
листую нефть.

• Биби-Эйбат! Балахны! Сураханы! — Колодцы золо-
та!

По жирной спине Апшерона, точно гигантские жуки,
ползут вагоны.

Баку!

Амфитеатром, окаймляя бухту Ильича, развернулся
пролетарский город.

Он прижался к котловине, словно защищаясь от сви-
репного норда.

Норд гудит и ревет звонким холодом, разбиваясь об
острые углы домов.

Под его ударами бегут и падают обессиленные вол-
ны.

Бухту, словно вражеское знамя, рвет и треплет сви-
репый норд.

Ночь.

Город сверкает электроискрами.

Из ночной глубины выступают мириады огненных
глаз.

Они светятся, улыбаются, перемигиваются, точно
звезды.

Огни Баку — яркое ожерелье на темной шее смуглянки!

Застывшее небо, виснет над бухтой, глотая гулкие
отзвуки города.

Многомашинной грудью дышит город!

Эй, Запад! Не гляди так жадно на Баку.

Он не достанется тебе!..

Мулла! Не зови с высоты минарета аллаха, он низ-
вергнут прозревшим Востоком!

Баку, 1928.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	3
Сейдык (повесть)	7
Глава первая	9
" вторая	17
" третья	24
" четвертая	28
" пятая	39
" шестая	47
" седьмая	62
" восьмая	72
" девятая	81
" десятая	99
" одиннадцатая	117
" двенадцатая	125
Камень с очага дедушки	135
О, аллах, аллах!	149
Песнь страдания (Быль)	160
Поезд № 6	165
Апхярца	169
Город вышек	171

Самсон Чанба
ИАЛКААУ ИФЫМТАҚУА
(урыс бызшәала)

სამსონ ჭანბა
რჩეული
(რუსულ ენაზე)

Литературный редактор П. Слетов

Издательский редактор Ф. Искандер

Техредактор М. Д. Хахмигери

Корректор З. Костикова

Подписано к печати 20.VII.1960 г. Объем 11 печ. лист.
Заказ № 1974. Тираж 2000. Цена 4 р. 70 к.

Типография им. Ленина Грузглавиздата, гор. Сухуми.

С 1 января 1961 года
Цена _____ руб. 47 коп

